

Дмитрий
Соколов

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ТЕРРОР В КРЫМУ В 1917-1921 гг.

Дмитрий Соколов

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

**Большевистский террор в Крыму
в 1917—1921 гг.**

Москва
Издательство МНЭПУ
2015

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 611

Соколов Д.В. Без срока давности. Большевистский террор в Крыму в 1917–1921 гг. / предисл. д.и.н. В.Ж.Цветкова. — М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. — 148 с.

ISBN 978-5-7383-0396-8

Новая книга севастопольского исследователя Дмитрия Соколова рассматривает один из самых трагичных периодов в истории Крыма, России и Украины в XX столетии — время революций 1917 г. и Гражданской войны. Из мирного курортного региона полуостров превратился в арену кровопролития, стал испытательным полигоном коммунистических социальных экспериментов. На основе широкого круга источников в работе прослежено зарождение и главного инструмента революционных преобразований — ничем не ограниченного террора, который начался с отдельных всплесков насилия и закончился системой тотального подавления.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 611

ISBN 978-5-7383-0396-8

© Соколов Д.В., 2015
© Академия МНЭПУ, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ ИСТОРИКА

Святейший Патриарх Тихон писал в 1918 году о страшном грехе разделения и братоубийства, охватившего российское общество, поддавшееся на обещания пришедших к власти революционеров. В специальном Послании по поводу Брестского мира он отмечал: «...Заклученный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения. Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимые потери...

У нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им преклонить главу. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращаются из полков воины и не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними население часто прибегает к ужасному самосуду».

И в другом, даже более известном Послании, написанном Святейшим Патриархом в годовщину прихода к власти Совета народных комиссаров, звучат слова обличения: «...От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнаружить полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что «больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други свои» (Ин.15:13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями. Отказавшись защитить Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует

себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников», этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюционности». Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми Таинами, а тела убитых не выдают родственникам для христианского погребения».

Эти слова Патриарш Посланий никогда не стоит забывать. Ведь в них Святейший Патриарх особо отмечает всю лживость и опасность тех надежд, которыми жило российское общество после заключения «позорного» мира с агрессором — кайзеровской Германией. Ведь будучи на «пороге победы» Россия погрузилось в хаос гражданской войны. И вместо победы в кровопролитной тяжелой войне с врагом внешним, победы, которая принесла бы России не просто долгожданный мир, но обеспечила бы почетное место среди держав-победительниц, способствовала бы дальнейшей демократизации российской политической системы, в стране началась страшная, кровопролитная война на уничтожение «врагов внутренних», «классово чуждых врагов народа»...

Святейший Патриарх со скорбью отмечал, что для достижения столь необходимой для России национальной победы сил у общества не хватило, но с лихвой хватало сил, средств и оружия для братоубийства.

Можно долго рассуждать, спорить об объективных и субъективных причинах, приведших к гражданской войне, но ясно одно — трагедия охватила все слои населения России, и на долгие десятилетия Россия оказалась ослабленной и расколотой. Можно также рассуждать и о том, что, например, в годы «индустриализации» и «коллективизации» был совершен «мощный рывок» и Россия вышла на «передовые рубежи», но стал ли этот «рывок» аналогичным и в политической и, что не менее важно, в духовной сфере?..

Российское общество XX века слишком часто воспроизводило специфическую модель социальных отношений, при которой общественные противоречия разрешались весьма просто. Классовая борьба требовала уничтожения и подавления классовых врагов. А гражданская война, как официально заявлялось, была «высшей формой классовой борьбы». Эта модель составляла существо идеологии т.н. «красного террора». И эта модель, в большей или меньшей степени, в той или иной форме, к сожалению, нередко проявляла себя и в последующие десятилетия советской истории. Ее начало сопровождалось громким и страшным августовским

декретом 1918-го года, но ее отмена — столь же громким и ясным актом о национальном примирении, о прощении и милосердии — так и не произошла...

Многие, далеко не самые худшие люди прежде единого русского общества оказались разделенными барьером, преодолеть который не удавалось почти все годы XX столетия. Но ведь братоубийство ослабляет нацию, подрывает основы гражданского общества, является гибельным для государственности.

Поэтому необходимо помнить о «красном терроре», иначе, стремясь к согласию и примирению, невозможно будет понять и представить себе трагические страницы нашей отечественной истории столетней давности.

Очередная книга Дмитрия Соколова, молодого севастопольского исследователя истории Крыма в XX столетии, посвящена очень важной проблеме. Не случайно ее название — «Без срока давности». В ней подробно, несмотря на небольшой объем, с привлечением широкого круга источников, рассматриваются вопросы, связанные с проведением политики «красного террора» в Крыму. Крымская земля, на которой в годы революции и гражданской войны сменилось больше десятка разных правительств, пострадала от трагедии братоубийства во многом больше, чем другие регионы России. Слава Богу, в последнее время здесь открыто уже немало памятных знаков, мемориальных часовен, поставленных на местах массовых расстрелов в 1917–1921 годах. Изданы и переизданы большими тиражами книги писателя Ивана Сергеевича Шмелева, историка Сергея Петровича Мельгунова, отражавшие события революции и Гражданской войны в Крыму. Но многое еще предстоит сделать. И хотелось бы надеяться, что читатели, познакомившись с книгой Дмитрия Соколова, поймут это и смогут объективно, непредвзято взглянуть на события нашего прошлого.

*Василий Цветков,
доктор исторических наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Жестокие потрясения, революции, войны неизменно сопровождали человечество на протяжении всей истории. Однако XX век явил такие бездны зла и насилия, в сравнении с которыми померкли ужасы прошлых эпох.

Еще одной приметой столетия стало возникновение политических систем и режимов, отрицающих традиционные ценности, религию, духовность, мораль. То, что всегда преследовалось и осуждалось, вылезло на поверхность и стало преподноситься как норма.

Одной из таких доктрин, овладевших (и где-то продолжающих владеть до сих пор) умами миллионов людей, стало учение Маркса и Энгельса. Это учение породило в свою очередь различные партии и движения, которые провозгласили своей целью ниспровержение существующего государственного порядка, ликвидацию частной собственности и кардинальное переустройство всех сфер общественной жизни.

Победа этих политических сил, их приход к власти в результате революции, вооруженного переворота, гражданской войны либо прямой интервенции всегда приводили к утверждению деспотии, под лозунгом социальной справедливости попирающей не только гражданские права и свободы, но и религиозные чувства людей. Первое такое «государство нового типа» возникло на руинах бывшей Российской империи. Члены одной из радикальных политических группировок — партии большевиков (РСДРП (б)), возглавляемой Владимиром Ульяновым-Лениным, воспользовались внутренней смутой, вызванной падением царского строя в феврале-марте 1917 г., и пообещали взбудораженным массам решение всех социальных проблем. Правильно поставленная организация, беспринципность, напористость давали большевикам огромные преимущества на пути к обретению политического господства. Эффективно противостоять этому натиску либеральное Временное правительство оказалось бессильно. Больше того, поощряя «революционность», ставшие у кормила правления деятели, сами того не желая, давали своим противникам все необходимые козыри.

Там, где следовало проявить жесткость, правительство, опасаясь обвинений в «реакционности», ограничивалось одними лишь полумерами. Это в свою очередь способствовало дальнейшей дестабилизации общества и привело в конечном итоге режим, установившийся в стране после отречения императора Николая II, к закономерному и скорому краху.

Тем временем Ленин и его партия вели планомерную и слаженную работу, уверенно продвигая свои идеи среди населения. Важно при этом отметить, что сценарий, согласно которому ленинцы действовали в межреволюционный период, не был составлен на скорую руку, но представлял собой продуманную стратегию, теоретические основы которой были сформулированы еще в начале столетия. Уже в 1902 г. в работе «Что делать?» Ленин разработал основы учения о партии как «ре-

волюционизирующей, руководящей и организующей силе рабочего движения» и отразил основные организационные формы, пути и методы создания боевой революционной пролетарской партии.

«...Если мы хотим быть передовыми демократами, — писалось в работе, — должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т.п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои»¹.

С целью активного продвижения марксистских идей предполагалось внедрить в рабочее движение специальных «агентов» — профессиональных революционеров, которые вели бы нужную агитацию.

Не исключались и компромиссы, а также временные союзы с другими политическими силами — если такое сотрудничество позволяло добиться желаемых результатов. Так было до Февральской революции, когда в борьбе против «самодержавия» Ленин и его сторонники поддерживали своих будущих конкурентов. В частности, еще в конце XIX столетия от имени социал-демократической партии Ленин заявлял, что «будет поддерживать все слои и разряды буржуазии, выступающие против неограниченного правительства»².

В последующих своих работах, очерках и публичных выступлениях Ленин продолжал развивать эти тезисы, и к 1917 г. партия большевиков располагала достаточно основательным теоретическим и практическим опытом в вопросах ведения агитационной работы, стратегии и тактики завоевания контроля над массами.

Свержение российской монархии для Ленина и его партии при этом не представляло собой конечную цель. «...В то время как наши союзники из буржуазной демократии, — писал будущий «вождь мирового пролетариата» в 1902 г., — борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было по-прежнему “есть сытно, спать спокойно и жить весело” на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. <...> Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него»³.

Так и случилось. Когда монархия пала, дороги ленинцев и их «попутчиков» из числа либералов и умеренных социалистов решительно разошлись. Если другие революционные партии в большинстве не шли в своих замыслах дальше установления желаемых порядков в России, а их программы не предусматривали ни военного поражения, путем «превращения войны империалистической в гражданскую», ни разрушения прежних государственных институтов, то РСДРП (б) выступала

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6. изд. 5-е. М., 1963. С. 86

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2. изд. 5-е. М., 1967. С. 108.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6. изд. 5-е. С. 270.

за пораженчество и отрицала существующую государственность, к стране же и ее населению большевики относились как к хворосту, при помощи которого можно разжечь пожар «мировой революции».

Ленинцы использовали в своих интересах социальный кризис, возникший после отречения от престола императора Николая II и успешно реализовали задуманное. Совершив 25 октября 1917 г. вооруженный переворот, большевики стали «партией власти».

Опираясь на темные, преступные элементы, Ленин и его партия, как и в предыдущие месяцы, использовали для достижения своих целей самые низменные инстинкты и чувства людей — зависть, ненависть, месть. *Идея «классовой борьбы», положенная в основу марксистско-ленинского учения, являлась, по сути, ничем иным, как противопоставлением одной части народа другой, доктриной гражданской войны.*

В обозримой перспективе это обернулось уничтожением (либо изгнанием из страны) дореволюционной русской элиты (с одновременной ее заменой коммунистической антиэлитой); а в более отдаленной — деградацией или гибелью миллионов людей из числа представителей всех прочих общественных групп. Кроме того, приход большевиков к власти ознаменовался возникновением *системы* государственного насилия.

Отрицая индивидуальный террор «как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный <...>, отвлекающий лучшие силы от насущной и действительно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения»⁴, Ленин и его партия, придя к власти, стали активно практиковать террор массовый.

Неограниченное насилие было для коммунистов не только средством подавления или расправы над политическими противниками, но важным инструментом строительства «нового общества». Человеческая личность при этом низводилась до уровня материала.

Никогда в российской истории так много людей и в такое короткое время не испытали на себе столько унижений, страха за свою жизнь и жизнь своих близких, произвола и беззакония.

И это продолжалось десятилетиями. До самой смерти преемника Ленина — Иосифа Сталина, который де-факто реанимировал практику массовых истреблений, начатую его предшественниками в годы Гражданской войны. Известно, что за период с 1918 по 1953 г. Россия потеряла как минимум треть своего населения⁵.

Миллионы людей погибли в ходе кампаний террора, коллективизации, раскулачивания, пали жертвами голодоморов, депортаций и войн.

Одновременно в 1917 году настало время страшных испытаний для верующих людей. И первый удар богоборческой власти обрушился именно на Русскую Православную Церковь. Ведущим идеологом преследований и репрессий в отношении духовенства и верующих выступал лично Ленин, требовавший «бороться с

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.7. изд. 5-е. М., 1967. С.251

⁵ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 8.

религиозным туманом» и призывавший уничтожить «контрреволюционное духовенство», применив к нему «беспощадный массовый террор».

Вполне определенно свое отношение к Православию будущий «вождь мирового пролетариата» сформулировал еще в 1902 г.:

«Святыня православия тем дорога, что учит “безропотно” переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит “лишения” и несет “тяжелые обязанности”, то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей “безропотно” переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая»⁶.

Уместно в связи с этим привести характеристику богоборческой сущности большевизма, данную эмигрировавшим из страны в 1920 г. философом, культурологом и богословом Николаем Арсентьевым:

«Большевизм в первую очередь мировоззрение, отрицающее Бога и душу. Он отрицает религию не только потому, что воспринимает ее как союзницу своих политических и социальных противников, т.е. не из одних тактических и практических соображений, он отрицает ее для себя, как таковую, абсолютно. Сила и мощь большевизма заключается в том, что он есть нечто большее, чем просто политическая и социальная программа, — он мировоззрение, и это мировоззрение принципиально антирелигиозно, не просто нерелигиозно, т.е. индифферентно по отношению к религии, но прямо враждебно религии. Коммунизм есть целеустремленный план, который предполагает устройство на земле без Бога, без признания любых высших, абсолютных связей, будь то связи религиозного или морального порядка; поэтому агрессивное неверие — его характерная черта. Суть большевистско-коммунистического мировоззрения в том, большевизм и вера в Бога — друг с другом принципиально несовместимы. Большевики знают, признают и громко провозглашают это; в этом они совершенно единодушны»⁷.

До сих пор неизвестна точная цифра священнослужителей, погибших в результате террора в первые годы советской власти. По самым скромным оценкам, количество убиенных пастырей Церкви в годину российского лихолетья только за 1918 г. исчисляется многими сотнями. Помимо рядовых клириков, жертвами расправ (нередко совершавшихся мучительными и садистскими способами) становились и высшие церковные иерархи. Так, в этот период претерпели мученическую кончину митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), архиепископы Пермский Андроник (Никольский), Омский Сильвестр (Ольшевский), Астраханский Митрофан (Краснопольский), епископы Балахнинский Лаврентий (Князев), Вяземский Макарий (Гневушев), Кирилловский Варсонофий (Лебедев), Тобольский Гермоген (Долганев), Соликамский Феофан (Ильменский), Селенгинский

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6. изд. 5-е. С.265.

⁷ Арсентьев Н. Большевизм и религия // Ильин И.А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Ч. III. Аналитические записки и публицистика (1928–1941). М.: Русская книга, 2001. С. 7.

Ефрем (Кузнецов) и др. Все они были причислены к лику святых Русской Православной Церкви.

Становились реальностью слова Святого Писания:

«Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь»⁸.

На глазах у всего мира страна, еще совсем недавно позиционировавшая себя как православное, христианское государство, стремительно скатывалась в поистине infernalную бездну насилия, ненависти и взаимного истребления. Современники, в том числе и ведущие государственные деятели, были шокированы этим стремительным преобразованием.

Показательны строки воспоминаний британского премьера Уинстона Черчилля. Далекий от мистики, описывая ситуацию в России после Октябрьского переворота, этот известный политик оперировал образами и метафорами, присущими, скорее, готической прозе. Отмечая неоценимый вклад России в военные успехи Антанты в Первой мировой войне, Черчилль с удивлением писал, что после падения власти Временного правительства «вместо старого союзника» перед лидерами стран западного мира «стоял призрак, не похожий ни на что, существовавшее до сих пор на земле. Мы видели государство без нации, армию без отечества, религию без бога. Правительство, возымевшее претензию представлять в своем лице новую Россию, было рождено революцией и питалось террором. Оно отвергло обязательства, вытекавшие из договоров; оно заключило сепаратный мир; оно дало возможность снять с восточного фронта миллион немцев и бросить их на Запад для последнего натиска. Оно объявило, что между ним и некоммунистическим обществом не может существовать никаких отношений, основанных на взаимном доверии ни в области частных дел, ни в области дел государственных, и что нет необходимости соблюдать какие-либо обязательства. Оно аннулировало и те долги, которые должна была платить Россия, и те, которые причитались ей. Как раз в тот момент, когда наиболее трудный период миновал, когда победа была близка и бесчисленные жертвы сулили, наконец, свои плоды, старая Россия была сметена с лица земли, и вместо нее пришло к власти “безыменное чудовище”, предсказанное в русских народных преданиях. И потому на совещаниях союзников не было уже России — вместо нее зияла пропасть, до сих пор не заполненная»⁹. Истинно: то, что возникло на месте Российской империи и постфевральской России, выглядело подлинным воплощением «зверя из бездны». Сказано в Писании:

«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»¹⁰.

Зловещая сущность советской системы как раз и заключалась в том, что она уничтожала людей не только физически, но безнадежно губила и калечила души. Самым страшным преступлением коммунизма были отнюдь не массовые убий-

⁸ Мф. 24, 9–12.

⁹ Черчилль У. Мировой кризис // Мировой кризис. Автобиография. Речи. М.: Эксмо, 2004. С. 133.

¹⁰ Мф. 10, 28.

ства и голод (в истории человечества все это, к сожалению, происходило и прежде), а развращение миллионов.

Огромные массы людей на протяжении нескольких поколений охотно примеряли на себя роли доносчиков, палачей и убийц и часто не щадили даже своих близких. Последствия этого дьявольского разгула можно наблюдать и сегодня. Ведь многие негативные явления повседневности берут свое начало именно с советского времени. Это безнравственность, правовой нигилизм, неспособность к самоорганизации. Добавим сюда повсеместные зависть и хамство, чьей оборотной стороной является равнодушие. И если комидеология в том виде, в каком она существовала в СССР, уже много лет пребывает на свалке истории, то созданный ею человеческий тип ныне вполне жив и здравствует.

Несомненно, было бы наивным идеализмом преподносить катастрофу, пережитую страной и живущими в ней людьми, только как результат успешной, целенаправленной деятельности конкретных антигосударственных сил. Равно как и не имеет ни малейшего смысла отрицать существование в Российской империи экономических, социальных и иных проблем, общего духовного кризиса. И все же, по нашему убеждению, последние могли быть разрешены отнюдь не вследствие революции, увлечение которой в российском обществе конца XIX — начала XX вв. было своеобразным модным поветрием.

Воплотившись в реальность, грезы о крушении царского строя, как сказано выше, явили невиданные прежде глубины зла и насилия, что обернулось для одних мучительным отрезвлением, а для других — утратой человечности, превращением в послушных адептов ненависти, смерти и разрушения.

Но кроме бездн страданий, злодейства и подлости, первые десятилетия коммунистической власти дали многочисленные примеры подвижничества. Огромное и непреходящее значение имеет духовный подвиг святых Новомучеников и Исповедников Российских. В суровых условиях ленинско-сталинской тирании эти люди продолжали жить так, как велела им их христианская совесть, стоически претерпели все выпавшие на их долю страдания и даже перед лицом смерти не изменили своим убеждениям. Именно вера стала тем внутренним стержнем, которой помог им сохранить присутствие духа в последние минуты их земной жизни, выжить в кромешном аду лагерей.

Это в полной мере относится не только к священникам, но и к мирянам. Стойкость и мужество узников ГУЛАГа из числа духовенства и верующих отмечали в своих воспоминаниях многие лагерники. Вот что написал о них Александр Солженицын:

«Рыбы, символ древних христиан. И христиане же — их главный отряд. Корявые, малограмотные, не умеющие сказать речь с трибуны, ни составить подпольного воззвания (да им по вере это и не нужно!), они шли в лагеря на мучение и смерть — только чтоб не отказаться от веры! Они хорошо знали, за что сидят, и были неколебимы в своих убеждениях! <...>

И женщин среди них — особенно много. Говорит Дао: когда рушится вера — тогда-то и есть подлинно-верующие. За просвещенным зубоскальством над православными батюшками, мяуканьем комсомольцев в пасхальную ночь и свистом

блатных на пересылках мы проглядели, что у грешной православной церкви выросли все-таки дочери, достойные первых веков христианства — сестры тех, кого бросали на арены ко львам.

Христиан было множество, этапы и могильники, этапы и могильники, — кто сочтет эти миллионы? Они погибли безвестно, освещая, как свеча, только в самой близи от себя. Это были лучшие христиане России. Худшие все — дрогнули, отреклись и перетайлись»¹¹.

Претерпев до конца выпавшие на их долю тяжкие испытания, святые Новомученики и Исповедники Российские остались верны своим убеждениям, и этим одержали нравственную победу. Для нас, ныне живущих, их пример и сегодня должен быть нравственным ориентиром, побуждающим отстаивать свою веру, в условиях, когда в обществе доминируют иные настроения и духовные ценности.

Нельзя забывать и о нравственном подвиге тех людей, которые хотя и не приняли мученический венец, но в атмосфере господства безбожной идеологии не дали нечестию овладеть их сердцами и душами.

Свидетельство об этом сегодня является нравственным долгом и необходимой формой поведения каждого, кому небезразлична судьба своей Родины.

О страшной катастрофе, пережитой в XX столетии народами бывшей Российской империи (и, прежде всего, русским народом), в последние десятилетия, казалось бы, сказано и написано много. И все же приходится констатировать, что память об этой трагедии по-прежнему не является общественной доминантой.

Левые идеи все так же весьма популярны среди населения. Ввиду того, что большевистские преступления (в особенности, совершенные во время Гражданской войны) по-прежнему не получили должной политической и моральной оценки, сегодня во множестве находятся люди, пытающиеся оправдывать ленинско-сталинскую политику массового террора какой-то «исторической необходимостью» либо «высокими достижениями» позднейшего времени. Прилавки книжных магазинов заполнены низкопробной литературой, расхваливающей достоинства советской системы и изображающей СССР едва ли не наивысшей точкой развития всей русской цивилизации. Тексты аналогичного содержания в огромном количестве можно увидеть на страницах журналов и газет, в интернете. От публицистов и литераторов не отстают производители сериалов и фильмов.

Наследие большевизма продолжает сохраняться в названиях населенных пунктов, улиц и площадей. Как следствие, спустя более двух десятилетий с момента краха СССР топонимика по-прежнему остается зоной увековечивания памяти преступников — советских партийных и государственных деятелей, являющихся идеологами и организаторами террора.

О многочисленных психологических и нравственных рудиментах десятилетий безбожия, проявляющихся практически во всех сферах общественной жизни, уже было сказано выше. Таким образом, вопрос о сохранении и приумножении памяти о жертвах российского лихолетья и качественного переосмысления событий не столь давнего прошлого по-прежнему продолжает сохранять актуальность. Фак-

¹¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования, Ч. III. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 248–249.

ты беззакония и зла, столь пагубно отразившиеся на судьбах миллионов людей, неисчислимы, но достоянием гласности стала на сегодня лишь некоторая их часть.

Любой регион, любой город в бывшем СССР имеют свою кровавую летопись злодеяний, совершенных во славу торжества лжеидеи. Но в длинном перечне мест, стараниями большевистских правителей ставших аренами массовых истреблений, Крым занимает особое положение. Уже в декабре 1917 г., задолго до придания коммунистическому террору официального статуса, здесь были убиты десятки людей. Насилие на данном этапе было делом рук распропагандированных соответствующим образом моряков и солдат, примкнувших к ним люмпенизированных и уголовных элементов. Но уже к марту 1918 г. террор в регионе эволюционировал от внешне «стихийных» к относительно «упорядоченным» формам.

В дальнейшем режим коммунистической диктатуры устанавливался на полуострове дважды: в апреле-июне 1919 и окончательно — в ноябре 1920 г. Каждая попытка переустройства общественно-экономической жизни края согласно марксистским моделям на практике оборачивалась преследованиями инакомыслящих, убийствами по социальному признаку, грабежами, погромами. Таким был «фундамент», на котором основывалась «рабоче-крестьянская» власть.

Еще одной характерной особенностью советской политики стало издание и проведение в жизнь антирелигиозных декретов, убийство священнослужителей, национализация церковного имущества, ограбление и осквернение храмов.

Особенный размах большевистский террор в регионе приобрел в 1920–1921 гг., когда всего за несколько месяцев (с ноября 1920 по май 1921 г.) советские чрезвычайные органы уничтожили многие тысячи пленных офицеров и солдат Белой армии, представителей гражданского населения: дворян, сестер милосердия, священников, предпринимателей, инженеров, врачей. Всех тех, кто в силу своего социального происхождения не вписывался в схему построения «нового общества» и, следовательно, не заслуживал жизни.

По сути, во время Гражданской войны полуостров стал опытным полигоном, где идеологи и практики коммунизма опробовали многое из того, что вскоре на долгие десятилетия стало реальностью и повседневностью быта в подсоветской России. Обо всем этом рассказывается в представляемой книге.

В процессе ее написания использовались преимущественно опубликованные источники (в том числе предыдущие авторские работы), исследования российских, украинских и крымских историков; материалы периодики; воспоминания; архивные документы. Опираясь в значительной мере на уже обнародованные сведения (публикации в электронных и печатных российских и украинских изданиях; материалы выпущенной в 2013 г. московским издательством «Содружество “Посев”» книги «Таврида, обагренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 — мае 1918 г.»), пишущий эти строки старался по возможности дополнить их новыми фактами. Настоящее исследование, предпринятое в просветительских целях, основывается, тем не менее, на данных первоисточников, материалах научных работ. В свете распространенной тенденции, когда тексты в жанре исторической публицистики, повествующие о красном терроре, антирелигиозных кампаниях 1920–1930-х гг., происхождении и сущности боль-

шевизма, написаны интересно, но часто грешат различного рода неточностями, а также тяготеют к конспирологии, — изложенный выше подход выглядит более предпочтительным. Нет надобности преувеличивать, искажать или придумывать факты, поскольку реальность своей беспощадностью страшнее всякого вымысла.

Правильное понимание событий не столь далекого прошлого является важным условием качественного осмысления текущей действительности и недопустимости повторения подобных трагедий в дальнейшем.

Важность сохранения памяти о страшных страницах истории полуострова очевидна и в настоящее время. Недавние события на Украине зимой 2014 г., вновь выведшие на авансцену политической жизни экстремистские силы, показали, сколь хрупким может быть равновесие, сколь мало нужно, чтобы нарушить мир и спокойствие, посеять ненависть, страх и вражду. Правильное понимание истоков и духовной природы революций 1917 г. неизбежно приводит к мысли о неприятии попыток радикального переустройства реальности, развеивает иллюзии видящих в них способ решения всех социальных проблем. Неважно, под какими лозунгами и знаменами разворачиваются эти процессы. Прельщенные миражом лучшей жизни, обманутые люди на деле получают лишь прах и золу.

Примечательно и другое. В условиях украинской смуты 2014 г. население Крыма, Севастополя, регионов Юго-Востока Украины решительно не приняло революционный экстремизм, и встало в едином порыве на защиту собственной культуры, истории, религии, языка.

Произошло невероятное: впервые за долгое время люди обрели единство и общность. Забыв о политических разногласиях, все они сплотились перед лицом очевидной угрозы.

Это единство, это стремление сохранить гражданский мир и спокойствие в регионе, самостоятельно выбирать судьбу своего города, республики, края — продемонстрировало, что ни десятилетия коммунистической диктатуры, ни годы украинизации не могли до конца стереть историческую память, убить душу народа.

В 1917 г. бывший плацдармом распространения экстремистских идей на Юге России, в 2014 г. Севастополь и Крым фактически подняли знамя контрреволюции, противопоставив беззаконию, разрухе, разгулу зла и анархии — порядок, чистоту, дисциплину, верность своей истории и традициям. Все это мгновенно перестало быть отвлеченными категориями, как только встал вопрос о будущем бытии.

Верится, что этот духовный подъем является началом обретения национального самосознания, преодоления векового раскола. Путь этот трудный, но истинный.

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного Казенного учреждения Архива г. Севастополя (ГКУ АГС, бывший Государственный архив г. Севастополя), Севастопольской морской библиотеки им. адмирала М.П. Лазарева, Научной библиотеки «Таврика» им. А.Х. Стевена, Центрального музея Тавриды, а также Т.Б. Быковой (Киев), С.В. Волкову (Москва), Р.Г. Гагкуеву (Москва), Е.М. Гончаровой (Москва), С.М. Григорьеву (Санкт-Петербург), В.Г. Зарубину (Симферополь), А.В. Ишину (Симферополь), В.Н. Круглову (Москва), Ю.Г. Пушкарю (Севастополь), Е.В. Семенову (Москва), А.Г. Теплякову (Новосибирск), С.Б. Фи-

лимонову (Симферополь), В.Г. Хандорину (Москва), В.Ж. Цветкову (Москва), Ю.С. Цурганову (Москва), иерею Дмитрию Алешкевичу, настоятелю храма во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих радость» (Севастополь) — за неоценимую помощь, оказанную в работе над книгой.

Отдельно хочу поблагодарить схиархимандрита Илия (Ноздрина), благословившего этот труд.

ТЕРРОР ДО ТЕРРОРА

Между революций

Февральскую революцию ее сторонники и ведущие деятели называли «великой бескровной». Так охарактеризовал процесс смены власти в феврале-марте 1917 г. министр юстиции, а позже — глава Временного правительства Александр Керенский.

Эта оценка, однако, была далека от реальности.

Первые дни революции в Петрограде ознаменовались погромами, вооруженными столкновениями, убийствами и грабежами. Начавшись в столице, насилие перекинулось вскоре и на другие города Российской империи, военно-морские базы Балтийского флота Гельсингфорс (ныне — Хельсинки) и Кронштадт. Жертвами революционной стихии стали служащие царской полиции, морские и армейские офицеры, чиновники, а также множество простых обывателей.

Всего в результате разгула анархии в феврале-марте 1917 г. в одном только Петрограде погибло около полутора тысяч человек, вместе с тем в провинции ходили слухи о пятнадцати тысячах убитых¹². Таким было начало Февральской революции, названной ее сторонниками «великой бескровной».

В отличие от Петрограда и Балтики, в Таврической губернии и Крыму длительное время сохранялась относительно спокойная обстановка. Население региона поначалу и вовсе не отличалось заметной политической активностью. Это же можно сказать и о личном составе Черноморского флота.

В недавнем прошлом сыгравшие заметную роль в антиправительственных выступлениях 1905–1907 и 1912 гг. военные моряки хотя и отнеслись с одобрением к известию об отречении императора Николая II, однако не восприняли это событие как повод для пересмотра поставленных перед ними текущих задач. Напротив, в первые месяцы после Февральской революции широкое распространение среди экипажей судов и Севастопольского гарнизона получило т.н. «революционное оборончество» — идея продолжения войны «до победного конца» во имя защиты демократии и свободы.

Однако уже в мае-июне 1917 г. на флоте произошел ряд серьезных конфликтов, одним из последствий которых стал уход с поста командующего ЧФ вице-адмирала Александра Колчака, в предшествующие месяцы приложившего максимум усилий для сохранения боеспособности флота. После отставки адмирала и его отъезда в Петроград дисциплина среди моряков стала все более расшатываться.

Ухудшение качества жизни вызвало волну забастовочного движения. Только за период с марта по июнь 1917 г. в губернии состоялось 35 забастовок, в которых

¹² Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // <http://rusk.ru/st.php?idar=105029>

Похороны жертв февральских событий. Петроград, 1917

приняли участие 7,6 тыс. человек¹³. В июле-октябре 1917 г. число стачек возросло с 35 до 50 — т.е. почти в 1,5 раза, а количество бастующих в два раза.¹⁴

В дальнейшем процесс радикализации общества все более прогрессировал, охватывая как гражданское население, так и военных. Города захлестывали волны уголовной преступности. В сельской местности крестьяне самовольно захватывали и распахивали помещичьи земли. Учащались и становились все более массовыми случаи дезертирства.

В начале июня были зафиксированы первые убийства солдатами обывателей и офицеров. Правда, пока эти явления носили единичный характер. Гораздо больше было случаев мародерства и грабежа. В середине июня в позиции моряков и солдат начинает проявляться антирелигиозная направленность. Так, 17 июня 1917 г. в Севастополе команды посыльного судна «Березань» и минной бригады учебного отряда ЧФ обсудили вопрос о создании ударных батальонов и последующей их отправке на фронт и нашли нужным *«призвать в ряды войск из монастырей всех монахов, годных к военной службе, так как их деятельность в монастырях бесполезна, а таковой священный корпус заменит ударный батальон, в который записываются последние силы пролетариата и крестьян, в то время, когда нуж-*

¹³ Королев В.И. Таврическая губерния в революциях 1917 года: Политические партии и власть. Симферополь: Таврия, 1993. С. 10.

¹⁴ Королев В.И. Указ. соч. С. 23.

Севастополь в дни Февральской революции

ны рабочие руки для уборки хлебов»¹⁵. 25 июня 1917 г. такую же резолюцию вынесли солдаты электротехнической роты севастопольского артиллерийского склада, потребовав «немедленно привлечь всех здоровых лиц, укрывающихся в тылу и не работающих на оборону, всех монахов, укрывающихся в монастырях; все эти лица должны быть отправлены на фронт для замены больных и слабых товарищей, находящихся в окопах»¹⁶.

Примечательно, что одним из подписавших данную резолюцию (и, вероятно, ее автором) был член Севастопольской большевистской партийной организации Андрей Калич¹⁷.

Вообще, деятельность большевистских организаций в Крыму в межреволюционный период служит ярчайшим примером того, каких потрясающих результатов можно достичь, если в условиях дезорганизации и слабости власти уверенно продвигать свои лозунги, внедряя их в широкие массы. Более чем где бы то ни было уступавшие другим политическим партиям численно, не имевшие своего печатного органа и не располагавшие поначалу грамотными пропагандистами

¹⁵ Соколов Д.В. Таврида, обгабренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 — мае 1918 г. М.: Посев, 2013. С. 84.

¹⁶ Соколов Д.В. Указ. соч. С. 85.

¹⁷ Калич Андрей Иосифович (1892 (по другим данным — 1899) — 1946). Из крестьян. Родился в Херсонской губернии. Участник революционных событий 1905–1907 гг., занимался распространением среди крестьян листовок и прокламаций. Впоследствии работал на Николаевском судостроительном заводе. В 1914 г. призван на военную службу. В годы Первой мировой войны служил в электротехнической роте Севастопольской крепостной артиллерии. В партии большевиков с 1917 г., один из создателей и председатель большевистской фракции в Севастопольском Совете. Делегат II Всероссийского съезда Советов, участник штурма Зимнего дворца. В годы Гражданской войны воевал в партизанских отрядах на Украине. После окончания боевых действий работал в наркомате юстиции Украины, генеральной прокуратуре республики. Умер и похоронен в Киеве. Именем Калича названа улица в Балаклаве.

и ораторами, крымские ленинцы за считанные месяцы совершили качественный рывок вперед, уже летом 1917 г. получив широкое представительство в местных органах власти и обрета все возрастающее влияние на солдатские и матросские массы.

Первая самостоятельная большевистская партийная организация в Крыму оформилась в Севастополе только в апреле 1917 г.¹⁸ В то время она насчитывала не более 15 членов — преимущественно из числа рабочих военного порта, солдат и матросов.

Несмотря на свою малочисленность, севастопольские большевики с самого начала развернули кипучую деятельность, налаживая контакты с партийными организациями Харькова, Одессы, Донбасса, Екатеринослава (ныне — Днепропетровск), занимаясь активной пропагандистской работой. Кроме того, как вспоминал один из видных участников севастопольской организации РСДРП (б), Савелий Сапронов¹⁹, в Севастополь «не раз приезжали товарищи из Симферополя, Новороссийска, Николаева»²⁰.

Значительно позже, чем в Севастополе, возникли большевистские организации в других городах полуострова. Так, Феодосийская большевистская партийная организация начала работу только в июне 1917 г. В самом начале в ней состояло всего лишь 15 человек.

В Симферополе, Ялте, Евпатории и Керчи большевики на протяжении долгого времени формально состояли в так называемых объединенных социал-демократических организациях, куда входили и меньшевики. Самостоятельные большевистские партийные организации в Симферополе, Евпатории и Ялте оформились только в сентябре²¹, а в Керчи — и вовсе в октябре 1917 г.²²

Во второй половине мая 1917 г. севастопольские большевики создали при местном Совете свою фракцию под председательством А. Калича²³.

Свои программные цели севастопольские и крымские ленинцы при этом уже тогда определили со всей откровенностью. Это: передача власти Советам, наци-

¹⁸ Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов / Сост., коммент. Крестьянников В.В. Симферополь: Крымский архив, 2007. С. 42–43.

¹⁹ Сапронов Савелий Гаврилович (1889–1952). Из крестьян. До 1898 г. батрачил у помещиков в Орловской губернии, затем работал на заводах и шахтах Донбасса. В 1905 году призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. В 1910 г. за революционную деятельность выслан из Петербурга. Работал на Ленских приисках, в Иркутской губернии и Екатеринославе. В 1914 г. призван на Черноморский флот, принимал участие в боевых действиях на эсминце «Капитан Сакен». Член РСДРП (б) с 1917 г. В апреле 1917 г. — один из организаторов и первый председатель большевистской партийной организации в Севастополе, член Севастопольского Совета, с 16 декабря 1917 г. — член Военно-революционного комитета. Участвовал в боях на Дону с войсками генерала Каледина, в начале 1918 г. командовал отрядами красной гвардейцев в Крыму. Участвовал в установлении советской власти в Орловской губернии (весна 1918), подавлении Ливенского восстания (август 1918). В 1919–1922 гг. на партийной работе в Красной армии и Черноморском флоте. С 1922 по 1942 г. — на советской и хозяйственной работе. Умер в Москве.

²⁰ Цит. по: Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. С. 121–122.

²¹ Вьюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Дорогами революции: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1987. С. 13.

²² История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. Киев, 1974. С. 286.

²³ Октябрьская революция в Крыму (методическая разработка) / Сост. Скрипниченко. И.И. Симферополь, 1977. С. 5.

онализация земли, всеобщая трудовая повинность, «долой империалистическую войну, да здравствует война гражданская», отказ от государственных долгов. Ближайшей же задачей ставился «подрыв доверия массы к Временному правительству и оборонческим партиям»²⁴.

Но, несмотря на столь отчетливо выраженный антигосударственный и экстремистский характер выдвинутых лозунгов, члены большевистских партийных организаций в Севастополе и Крыму не только не были устранены из политической жизни, но и обретали все более значительное влияние. Главной мишенью своей пропагандистской активности сторонники партии Ленина избрали именно Черноморский флот, поскольку, как признавал С. Сапронов, военные моряки «представляли большой резерв боевых сил революции, и борьба за завоевание этой массы составляла одну из главных задач большевиков»²⁵.

Впрочем, поначалу проповедуемые ими идеи пораженчества и классовой ненависти не находили живого отклика в массах и вызывали резкое неприятие. Случалось, агитаторов ленинской партии избивали и даже пытались убить.

Однако в условиях прогрессирующей смуты большевистская агитация постепенно делала свое дело. В своей подрывной деятельности сторонники партии Ленина особенно преуспели после отставки командующего ЧФ адмирала Колчака в июне 1917 г.

Это событие открыло дорогу дальнейшему разложению флота. На кораблях и в частях происходили постоянные митинги, судовые команды все чаще отказывались повиноваться своим офицерам. Создавшееся положение давало большевикам благоприятную почву для ведения пропагандистской работы.

При этом наиболее значимый вклад в распространение опасных настроений среди черноморцев внесли своей деятельностью не местные, но пришлые агитаторы. Так, июньский конфликт, повлекший за собой уход Колчака с занимаемого поста, напрямую был вызван приездом в Севастополь делегации балтийских моряков (многие из которых были попросту переодетыми в матросскую форму партийными функционерами), которая занялась активной пропагандой левозэкстремистских идей.

Агитаторы упрекали моряков: *«Товарищи черноморцы, что вы сделали для революции, вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем. Вот мы, балтийцы, убили нашего командующего, мы заслужили перед революцией и т.п.»*²⁶

Весомую роль в процессе большевизации Черноморского флота также сыграло прибытие в Севастополь в начале августа 1917 г. профессиональной

²⁴ Платонов А.П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Севастополь: Крымский истпартотдел ОК ВКП (б), Крымское государственное издательство, 1932. С. 31, 38.

²⁵ Сапронов С.Г. Революционный Севастополь // Октябрь на фронте. Воспоминания. М.: Воениздат, 1967. С. 262.

²⁶ Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж: Издание Военно-морского союза, 1930. С. 35–36.

Н.И. Островская

революционерки Надежды Островской²⁷ (партийная кличка — «Нина»), по распоряжению ЦК РСДРП (б) направленной в Крым для ведения агитационной работы. Опытный оратор, Островская на первых же своих выступлениях сумела расположить к себе солдатские и матросские массы.

Как выразился советский мемуарист В. Жуков, от речей Надежды Ильиничны «сразу же повеяло северным ветром большевизма»²⁸. Встретив приехавшую из столицы большевистскую агитаторшу настороженно, моряки и солдаты вскоре провожали ее аплодисментами.

Доверие к Островской было столь велико, что солдаты нестрелковой роты Севастопольской крепостной артиллерии тотчас постановили избрать ее членом Севастопольского Совета. На состоявшихся в октябре выборах в Севастопольский Совет из 178 бюллетеней в этой роте 155 были поданы в пользу Островской²⁹. Были случаи, когда матросы прогоняли агитаторов от меньшевиков и эсеров, и требовали «тов. Островскую». На одном из митингов присутствующие кричали: «Да здравствует вождь революции Ленин!»³⁰ Желание послушать речи Островской, «настоящей больше-

²⁷ Островская Надежда Ильинична (1881–1937). Из семьи врача. Окончила Ялтинскую женскую гимназию. С 1901 г. — член Ялтинской организации РСДРП. Участница революции 1905–1907 гг. Опасаясь ареста, покинула Крым и уехала в Петербург. В 1907 г. — член Севастопольского комитета РСДРП, занималась пропагандистской работой среди моряков Черноморского флота. В 1907–1914 гг. — в эмиграции, жила в Женеве. Делегат VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков, работала в Военной организации при ЦК РСДРП (б). В июле 1917 г. по заданию ЦК партии направлена в Севастополь для пропагандистской работы. Депутат Севастопольского Совета. С августа 1917 г. — председатель Севастопольского комитета РСДРП (б). Член исполкома Севастопольского Совета, Севастопольского ВРК. Избрана членом Всероссийского Учредительного собрания (от Черноморского флота). После установления власти большевиков и их союзников в Севастополе (декабрь 1917) выехала в Петроград. Встречалась с Я.М. Свердловым и В.И. Лениным. Секретарь Ставки Верховного главнокомандования, с февраля 1918 г. в Центроколлегии по эвакуации Петрограда, с мая того же года — член Чрезвычайного черноморского революционного комитета Новороссийского района, участвовала в организации затопления кораблей Черноморского флота. Заместитель председателя ЦИК Кубано-Черноморской республики (1918), член Екатеринодарского комитета РКП (б). В сентябре 1918 — марте 1919 — председатель Владимирского губкома, член президиума Московского обкома РКП (б). Делегат VII и VIII съездов партии большевиков. Член ВЦИК шестого и седьмого созывов. С апреля 1919 г. — заведующая политотделом запасных частей 10-й армии (Саратов), представитель ЦК РКП (б) и инструктор НКВД в агитпоезде им. В.И. Ленина, военного отдела ВЦИК (Урал, Сибирь). С 1920 г. работала в кооперативной секции Коминтерна, участница международных конференций коммунистов. Участница антисталинской оппозиции. В 1928 г. исключена из ВКП (б). Арестована. 22 февраля 1933 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ осуждена на 3 года ссылки в Йошкар-Олу. 7 июня 1935 г. осуждена Особым совещанием при НКВД СССР на 3 года ссылки в Таджикистан. Вновь арестована в Сталинабаде (ныне — Душанбе) 20 октября 1935 г. 20 ноября 1936 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР осуждена к 10 годам лишения свободы. Отбывала наказание в Соловецком лагере. Особой «тройкой» УНКВД Ленинградской области 10 октября 1937 г. приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна 4 ноября 1937 г. в урочище Сандармох (Карельская АССР). Одна из улиц в Севастополе носит ее имя.

²⁸ Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М.: Молодая гвардия, 1931. С. 77.

²⁹ Мельников Р.М. Крейсер «Очаков». Л.: Судостроение, 1986. С. 246.

³⁰ Семин Г.И., Никитина А.С. Посланцы Ленина. Очерки. Симферополь: Таврия, 1977. С. 68.

вички из центра», высказывали даже те экипажи и армейские части, где раньше преобладало враждебное отношение к программе РСДРП (б).³¹

Деятельность Надежды Ильиничны получила высокую оценку в письме Секретариата ЦК РСДРП (б) от 19 сентября 1917 г., где подчеркивалось:

*«Результаты Вашей работы, конечно, могут только приветствоваться, ибо ничего, кроме полного одобрения, не могут заслуживать»*³².

После прибытия Надежды Островской между Севастопольским комитетом РСДРП (б) и ЦК ленинской партии устанавливается систематическая связь. Из Петрограда в Севастополь стали приходить подробные письменные советы и указания о дальнейшем улучшении организационной и агитационной работы.

Со своей стороны, «Нина» информировала центр о текущем моменте, а также просила прислать ей в подмогу *«двух, если нельзя больше, человек, ну хотя бы на гастролы»*³³.

Удовлетворив эту просьбу, ЦК РСДРП (б) направил в Севастополь опытных партийных работников: профессионального революционера Юрия Гавена³⁴

³¹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 77.

³² Децинский Л.Е. Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс в условиях подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — февраль 1918 гг.). На материалах Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота: дис... д.и.н.: 07.00.02. Львов, 1984. С. 38–39.

³³ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) / Отв. ред. Надинский П.Н. Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 51.

³⁴ Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) (1884–1936). Из крестьян. Родился в окрестностях Риги. Окончил церковноприходское училище. Поступил в Прибалтийскую учительскую семинарию, из которой в 1902 году был исключен за революционную деятельность. Экстерном сдал экзамены на звание народного учителя. С 1902 г. — член Латышской социал-демократической рабочей партии. В 1902–1905 гг. пропагандист, секретарь рижской партийной организации. Активный участник революции 1905–1907 гг., руководил боевыми дружинами крестьян Лифляндской губернии (отряды «лесных братьев»). С 1906 г. — член ЦК Социал-демократии Латышского края (СДЛК). Делегат I (1906) и II (1907) съездов СДЛК, V губернского съезда РСДРП (1907) (под псевдонимом Доннер), где практически по всем вопросам голосовал вместе с большевиками. В 1907 г. арестован, до июля 1914 г. находился на каторге, затем был сослан на поселение в г. Минусинск Енисейской губернии. После Февральской революции стал председателем Минусинского Совета и членом комитета РСДРП (б), редактором газеты «Товарищ». В сентябре 1917 г. — делегат Всероссийского демократического совещания в Петрограде. С начала октября 1917 г. с мандатом ЦК РСДРП (б) направлен в Крым. С ноября 1917 г. член бюро Таврического губкома РСДРП (б), в конце 1917-начале 1918 г. — председатель Севастопольского ревкома; в январе 1918 г. — председатель Таврического (губернского) ВРК; в марте-апреле 1918 г. — заместитель председателя Таврического ЦИК Советов (весна 1918-го), нарком по военно-морским делам Республики Тавриды, председатель Севастопольского комитета РКП (б). В мае-июле 1918 г. — член революционного штаба Кубано-Черноморской республики, затем на партийной работе в Москве. Участвовал в работе VIII съезда РКП (б). Один из организаторов крымского подполья в годы Гражданской войны. В мае-июне 1919 г. — председатель Крымского областкома РКП (б), нарком внутренних дел Крымской Советской Социалистической Республики (КССР), член Совета обороны. В 1920–1921 гг. член Крымревкома; с июня 1921 г. — председатель комиссии по борьбе с бандитизмом, Крымской центральной республиканкой комиссии помощи голодающим (КрымЦКпомгол), член обкома РКП (б). В 1921–1924 гг. — председатель ЦИК Крымской АССР. В 1924 г. отозван из Крыма в Москву. С 1924 г. член Президиума Государственной плановой комиссии при СНК СССР. В 1931–1933 гг. управляющий советской нефтяной фирмой в Германии. С 1933 г. — на пенсии. Автор мемуаров и исторических трудов. 4 апреля 1936 г. арестован и 3 октября того же года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской организации. Реабилитирован в 1958 г. Именем Гавена названы улица и переулок в Симферополе и улица в Севастополе.

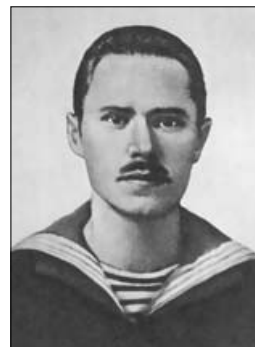

Ю.П. Гавен

и кронштадтского матроса Николая Пожарова³⁵. Прибыв в начале октября в Севастополь, посланцы из центра немедленно включились в работу. Пожарова избрали в исполком Севастопольского Совета и секретарем Севастопольского комитета РСДРП (б), Гавен вошел в состав городского и губернского партийных комитетов. Посетив, по приглашению команд, несколько кораблей ЧФ, Гавен убедился, *«что работа Севастопольской большевистской организации — главным образом агитация ее "боевого оратора" тов. Островской — имела огромный успех. Симпатии большинства моряков Черноморского военного флота все больше и больше клонились на сторону большевиков»*³⁶.

В процессе борьбы за влияние на матросские, солдатские и рабочие массы усиленные присланными из Петрограда опытными партийными кадрами, крымские ленинцы продемонстрировали умение находить общий язык с другими радикальными партиями — левыми эсерами и анархистами, взаимодействуя с ними на почве пораженчества и классовой ненависти.

Политические успехи РСДРП (б) в Севастополе и Крыму стали особенно очевидны в августе 1917 г., после введения Верховным Главнокомандующим, генералом от инфантерии Лавром Корниловым военно-полевых судов и смертной казни, запрещения политической работы в войсках. Предназначенные для борьбы с разложением и вос-

Н.А. Пожаров

³⁵ Пожаров Николай Арсеньевич (1895–1925). Уроженец Ярославской губернии, из крестьян. В 1915 г. призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. Член РСДРП (б) с 1916 г. Был арестован за антивоенную пропаганду, сидел в тюрьме. Освобожден Февральской революцией. Член исполкома Кронштадтского Совета (март 1917) и Центробалта (июнь 1917). Участвовал в ликвидации корниловского выступления. В сентябре 1917 г. по заданию ЦК РСДРП (б) направлен в Севастополь. Член исполкома Севастопольского Совета, секретарь Севастопольского комитета РСДРП (б). В декабре 1917 г. — председатель исполкома Севастопольского Совета, член Военно-революционного комитета и комиссар по охране крепости и города. В марте-апреле 1918 г. — член Таврического ЦИК, Военно-морского комиссариата Республики Тавриды, Южного комитета защиты социалистической революции. После падения Республики Тавриды перебирается в Москву. Направлен в Ярославль. Председатель Ярославской губернской ЧК, Ярославского губисполкома, член губисполкома и губкома РКП (б), участник подавления Ярославского восстания (1918). Делегат VI Всероссийского съезда советов. С декабря 1918 г. в Красной Армии. Военный комиссар оперативного управления штаба Северного (декабрь 1918 — февраль 1919), затем — Западного фронта (февраль-апрель 1919). Председатель Ревтрибунала 16-й армии Западного фронта, в сентябре 1919 — январе 1920 г. — начальник морского отдела регистрационного управления полевого штаба Реввоенсовета республики. Политинструктор и агитатор Крымревкома, занимался ведением пропагандистской работы в войсках и среди населения Северной Таврии (1920). С июня 1920 по май 1921 г. — исполняющий обязанности председателя Ревтрибунала 6-й армии. С 1921 г. — в органах ВЧК-ОГПУ Москвы и Петрограда, затем — на хозяйственной и партийной работе. Скончался от туберкулеза. Именем Пожарова в 1957 г. названа улица в Севастополе.

³⁶ Гавен Ю.П. Октябрь в Крыму // Революцией призванные. Сборник. Симферополь: Таврия, 1977. С. 14.

становления дисциплины в тылу и на фронте, эти чрезвычайные и жесткие меры не могли не вызвать протеста.

В этой обстановке Севастопольский городской комитет РСДРП (б) усилил свою агитацию среди моряков и солдат. На флоте началось движение за отзыв депутатов Совета, не оправдавших доверия масс. На место отозванных выдвигались большевики и им сочувствующие. К 6 августа Севастопольская большевистская партийная организация насчитывала 150 членов и являлась наиболее сильной организацией РСДРП (б) в Таврической губернии. Причем, по мнению Н. Островской, среди населения города и военных моряков «большевиков полусознательных, инстинктивных и сознательных было достаточно»³⁷.

Популярность ленинцев возросла еще больше после провала так называемого «корниловского мятежа». Предпринятая Верховным Главнокомандующим генералом Лавром Корниловым неудавшаяся попытка установления военной диктатуры вызвала очередной всплеск митинговой активности.

Все возрастающее влияние РСДРП (б) среди солдат и моряков-черноморцев привело к тому, что многие члены социалистических партий, ранее занимавшие оборонческие позиции, стали теперь выступать в поддержку большевистских предложений и требований.

Усиление позиций РСДРП (б) осенью 1917 г. происходило и в других городах полуострова. Возрастание роли большевиков в политической жизни губернии отмечали даже их политические противники. На состоявшихся осенью выборах в Учредительное собрание члены РСДРП (б) собрали 31612 голосов³⁸.

Таким образом, несмотря на сохранявшееся в крымских органах власти формальное преобладание умеренных социалистических партий (правых эсеров, меньшевиков), к октябрю 1917 г. процесс большевизации Черноморского флота во многом был близок к своему завершению.

А после свержения Временного правительства вопрос о переходе власти в Севастополе и Таврической губернии в руки сторонников партии Ленина фактически был предпрешен.

«Официально, — писал о том периоде истории Севастополя современник, георгиевский кавалер, подполковник Николай Кришевский³⁹, — большевики еще не признаны, по-прежнему матросами как будто руководит партия эсеров, но фактически власть в руках большевиков, и все начальство лишь жалкие пешки в руках

³⁷ Цит. по: Волошинов Л.И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь: Крымиздат, 1960. С. 43.

³⁸ Вьюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Указ. соч. С. 43.

³⁹ Кришевский (Крищевский) Николай Николаевич (1878–1948). Окончил Николаевский кадетский корпус (1895), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1899). Офицер Отдельного корпуса пограничной стражи. Подполковник 6-го Морского полка. Георгиевский кавалер. В начале 1918 г. в городской охране Керчи, затем в гетманской армии. В Русской Западной армии в штабе Пластунской дивизии. Полковник. В Русской Народной армии. С декабря 1919 г. — в Германии. В марте — 1920 г. в составе Русского отряда в лагере Альтенграбов; январе-апреле 1921 — в лагере Альтенау; к 10 мая 1921 г. и 10 октября 1922 г. — в лагере Шэйн. В эмиграции в Германии и во Франции. Председатель Русского рабочего союза, член оргкомитета Зарубежного съезда (1926). Умер 29 декабря 1948 г. в Париже.

матросской вольницы, руководимой кронштадцами и членом Совета рабочих депутатов — Островской»⁴⁰.

Севастополь — Южный Кронштадт

Тем не менее, несмотря на общее «полевение» масс, известие о вооруженном перевороте в столице население Таврической губернии, за исключением Севастополя, встретило крайне враждебно. Против захвата власти большевиками выступили представители практически всех политических партий, по Таврической губернии прокатилась волна демонстраций протеста. Лишь в Севастополе в воинских частях и на кораблях Черноморского флота прошли митинги в поддержку Советов, завершившиеся массовой демонстрацией под лозунгом «Да здравствует пролетарская революция!» На севастопольском рейде убранные красными флажками катера произвели обход всех стоящих в бухтах военных судов. Центральный комитет Черноморского флота направил в Петроград приветственную телеграмму, а тогдашний командующий флотом адмирал Александр Немитц⁴¹ отдал приказ о признании власти Советов.

Главную базу Черноморского флота снова охватывает волна всевозможных митингов и собраний. Выступая на них, сторонники партии Ленина высказыва-

⁴⁰ Кришевский Н. В Крыму // Красный террор глазами очевидцев / Сост. Волков С.В. М.: Айрис-пресс, 2009. С. 175.

⁴¹ Немитц Александр Васильевич (1879–1967). Из дворян. Потомок древнего рыцарского рода. Родился в с. Котюжаны Хотинского уезда Бессарабской губернии в имении отца — мирового судьи и надворного советника. Окончил Морской кадетский корпус (1900), мичманом получил назначение на Черноморский флот. После окончания Артиллерийского офицерского класса Учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота (1903) получил квалификацию артиллерийского офицера 2-го разряда. Преподаватель артиллерийского класса Черноморского флота. С 1907 г. — в Морском Генеральном штабе на должности офицера военно-исторической части. Осенью 1909 г. поступил в Николаевскую Морскую академию. После окончания I курса назначен штатным преподавателем Морской академии (1910), которую закончил в 1912 г. после присвоения звания капитана 2-го ранга, в апреле 1913 г. назначен заведовать в Морском генеральном штабе Черноморским отделом. Во время Первой мировой войны — в штабе Ставки Верховного Главнокомандующего. В конце 1915 г. переведен на Черноморский флот, командовал канонерскими лодками, дивизионом эскадренных миноносцев. В апреле 1917 г. — командующий Минной бригады Черного моря. После Февральской революции, будучи капитаном 1-го ранга, возглавил в Севастополе «Союз офицеров-республиканцев», являвшихся сторонниками демократической республики. 21 июля 1917 г. произведен Временным правительством в контр-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом. Пытался поддерживать флот в боеспособном состоянии, но оказался не способен противодействовать стремительному падению дисциплины среди моряков. После Октябрьского переворота заявил о признании власти большевиков. В середине декабря оповестил флот об отбытии в Петроград, куда так и не прибыл, проживая весь 1918 г. частным лицом в Киеве, затем в Одессе. В марте 1919 г. добровольно вступил в ряды Красной армии, назначен начальником военно-морской части Одесского военного округа. В августе того же года назначен начальником штаба Южной группы войск 12-й армии. С февраля 1920 по декабрь 1921 г. командовал Морскими силами Республики и управлял делами Наркомата по морским вопросам. С 1924 г. на преподавательской работе в Военно-морской академии, в 1926–1928 гг. — в Военно-воздушной академии. В 1940–1947 годах профессор кафедр стратегии и тактики этих академий. С 1930 г. — заместитель инспектора Военно-морских сил РККА. Автор научных трудов. Вице-адмирал. После увольнения в отставку в марте 1947 г. переехал в Севастополь, где работал вначале в музее Черноморского флота, затем в Гидрографии Черноморского флота. Последние годы жил в Ялте, где скончался. Похоронен в Севастополе на кладбище Коммунаров.

ются против эсеровского большинства городского Совета, претворяя на практике распоряжение секретаря ЦК РСДРП (б) Якова Свердлова (будущего активного инициатора разгона Учредительного собрания, расстрела царской семьи, красного террора и массовых репрессий против казачества): «превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья», в «Кронштадт Юга». (Напомним, что еще задолго до Октябрьского переворота, в феврале-марте 1917 г. военно-морская база Балтийского флота Кронштадт снискала недобрую славу как место массовых убийств офицеров. Но если кровавые расправы на Балтике носили характер неуправляемых преступных эксцессов, то превращение Севастополя «в революционный базис Черноморского побережья» осуществлялось вполне координировано.)

6 ноября 1917 г. в Морском собрании Севастополя открылся 1-й Общечерноморский съезд, итогом которого стало упрочение позиций большевиков и принятие (по просьбе присутствовавшего на съезде представителя Ростовского Совета) резолюции о формировании и последующей отправке на Дон для борьбы с атаманом Калединым⁴² отряда вооруженных матросов. Вооруженные отряды было решено послать также в Киев и на Кубань⁴³.

Так в регионе реализовалась еще одна руководящая партийная установка, автором которой месяцами ранее выступил сам «вождь мирового пролетариата» — «превратить войну империалистическую в гражданскую».

12 ноября 1917 г. из Севастополя в Ростов вышла флотилия в составе эсминца «Капитан Сакен», двух тральщиков, нескольких малых судов и десантного отряда. Флотилией командовала избранная Общечерноморским съездом «комиссия пяти» во главе с матросом-большевиком Владимиром Драчуком⁴⁴.

В помощь флотилии был сформирован I Черноморский революционный отряд, в состав которого вошли моряки с линкоров «Свободная Россия», «Евстафий», «Борец за свободу» и других кораблей Черноморского флота, всего около 2500 человек. К отряду были прикомандированы две артиллерийские батареи. Во главе отряда были бывший поручик Андрей Толстов и матрос-анархист Алексей Мо-

⁴² Каледин Алексей Максимович (1861–1918). Родился на хуторе Каледин станицы Усть-Хоперская Области войска Донского (ныне — хутор Блинов Серафимовичского района Волгоградской области) в семье войскового старшины. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1882), академию Генштаба (1889). Генерал от кавалерии, до мая 1917 г. — командующий 8-й армией. После смещения Временным правительством с должности избран 17 июня 1917 г. войсковым атаманом Донского казачьего войска. Не сумев поднять на борьбу с большевиками казачьи массы, 29 января 1918 г. покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в сердце.

⁴³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: АнтикВА, 2008. С. 218.

⁴⁴ Драчук Владимир Ефимович (1897–1918). Из рабочих. В 1914 г. поступил в школу юнг ЧФ. Член РСДРП (б) с 1917 г. Радист на судах Черноморского флота. В октябре 1917 г. — делегат I-го Общечерноморского съезда, возглавлял комиссию, избранную для руководства флотилией, отправленной на Дон. С декабря 1917 г. — член Севастопольского ВРК, с января — комиссар связи областного военно-революционного штаба. Участник установления советской власти в Ялте в январе 1918 г., возглавлял отдел по борьбе с контрреволюцией («отдел советской разведки») при местном Совете. В июне 1918 г. принимал участие в затоплении кораблей ЧФ в Новороссийске. Погиб в конце 1918 г. под Астраханью, отступая в рядах Таманской армии. С 1957 г. имя Драчука носит одна из севастопольских улиц.

1 Черноморский революционный отряд

кроусов⁴⁵. 22 ноября первый эшелон отряда отправился на Ростов. 26 ноября вслед за ним ушел второй эшелон⁴⁶.

Ранее, 9 ноября 1917 г. первый матросский отряд численностью 600⁴⁷ (по другим данным — до 700⁴⁸) человек отправился в Киев. Отправляясь в украинскую столицу, черноморцы заявили: «Мы знаем и мы уверены, что мы не одни, а за нами идет весь Черноморский флот, который зорко следит за движением революции и в случае надобности так же, как и мы, возьмется за оружие и выступит против контрреволю-

⁴⁵ Мокроусов Алексей Васильевич (Савин Фома Матвеевич) (1887–1959). Уроженец Курской губернии, из крестьян. Батрак, чернорабочий. В 17 лет отправился на заработки в Донбасс. Участник революции 1905–1907 гг., командовал боевой дружиной шахтеров Донбасса. В 1908 г. призван на военную службу. Матрос Балтийского флота. В 1912 г. арестован за революционную пропаганду, бежал из-под следствия. Жил за границей. С августа 1917 г. матрос Черноморского флота. Анархо-синдикалист. Участник Октябрьского переворота. Делегат II Всероссийского съезда Советов. В конце 1917 г. формирует 1-й Черноморский революционный отряд. Активный участник Гражданской войны в Крыму и на Юге России, командующий 58-й дивизией, организатор «красно-зеленого» движения в Крыму в белогвардейском тылу. Сторонник активного применения террористических методов. Член ВКП (б) с 1928 г., заведовал Крымским заповедником. Участник испанской войны 1936–1939 гг., советник командующего Арагонским фронтом. Великую Отечественную войну начал рядовым 3-й Крымской дивизии. В 1941–1942 гг. возглавлял крымский штаб партизанского движения. В результате внутренних разногласий отозван из Крыма. С августа 1943 г. в распоряжении командующего Северо-Кавказского фронта, участник Керченской операции. Закончил войну в Восточной Европе в звании полковника и в должности замкомандира 32-го стрелкового полка. С 1948 г. — директор Крымской ТЭЦ. Организатор экскурсионной работы на полуострове, имел ряд правительственных наград. Автор воспоминаний. Похоронен на воинском кладбище в Симферополе. Именем Мокроусова названы улица в Симферополе, турбаза и улица в Севастополе.

⁴⁶ Вьюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Указ. соч. С. 94.

⁴⁷ Семин Г.И. Великий подвиг революции. Севастопольцы и моряки-черноморцы в борьбе за победу Советской власти на Украине // Слава Севастополя, №250 (1995), 21 декабря 1957.

**Проводы революционных матросов на Дон. Рисунок конца 1950-х гг.
(Опубликовано: «Слава Севастополя», 6 ноября 1956)**

ции»⁴⁹. Формирование революционных отрядов происходило при непосредственном руководстве большевистских партийных организаций города и флота.

Стратегию и тактику ведения боевых действий определяли и указания Совнаркома. В телеграмме от 27 ноября 1917 г. советское правительство предписывало главному комиссару ЧФ Василию Роменцу⁵⁰:

«Действуйте со всей решительностью и против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледины, Корниловы, Дутовы — вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием»⁵¹.

Усилению позиций большевиков на территории края также способствовали решения состоявшейся 23–24 ноября 1917 г. 2-й губернской конференции РСДРП (б), в которой принимали участие представители от десяти партийных организаций. Заслушав доклады с мест, вопросы о власти в губернии, о национальных секциях партии, о «буржуазной» печати, губернском партийном органе и др., конфе-

⁴⁸ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 219.

⁴⁹ Семин Г.И. Указ. соч.

⁵⁰ Роменец Василий Власьевич (1889–1957). Родился в г. Кролевец (ныне Сумской обл.) в семье строителя-малляра и ткачихи. Участник революции 1905–1907 гг. Служил матросом на Балтике (1910–1912), затем до 1916 г. на Черноморском флоте. Во время службы на Балтийском флоте провел 8 месяцев в тюрьме за революционную пропаганду среди моряков. Член партии большевиков с 1917 г. В августе 1917 г. направлен в Севастополь. Председатель Севастопольского полуэкипажа и член исполкома Севастопольского Совета, член Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлота). С ноября 1917 по февраль 1918 г. — главный комиссар Черноморского флота. После потопления флота в Новороссийске (июнь 1918) — военный комиссар Кубано-Черноморской республики. В 1918 г. арестован петлюровцами и приговорен к смертной казни, однако сумел бежать. В 1919–1920 гг. воевал с белыми на Юге. В 1921 г. — комиссар штаба артиллерийской обороны Кавказского побережья. До 1937 г. пребывал в рядах советских вооруженных сил; по причине болезни оставил военную службу. В дальнейшем на партийной и советской работе. До ноября 1941 г. являлся начальником Главшахтстроя Наркомата угольной промышленности. 12 ноября 1941 г. во время инспекционной поездки попал в аварию и стал инвалидом первой группы. Персональный пенсионер. Умер в Москве.

рентия выразила активную поддержку ЦК большевистской партии и ленинского правительства, взяв курс на «решительную борьбу» за установление советской власти в губернии⁵².

Однако предпринятая в ноябре попытка оказания помощи «ростовскому пролетариату» не увенчалась успехом. Встретив под Ростовом ожесточенное сопротивление со стороны офицерских и казачьих частей, понеся потери, 11 декабря 1917 г. ушедший на Дон красновардейский десант возвратился обратно. Озлобленные поражением и гибелью своих товарищей по оружию, вернувшиеся в Крым моряки жаждали мести. Еще накануне они расстреляли под Тихорецкой одного из четырех офицеров, бывших в отряде — лейтенанта Александра Скаловского, на которого возложили ответственность за военные неудачи⁵³.

А.В. Мокроусов

Сутками ранее, 10 декабря 1917 г., в Севастополь были доставлены тела моряков, погибших в сражении под Белгородом. Хоронили их в этот же день. Похороны матросов вылились в мощную демонстрацию, в ходе которой раздавались призывы к немедленному избиению офицеров.

12 декабря 1917 г. представители вернувшегося из-под Белгорода I Черноморского революционного отряда заявили на заседании Севастопольского Совета, что отряд не только не признает его авторитета и распоряжений, но требует в 24 часа очистить помещение исполкома, угрожая в противном случае разогнать Совет силой.

Местные большевики тут же приняли декларацию о своем выходе из состава Совета, окончательно, по их мнению, скомпрометировавшего себя перед массами, и настаивали на его переизбрании.

Производится массовое разоружение офицеров. По этому случаю судовые команды выносят грозные резолюции: *«Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции»; «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобраны»*⁵⁴.

Нагнетанию классовой ненависти способствовали находившиеся в Севастополе кронштадтцы, давно призывавшие «взять в свои руки южный край, как балтийцы взяли северный»⁵⁵, упрекая черноморцев в недостаточной революционности и ставя им в пример собственные «заслуги».

«Местами, — вспоминал Н. Кришевский, — на Нахимовском пр. около переулков и Базарной улицы, кружками чернели небольшие митинги — “летучки”, как их

⁵¹ Цит. по: Чирва И. В суровую пору гражданской войны // Ленин нам путь озарил. Симферополь: Крым, 1971. С. 42.

⁵² Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине, февраль 1917 — февраль 1918 г. Хроника важнейших историко-партийных и революционных событий в двух частях. Ч. 2. Большевики во главе трудящихся в период борьбы за установление Советской власти на Украине, октябрь 1917 г. — февраль 1918 г. К.: Политиздат Украины, 1982. С. 317–318.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Десять лет Советского Крыма // Сборник, посвященный десятилетию советизации Крыма. 1920–1930. Крымское государственное издательство, 1930. С. 46.

называли. В середине небольшой толпы обыкновенно возвышался и жестикулировал кронштадтский матрос, увешанный патронными лентами, патронташами, бомбами и с винтовкой в руке.

Мы, стараясь не возбудить подозрений, останавливались около этих митингов, и все тяжелее делалось на сердце, так как матросы открыто и исключительно только призывали к немедленному убийству офицеров, укоряя черноморцев, что десять месяцев они дают возможность жить тем, кто десятки лет «пил их кровь», вместо того, чтобы поступить так, как кронштадтцы — вырезать всех, кто подозрителен, кто недоволен «народной властью», кто мучил при царском режиме, и вообще — всех «господ»...

Эти разговоры, это человеконенавистничество, дикие выкрики и художественную ругань с невероятными новыми вариантами было тяжело слушать, и мы трое пошли домой, обменявшись предположениями, что эта ночь не пройдет благополучно⁵⁶.

В этих условиях офицерские кадры ЧФ были фактически обречены на расправу. Морально унижаемые в предыдущие месяцы, начиная с декабря 1917 г. офицеры Черноморского флота стали уничтожаться физически.

Первой жертвой надвигающегося террора стал мичман Николай Скородинский. 13 декабря 1917 г. он был застрелен на миноносце «Фидониси». Как утверждал Н. Кришевский, причиной гибели мичмана стали его критические высказывания в адрес члена Севастопольского Совета, Н. Островской, «давно призывавшей матросов к резне офицеров»⁵⁷.

По сообщению газеты «Крымский вестник», похороны мичмана состоялись днем 15 декабря 1917 г. В 12 часов дня гроб с останками убитого на руках товарищей и сослуживцев был вынесен из Никольского собора «и несен при громадном стечении народа до городского кладбища, где и был предан погребению. Обычные при погребении морских чинов музыка и воинский наряд отсутствовали»⁵⁸.

Никакого сочувствия улицы похороны не вызвали. «Ни одного матроса, ни одного солдата, рабочего или простолюдина не было в процессии, никто не останавливался, не снимал шапок, не крестился, и только иногда, проходя по улице, было слышно из групп матросов и простолюдов: "Собаке собачья смерть"... "Всех бы их так"... "Скоро всем конец"...»⁵⁹

Эти события стали прологом к страшной трагедии, разыгравшейся в ночь с 15 на 16 декабря 1917 г.

15 декабря 1917 г. команда плавучих средств Севастопольской крепости обратилась в Совет с требованием создать военно-революционный трибунал с неограниченными правами для борьбы со «спекулянтами, мародерами, контрреволюционерами и другими преступниками революции»⁶⁰.

Вечером того же дня по указанию комиссара Черноморского флота В. Роменца на эсминце «Гаджибей» команда арестовала 6 офицеров и решила поместить

⁵⁶ Кришевский Н. Указ. соч. С. 175.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Крымский вестник, №287 (9272), 16 декабря 1917 // ГКУ АГС, ф. КМФ-4, оп. 1, д. 823.

⁵⁹ Кришевский Н. Указ. соч. С. 175-176.

⁶⁰ Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. Севастополь: Телескоп, 2004. С. 94.

их в тюрьму. Но, так как там отказались принять арестованных «за отсутствием указаний», офицеров привели на Малахов курган и расстреляли. Этой же ночью арестовали и казнили десятки других офицеров. Среди убитых были начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Митрофан Каськов; главный командир Севастопольского порта, начальник дивизии минных кораблей вице-адмирал Павел Новицкий; председатель военно-морского суда генерал-лейтенант Юлий Кетриц. Всего на Малаховом кургане 15–16 декабря 1917 г. были расстреляны 32⁶¹ (по другим данным 23⁶²) офицера.

В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. на Малаховом кургане также были расстреляны старший инженер-механик лейтенант Е. Томасевич, трюмный инженер-механик подпоручик по Адмиралтейству Н. Дыбко, ревизор мичман Н. Иодковский, минный офицер с эсминца «Фидониси» 3-го дивизиона Минной бригады лейтенант П. Кондрашин⁶³.

Город погрузился в пучину самосудов и жестоких погромов. Объявленных «контрреволюционерами» жителей города убивали на улицах и частных квартирах, используя для розыска адресные книги и телефонные справочники⁶⁴. Особенно жуткие сцены разыгрывались на улицах Городского холма — Чесменской (ныне — ул. Советская) и Соборной (ныне — ул. Суворова), где было много офицерских квартир, и на вокзале.

Как вспоминал Н. Кришевский (сам чудом избежавший расправы), «вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы, голубчики»...кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы — словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна.

Минуя эту толпу, я подошел к вокзалу и, поднявшись на лестнице, где снова были матросы, попал в коридор. Здесь бегали и суежились матросы, у которых почему-то на головах были меховые шапки «нансенки», придававшие им еще более свирепый вид. Иногда они стреляли в потолок, кричали, ругались и кого-то искали.

— Товарищи! Не пропускай офицеров, сволочь эта бежать надумала, — орал какой-то балтийский матрос во всю силу легких.

— Не пропускай офицеров, не про-пу-скай... — пошло по вокзалу. В это время я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц, — морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадном прыжком очутился в коридоре и упал около нас.

⁶¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 226.

⁶² Королев В.И. Указ. соч. С. 44.

⁶³ Лобицын В., Дядичев В. Еремеевские ночи // Родина, №11, 1997. С. 29.

⁶⁴ Александров К. Без жалости и совести: У истоков красного террора. 1917–1918 годы // Новое время, №34, 2005. С. 37.

За ним несло несколько матросов — миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычание матросов... Стало страшно...

Наконец, я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

— Берите его, проговорил он, обращаясь к матросам.

— Ишь ты — втыкать думал...

— Берите и этого, указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновенья я увидел бледные, помертвевшие лица, еще момент и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы...»⁶⁵

Ночь на 17 декабря выдалась столь же тревожной. По-прежнему производились аресты и обыски среди офицеров, у которых изымалось оружие. Как и в предыдущую ночь, участь большинства арестованных была незавидной: жертвами самосудов стали еще 30 офицеров⁶⁶.

Таким образом, в декабре 1917 г. Севастополь стал первым городом, открывшим в Крыму мрачную страницу террора. Именно здесь, задолго до придания массовым убийствам «врагов революции» официального статуса, были замучены десятки людей.

Тем самым был подан своеобразный «пример» другим регионам бывшей Российской империи, задан тон дальнейшей эскалации жестокости и садизма.

Вспышка насилия в городе в ночь с 15 на 16 декабря застала врасплох практически все политические группы. И только большевики умело воспользовались создавшимся положением для укрепления собственных позиций.

16 декабря 1917 г. в городе организовывается Временный военно-революционный комитет (военревком, ВРК) в составе 18 большевиков и 2 левых эсеров о главе с Ю. Гавеном⁶⁷. В воззвании к матросам, солдатам и населению Севастополя ВРК сообщил о переходе к нему всей полноты власти. Прежний эсерово-меньшевистский Совет был распущен. Одновременно по ордерам военревкома начались аресты «наиболее известных контрреволюционных офицеров и представителей буржуазии»⁶⁸.

Так в Севастополе впервые установилась «народная, рабоче-крестьянская власть».

И хотя Севастопольский ВРК опубликовал ряд воззваний, осуждающих самосуды, призвал к сохранению спокойствия и «революционной дисциплины», выпустил приказы о прекращении самочинных обысков и арестов, о запрещении покупки и продажи оружия, в ночь с 19 на 20 декабря 1917 г. в городе были убиты еще 7 человек. Среди них — надворный советник доктор Владимир Куличенко; преподаватель Минной школы Черноморского флота лейтенант Владимир Погорельский; исполнявший обязанности старшего офицера линейного корабля

⁶⁵ Кришевский Н. Указ.соч. С. 179.

⁶⁶ Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). К., 2011. С. 61.

⁶⁷ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 30, 129.

⁶⁸ Семин Г.И. Севастополь. Исторический очерк. М.: Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1955. С. 336

Члены Севастопольского ВРК

«Евстафий», капитан 2-го ранга Василий Орлов (пытался бежать, но был заколот штыками и забит прикладами в коридоре арестного замка (современная пл. Восставших, торговый комплекс «Новый бульвар»)⁶⁹.

Среди погибших был и настоятель военной Свято-Митрофаниевской церкви на Корабельной стороне, протоиерей Афанасий Чефранов. Обстоятельства гибели этого духовного пастыря источники описывают по-разному. По одним данным, священник был взят прямо в храме и тут же расстрелян на паперти⁷⁰. По другим — убит за чертой города. Такая версия гибели отца Афанасия приводится в послании архиепископа Таврического и Симферопольского Димитрия (Абашидзе)⁷¹ к пастве

⁶⁹ Чикин А.М. Севастопольская Голгофа. Севастополь: Рибест, 2005. С. 52.

⁷⁰ Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. Т. 1: Революция и первые годы Советской власти. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1993. // <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=4506>

⁷¹ Архиепископ Димитрий (Абашидзе Давид Ильич, в схиме — Антоний) (1867–1942). Родился в фамильном имении под Тифлисом (ныне — Тбилиси), потомок грузинского княжеского рода. Окончил Тифлискую гимназию, Новороссийский университет (1891). Поступил в Киевскую духовную академию. 16 ноября 1891 г. пострижен в мантию с именем Димитрий; 21 ноября того же года рукоположен во иеродиакона. После окончания духовной академии (1896) рукоположен во иеромонаха. С августа 1896 г. — преподаватель Тифлисской духовной семинарии. С 1897 г. — инспектор Кутаисской духовной семинарии. С 1898 г. — инспектор Тифлисской духовной семинарии. С 1900 г. — ректор Александровской миссионерской духовной семинарии в сане архимандрита. 23 апреля 1902 г. — хиротонисан во епископа Алавердского, викария Мцхето-Карталинской епархии. С 4 ноября 1903 г. — епископ Гурийско-Мингрельский; с 16 июня 1905 г. — епископ Балтский, викарий Подольской епархии; с 20 января 1906 г. — епископ Туркестанский и Ташкентский; с 25 июня 1912 г. — епископ Таврический и Симферопольский; с 6 мая 1915 г. — архиепископ. Товарищ председателя V Всероссийского миссионерского съезда (1917). Участник Поместного Собора Русской Православной Церкви. Член Временного высшего церковного управления юго-востока России (1919). С 14 сентября 1921 г. пребывал на покое; жил в Топловском монастыре в Феодосийском уезде. 11 апреля 1923 г. арестован ГПУ и после следствия выслан из Крыма. Переехал в Киев и поселился в Китаевской пустыни при Киево-Печерской Лавре, после ее закрытия жил на частных квартирах. Противник декларации митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти. В 1928 г. был пострижен в великую схиму с именем Антоний. В 1933 г. вновь арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы условно; жил на частной квартире на Козловской улице, близ Киево-Печерской Лавры. Совершал тайные службы и рукоположения, почитался духовным главой киевской катакомбной церкви. После открытия Лавры осенью 1941 г. (после занятия Киева гитлеровцами), переселился туда, заняв дом бывшего блюстителя Ближних пещер, где для него был восстановлен небольшой храм. 21 июня 2011 г. канонизирован Украинской Православной Церковью (Московского Патриархата) как местночтимый святой.

**Отряд Красной гвардии, сформированный из рабочих Северного дока
Севастопольского Портового завода. 1918**

и пастырям Таврической епархии, сделанном по этому случаю 30 декабря 1917 г. Выразив безграничную скорбь об убиенном, «горько оплакивая грех, содеянный сынами же православного народа», архиепископ призвал духовенство и мирян «усилить повсюду святые молитвы о смягчении сердец русского народа, о даровании им мира и братской любви, о водворении в стране нашей порядка и тишины»⁷², и рекомендовал внести в каждой церкви епархии имя иерея-мученика в списки для вечного поминовения.

Архивные документы свидетельствуют, что накануне своей гибели о. Афанасий содержался в тюрьме, куда был помещен по ложному обвинению в якобы имевшем место с его стороны нарушении тайны исповеди арестованных в 1905 г. мятежных матросов с крейсера «Очаков». Согласно данным газеты «Крымский вестник» от 21 декабря 1917 г., священник и вместе с ним 7 находившихся в заключении офицеров были выданы революционным матросам и расстреляны ими (вероятно, недалеко от тюрьмы)⁷³.

Отец Афанасий не был единственным пастырем, чья жизнь трагически оборвалась в те страшные дни. В декабре 1917 г. неподалеку от Севастополя (по другим сведениям — в самом Севастополе) революционные матросы убили (как утверждает автор жизнеописания «Новые мученики Российские», протопресвитер Михаил Польский, — повесили вниз головой на царских воротах в кафедраль-

⁷² Протодиакон Василий Марущак. Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. Симферополь: Доля, 2005. С. 192–193.

⁷³ Расстрел 7 офицеров и священника // Крымский вестник, №291 (9276), 21 декабря 1917 г. // ГКУ АГС, ф. КМФ-4, оп. 1, д. 823.

ном соборе⁷⁴) архиепископа Иоакима (Левицкого); тогда же в своей квартире был задушен другой священнослужитель — отец Исаакий Попов.

Расправы едва избежал настоятель севастопольского Свято-Владимирского Адмиралтейского собора протоиерей Роман Медведь⁷⁵. Узнав о том, что его собираются арестовать, священник спешно уехал из города.

Тяжкие испытания, обрушившиеся на Русскую Православную Церковь в Крыму в декабре 1917 — марте 1918 гг., стали началом ее пути на собственную Голгофу...

Всего, по данным Н. Кришевского, во время декабрьских событий 1917 г. в Севастополе погибло 128 офицеров⁷⁶, а по сведениям, приводимым советским автором Г.Тарпаном, в декабре 1917 г. в Севастополе «в течение двух-трех суток матросы убили несколько сот офицеров»⁷⁷. Российский историк Владимир Булдаков в свою очередь называет меньшую цифру — 68 погибших, в том числе 11 генералов и адмиралов, признавая, впрочем, что «попутно матросы расправлялись с “прочей контрреволюцией”, и на этот счет статистики жертв не велось»⁷⁸.

Тела убитых ими людей «вершители революционного правосудия» частью оставляли лежать на месте расправы (Малахов курган, территория тюремного замка), частью выбрасывали в море. Кроме того, после 19 декабря в разных ме-

⁷⁴ Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949. Т. I С. 81.

⁷⁵ Протоиерей Роман Медведь (1874–1937). Родился в Холмской губернии в семье учителя. Окончил Холмскую духовную семинарию (1892), впоследствии обучался в С.-Петербургской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия (1896). Назначен инспектором в Виленскую духовную семинарию. В марте 1901 г. рукоположен во иерея в Чернигове владыкой Антонием (Соколовым) и направлен в Черниговскую губернию священником при Крестовоздвиженском братстве. В 1902 г. переведен в С.-Петербург. Служил в церкви равноапостольной Марии Магдалины, организовал общество трезвенников, говорил проповеди, устраивал приходскую жизнь. В 1907 г. из-за слабого здоровья жены переехал из Петербурга в Крым и был назначен настоятелем Свято-Владимирского Адмиралтейского собора в Севастополе, стал протопресвитером Черноморского флота. После Октябрьского переворота и установления в городе власти крайне левых, опасаясь ареста, выехал в Москву. Назначен Святейшим Патриархом Тихоном настоятелем Покровского храма на Красной площади. Осенью 1919 г. в связи с закрытием храма переведен в храм святителя Алексия, митрополита Московского в Глинищевском переулке. По благословению Патриарха Тихона образовал «Братство ревнителей православия в честь святителя Алексия, митрополита Московского», объединившее не менее 200 постоянных членов; занимался просветительской и проповеднической деятельностью. За время московского служения (с 1918 по 1929 г.) неоднократно арестовывался, но вскоре оказывался на свободе. В 1931 г. вновь арестован по обвинению в том, что в бытность протопресвитером Черноморского флота снижал «своими беседами революционную активность матросов». Приговорен к расстрелу, помилован. Заключен в концлагерь сроком на 10 лет. Наказание отбывал в системе Беломорканала, работал сторожем, потом счетоводом. Досрочно освобожден в 1936 г. Последние месяцы жизни жил вместе с семьей в Малоярославце. В 1937 г., незадолго до смерти, принял монашеский постриг, и был пострижен в рясофор с именем Иосиф. Умер от туберкулеза 8 сентября 1937 г. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания. В настоящее время святые мощи священноисповедника Романа покоятся в Москве в храме Покрова Богородицы на Лычиковой горе.

⁷⁶ Кришевский Н. Указ. соч. С. 181.

⁷⁷ Тарпан Г.А. Боевые страницы Черноморского флота. М.-Л.: Государственное издательство, отдел военной литературы, 1929. С. 31.

⁷⁸ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. Изд. 2-е, доп. С. 260.

стах города было обнаружено еще 12–14 «сильно обезображенных неопознанных трупов»⁷⁹.

Декабрьские расстрелы произвели на горожан тяжелое впечатление. Передаваемые из уст в уста рассказы о самосудах обрастали все новыми, порою фантастическими подробностями. Некоторые оставшиеся в живых офицеры поспешили уехать из города.

*«Никто не думал, — писал годы спустя один из избежавших расправы, лейтенант А. Ульянов, — что, живя в Севастополе, мы находимся в клетке с кровожадными зверями. Мы не могли себе представить того кошмара, какой был в Севастополе»*⁸⁰.

Тем временем новая власть активно продолжала наводить свои порядки. 18 декабря 1917 г. состоялось переизбрание Севастопольского Совета. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры, — 86. Большинство из 50 беспартийных поддержали большевиков. Председателем совета был избран большевик Н. Пожаров.

В конце декабря 1917 г. в городе заработал суд революционного трибунала. Учрежденный 16 декабря 1917 г., трибунал «немедленно приступил к разбору дел всех обвиняемых лиц»⁸¹.

Так стараниями эсеровско-большевистской верхушки террор, первоначально носивший неуправляемый «классово-стихийный» характер, стремительно начал приобретать все более организованные, «революционно целесообразные» формы⁸².

Десятилетиями матросские самосуды в Севастополе в декабре 1917 г. (как и последующие всплески насилия зимой 1918 г.) преподносились советским официозом как стихийные проявления революционной активности масс, которые большевики осуждали и всячески пытались предотвратить. По этой причине в отличие от террора начала 1920-х гг., а также репрессий последующих лет, расправы над «классовыми врагами», совершаемые на полуострове в 1917–1918 гг., достаточно полно запечатлелись в советской художественной и научной литературе. Однако, учитывая поведение ленинцев и их союзников в Крыму накануне Октябрьского переворота, вина функционеров РСДРП (б) в захлестнувшем Севастополь (а позже и другие крымские города) насилии становится более чем очевидной.

Характерно, что, несмотря на демонстративное осуждение властями самочинных расправ, виновники последних не только не понесли наказания — не было проведено никакого расследования. Сами революционные матросы стали надежной опорой режима, в дальнейшем сыграв ведущую роль в первой попытке «советизации» Крыма. По признанию Ю. Гавена, именно черноморцы вынесли на своих плечах «всю тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюцией». «Главной общественной силой, которая определяла ход событий в Севастополе, — годы спустя писал большевик Урановский, — были матросы. Не рабочие местной формации, в большинстве случаев связанные с собственностью и демократическими пред-

⁷⁹ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 799.

⁸⁰ Цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 227.

⁸¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) С. 133.

⁸² Бикова Т. «Червоний терор» в Криму (1917–1921 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки, №5. Київ: Інститут історії України НАН України, 2000. С. 7.

рассудками, не иные общественные прослоения, а именно широкие матросские массы, буйные, удалые, воспитанные рокотом бурь, озлобленные долголетней муштрой и гавканьем против всего, что может напомнить старый строй»⁸³.

Следует также отметить, что при всей своей кажущейся стихийности, трагические события в Севастополе 16–19 декабря 1917 г. объективно способствовали все большему укреплению позиций большевиков, вытеснению их противников из властных структур и установлению в городе (а в дальнейшем — и на всем полуострове) режима военно-коммунистической диктатуры.

В начале января 1918 г. севастопольские большевики располагали значительными вооруженными силами. Кроме лояльных новой власти экипажей судов, в ее распоряжении имелось несколько матросских и красногвардейских отрядов, формирование которых заметно ускорилося после получения 6 января 1918 г. из Петрограда телеграммы за подписью представителя Совнаркома на Юге России Климента Ворошилова, в которой Севастопольскому Совету предлагалось «начать организацию вооруженных сил края» до начала работы «краевого Учредительного собрания». И уже 9 января Севастопольский ВРК призвал рабочих вооружаться и вступать в ряды Красной гвардии⁸⁴.

12 января 1918 г. Объединенное заседание Севастопольского Совета, Центрофлота, Совета крестьянских депутатов, представителей городского самоуправления, главного заводского комитета порта, главного комиссара Черноморского флота, социалистических организаций и представителей всех судов и частей приняло решение о создании Военно-революционного штаба (ВРШ) для решительных действий против контрреволюции. На заседании подчеркивалось, что *«Севастополь не остановится ни перед какими средствами для того, чтобы довести дело революции до победного конца»*⁸⁵.

Излишни пояснения, какие именно средства большевики и их союзники намеревались использовать для выполнения этой задачи.

За происходящим в Севастополе со страхом наблюдали из соседнего Симферополя. У власти здесь находились антибольшевистские силы — Совет народных представителей (СНП), татарский Курултай и Крымский штаб. Осознавая угрозу, которую несет в себе Севастополь, противники большевизма пытались оказать сопротивление и нанести упреждающий удар, блокировав город и отправив вооруженные отряды в соседние приморские города. Но эти попытки были безрезультатны.

Одной из главных причин, предопределивших победу большевиков, стало их численное превосходство. Если силы Крымского штаба составляли около 2 тыс. офицеров (из них в строю было не более 400 человек, сведенных в четыре офицерских роты по 100 человек в каждой)⁸⁶ и национальные татарские части (эскадронцы) количеством в 6 тыс. штыков и сабель, то силы Севастопольского ВРК превосходили

⁸³ Цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 254.

⁸⁴ Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). С. 61; Семин Г.И. Великий подвиг революции. Севастопольцы и моряки-черноморцы в борьбе за победу Советской власти на Украине.

⁸⁵ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) С. 162.

⁸⁶ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002. С. 60.

противника в 7–8 раз. Кроме того, контролирующие Севастополь «военно-революционные власти» имели в своем распоряжении значительные запасы оружия и боеприпасов, в то время как их противники испытывали недостаток во всем — начиная от патронов, винтовок, пулеметов и сабель и заканчивая седлами.

Разбив под Севастополем отряды Крымского штаба, большевики приступили к вооруженному захвату власти в губернии.

Ссылаясь на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, генерал Антон Деникин свидетельствовал: *«Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: “К городу подходили военные суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, еще верных порядку и краевому правительству (правительствам?), а затем, пополнив свои кадры темными, преступными элементами из местных жителей, организовывали большевицкую власть”»*⁸⁷.

По свидетельству евпаторийского большевика Владимира Елагина, среди руководящих функционеров РСДРП (б) в Крыму против террора робко пытались протестовать только Ю. Гавен и Н. Пожаров⁸⁸. При этом и тот, и другой не отрицали в принципе необходимость насилия. Речь в отношении этих партийцев нужно вести только о неприятии ими открытых и крайних форм расправ над «классовыми врагами». Так, 14 декабря 1920 г., спустя ровно месяц после окончательного установления на полуострове власти большевиков, будучи одним из руководящих членов Крымского революционного комитета (Крымревкома), отвечая на нападки в свой адрес со стороны руководителей крымской власти по поводу заступничества за некоторых арестованных, Гавен в письме члену Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) Николаю Крестинскому сообщал, что тоже стоит за «проведение массового красного террора», а также указывал на то, что применял «массовый красный террор еще в то время, когда он еще партией официально не был признан»⁸⁹.

Соратник Гавена, Пожаров, после отъезда из Крыма был председателем Ярославской губ. ЧК (губернской чрезвычайной комиссии), участвовал в подавлении Ярославского восстания, а позже сделал неплохую карьеру в системе советских карательных органов.

Трагедия в Евпатории

Наиболее известной страницей красного террора в Крыму в январе 1918 г. являются трагические события в Евпатории.

Вечером 14 января к городу подошли военные корабли Черноморского флота — гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор», буксиры «Геркулес» и «Да-

⁸⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии // Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2, т. 2. Борьба генерала Корнилова; т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 393–394.

⁸⁸ Бикова Т. «Червоний терор» в Криму (1917–1921 рр.). С. 8.

⁸⁹ Красный террор // Родина, №4, 1992. С. 100.

най». На следующее утро «Румыния» в течение сорока минут обстреливала город из шестидюймовых орудий, а затем на берег высадился десант в количестве до 1500 матросов и вооруженных рабочих. К прибывшим тотчас присоединились местные «пролетарии», и к 10 часам утра город был полностью захвачен большевиками.

Первые три дня в городе шли нескончаемые обыски и аресты. В поисках оружия матросы вламывались в дома и выносили оттуда все ценное. Арестовывали дворян, офицеров, чиновников и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров. Сопротивлявшихся убивали на месте. За 3 дня было арестовано свыше 800 человек.

«Обыски производились группами, — свидетельствовал современник Алексей Сапожников⁹⁰, сын офицера лейб-гвардии Павловского полка, — из матросов, прибывших из Севастополя, и местных большевиков. Был произведен обыск и в нашем доме. Часы пробили 10 вечера, когда раздался длинный звонок; это звонили с улицы и, как мы потом поняли, сразу во все четыре квартиры (обычно с темной дверью на улицу закрывалась на ключ, и, если кто приходил поздно, он открывал дверь или своим ключом, или нажимал кнопку звонка соответствующей квартиры).

В данном случае все были дома и понимали, что это за гости. Прошло время, пока кто-то снизу открыл дверь. Обыск начали одновременно в двух нижних квартирах, затем поднялись наверх, и в наших дверях впечатляюще показался перетянутый пулеметными лентами здоровый матрос, за плечами которого виднелась винтовка, а у пояса — кобура с револьвером и две гранаты-лимонки.

Все жители нашей квартиры собрались в передней, все это были женщины, за исключением дяди Володи, и просили не шуметь, чтобы не испугать маленьких ребят, которые уже спали. Для подкрепления просьб дядя Володя, который был, конечно, в сугубо штатской одежде, вручил грозному моряку бутылку спирта. Этим все решилось: матрос повернулся к нам спиной, предварительно спрятав бутылку под бушлат, и, когда его компаньоны вышли из соседней квартиры, направляясь к нам, он заявил, что «здесь уже все им проверено», и они все спустились вниз. Тем для нас и кончился этот обыск; соседи, правда, уверяли, что у них якобы исчезли карманные часы, лежавшие на комод, но это уж на их совести»⁹¹.

Но этот счастливый исход был скорее исключением. Евпаторийский рейд стал местом массовых жестоких казней. Всего за три дня — 15, 16 и 17 января 1918 г. — большевики убили не менее 300 человек⁹². При этом, как утверждал находившийся в тот момент в Ялте член ЦК кадетской партии, общественный деятель и публицист, Даниил Пасманик, *«было бы убито гораздо больше людей, если бы не было*

⁹⁰ Сапожников Алексей Львович (1906–1989). Из дворян Нижегородской губернии. В описываемое время жил с семьей в Крыму. Инженер, геолог, автор воспоминаний и ряда исторических трудов.

⁹¹ Сапожников А.Л. Крым в 1917–1920 годах // Крымский архив, №7. Симферополь, 2001. С. 205.

⁹² Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. // Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. Чекистский Олимп. М.: Айрис-Пресс, 2006. С. 143.

Опознание трупов людей, замученных большевиками в Евпатории

подкупных большевиков: за очень большие деньги они или вывозили намеченные жертвы за Джанкой, или же укрывали в лазаретах и гостиницах»⁹³.

Кровавая расправа происходила на гидрокрейсере «Румыния» и транспорте «Грувор». На «Румынии» «лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт в воду. Бросали массами и живых, но в этом случае жертве отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и у кистей, помимо этого связывали и ноги в нескольких местах, а иногда оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали к уже перевязанным рукам и ногам. К ногам привязывались колесники»⁹⁴.

По свидетельству Н. Кришевского, «все арестованные офицеры (всего 46 человек) со связанными руками были выстроены по борту транспорта и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись.

Среди офицеров был мой товарищ, полковник Сеславин, семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде. Его пощадили — когда он, будучи сброшен в воду, не пошел сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову...

Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий... Его, уже сильно раненого, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта «Румыния»»⁹⁵.

⁹³ Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 79.

⁹⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 142–143.

⁹⁵ Кришевский Н. Указ соч. С. 182–183.

**Организаторы и идейные
вдохновители массовых убийств
в Евпатории зимой 1918 г.
Слева направо: Верхний
ряд: А.П. Немич, Ю.П. Немич,
В.П. Немич. Нижний ряд:
Н.М. Демышев, Ж.А. Миллер,
Х.Г. Кебабчианц.**

На берегу находились жена Новицкого и его 12-летний сын, которому обезумевшая от горя женщина руками закрывала глаза, а он дико выл⁹⁶.

В расправах над офицерами и «буржуазией» особенно деятельное участие принимали руководящие функционеры местной большевистской организации — сестры Антонина, Варвара и Юлия Немичи. Они входили в состав трибунала, разбиравшего дела арестованных. «Революционное правосудие» Немичам помогали «вершить» супруг Юлии, солдат Василий Матвеев, и сожитель Антонины Феоктист Андриади. Обязанности среди палачей распределялись следующим образом: Юлия допрашивала заключенных и оценивала степень «контрреволюционности», а ее муж определял «буржуазность»⁹⁷. Антонина следила за исполнением приговоров, а по некоторым сведениям, лично участвовала в расправах⁹⁸.

«Был случай, — читаем в воспоминаниях Бориса Пузанова⁹⁹, судебного следователя по важным делам, после падения советской власти в Крыму в мае 1918 г. проводившего по поручению Симферопольского окружного суда расследование евпаторий-

⁹⁶ Чикин А.М. Указ. соч. С. 83.

⁹⁷ Якимова Н. Черно-белая жизнь евпаторийской семьи Немичей // Первая Крымская, №242, 19 сентября/25 сентября 2008.

⁹⁸ Шамбаров В.Е. Государство и революции. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С.86

⁹⁹ Пузанов Борис Ильич (1882–1972). Юрист, протоиерей. Окончил юридический факультет Харьковского университета, работал при Одесском окружном суде. В 1914–1918 — судебный следователь Симферопольского окружного суда, следователь по особым военным делам, член особой комиссии при главнокомандующем Добровольческой армии по расследованию злодеяний большевиков (1919). Эмигрировал в Югославию (1920), работал на военном заводе в Герцеговине (1921–1924). Открыл в Белграде собственную техническую лабораторию (1924). В годы Второй мировой войны служил в Русском корпусе. С 1943 г. жил в Австрии, затем поселился в Бельгии (1945). В 1956–1963 гг. — диакон Свято-Николаевской церкви в Брюсселе. С 1963 г. — 2-й диакон Св.-Николаевского собора в Ницце. Протоиерей (1966). Похоронен на Русском кладбище Кокад в Ницце.

ских убийств, — когда сопротивлявшаяся жертва была сильнее палача и, вцепившись в него, его не отпускала и увлекала вместе с собою в море (было указание, что это был Порфирий Бендебери — рослый и сильный). А в это время Антонина Немич, стоя у борта парохода, смотрела в воду и считала “бульбочки” — тот воздух, который со дна морского выпускала жертва. Так протекал “суд” над несчастными арестованными, продолжавшийся три ночи...”¹⁰⁰

Остальные члены революционного трибунала также вносили свою лепту в дело борьбы с «буржуазией». Председательствовавший на заседаниях командир «Румынии» матрос Федосеенко любил повторять: «Все с чина подпоручика до полковника — будут уничтожены»¹⁰¹.

Один из большевистских палачей, член Севастопольского ВРК, матрос Сергей Куликов, говорил на одном из митингов, что «собственноручно бросил в море за борт 60 человек»¹⁰².

В состав заседавшего на «Румынии» революционного трибунала входил и будущий председатель Евпаторийского Совета Николай Демышев. Бывший сельский учитель из Тверской губернии, участник восстания на броненосце «Потемкин», приверженец большевизма. По его личному распоряжению в начале марта 1918 г. по заранее заготовленным спискам в городе будут схвачены и убиты десятки людей.

В числе активных участников красного террора в Евпатории в январе 1918 г. некоторые современные крымские публицисты также называют Надежду Островскую. Так, севастопольский писатель и краевед Аркадий Чикин, основываясь на книге эмигрантского историка Романа Гуля «Дзержинский», в которой Островская называется «главным персонажем чеки в Севастополе», ошибочно приписывает «Нине» участие в казнях на евпаторийском рейде. Аналогичного мнения придерживается другой современный севастопольский автор, Борис Никольский. В книге «1880–1920 гг. по воспоминаниям севастопольцев и материалам периодической печати», по собственному признанию автора, «не претендующей на академический уровень», Островская названа руководителем казней на «Румынии» и «Труворе»¹⁰³.

Ничем не подтвержденные, эти сведения не отвечают действительности, поскольку в конце декабря 1917 г. Островская выехала из Крыма в Петроград с докладом о проделанной работе — создании Севастопольской организации РСДРП (б) и избрании большевистского Совета.

Ошибочным является и утверждение о работе Островской в Севастопольской ЧК. Прежде всего потому, что в процессе первой попытки установления советской власти в Крыму (декабрь 1917 — май 1918 гг.) большевики и их союзники не успели организовать должным образом систему репрессивного аппарата. ЧК

¹⁰⁰ Финкельштейн К.И. Евпатория 1915–1920 гг. По материалам домашнего архива семьи Афанасьевых // http://kfinkelshteyn.narod.ru/Evpatoria/Evp_KF_article1.htm

¹⁰¹ Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков // Под ред. Фельштинского Ю.Г., Чернявского Г.И. М., 2004. С. 199.

¹⁰² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 144.

¹⁰³ Никольский Б.В. 1880–1920 гг. по воспоминаниям севастопольцев и материалам периодической печати. Научно-историческое исследование. Севастополь: Издатель Кручинин Л.Ю., 2012. С. 200.

в 1917–1918 гг. крымские коммунисты не создавали. Как было отмечено выше, расправы над «классовыми врагами» совершали распропагандированные соответствующим образом матросы и бойцы Красной гвардии, а также ВРК и революционные трибуналы.

На данный момент не обнаружены документальные свидетельства, подтверждающие участие Островской в заседаниях трибунала и тем более вынесение ею приговоров.

В то же время было бы ошибочно полагать, что, являясь заметной фигурой в Севастополе, Надежда Ильинична совсем не была причастной к террору. Хороший пропагандист и оратор, «Нина», наряду с другими прибывшими из Петрограда «посланцами Ленина», виновна в самосудах как минимум косвенно, поскольку во многом благодаря ее рвению разлагавшиеся в условиях тыла матросы и солдаты прониклись идеями пораженчества и классовой ненависти, а после Октябрьского переворота были вовлечены в мясорубку начинающейся Гражданской войны...

Участие в евпаторийском терроре (по крайней мере, в роли организатора) принял и председатель местного комитета РСДРП (б), Жан Миллер¹⁰⁴. По его инициативе и при активном одобрении Демышева и его заместителя, левого эсера Христо-

¹⁰⁴ Миллер (Шепте) Жан Августович (1880–1939). Из крестьян. Родился в Ренненской волости Голдингенского (Кулдингского) уезда Курляндской губернии. Учился в волостной школе. В 14 лет вместе с отцом переехал в Гольдинген, где учился в двухклассном сельском училище. Окончив три отделения в училище, поступил в прибалтийскую учительскую семинарию. Окончив в семинарии два класса, был отчислен отсюда. Поступил на военную службу в Рижский унтер-офицерский батальон. За нарушения дисциплины неоднократно подвергался взысканиям. После окончания двухлетнего курса был отправлен младшим унтер-офицером в 15-й гренадерский полк в Тифлис, а в 1903 г. из Тифлиса был переведен в дисциплинарный батальон в станицу Екатериноградскую Терской области. В сентябре 1905 г. уволен в запас, вернулся на родину в Гольдинген. С 1905 г. социал-демократ. Участник революции 1905–1907 гг.: руководитель вооруженного восстания в Гольдингенском уезде в октябре-декабре 1905 г., затем в «лесных братьях». В январе 1906 г. выехал в Цюрих (Швейцария), где пробыл до мая того же года. По распоряжению ЦК РСДРП в мае 1906 возвращается в Ригу в качестве организатора-агитатора в Рижской военной организации. Делегат Первой (Таммерфорской) конференции боевых и военных организаций РСДРП (декабрь 1906). В начале июня 1907 г. через Англию уехал в США, где пробыл до 1917 г. Работал слесарем по ремонту паровозов. Состоял членом профсоюза Американской федерации труда (АФТ), Социалистической партии Америки и латышской социал-демократической организации. В 1910 г. переехал в Чикаго, где тоже работал в железнодорожных мастерских. В 1914 окончил бухгалтерский курс в Университете Вальпараизо в штате Индиана. После этого работал в конторе экспрессной компании в Чикаго, принимал участие в организации профсоюза конторских служащих. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. В 1917 году по решению ЦК РСДРП (б) послан в Крым на лечение в Евпаторию и одновременно как парторганизатор. Губпарторганизатор, председатель Евпаторийского комитета РСДРП, затем — председатель Симферопольского ревкома, ЦИК Республики Тавриды. После падения ТССР — председатель Тамбовского губкома партии, член ВЦИК РСФСР. Сторонник самого широкого применения террористических мер по отношению к «классовым врагам». В октябре 1919 г. через Туркестан, Афганистан и Индию уехал в Америку. В Индии был задержан английскими властями и пробыл в одиночном заключении в Калькуттской тюрьме 11 месяцев. Благодаря заступничеству жены, жившей в Чикаго, и деятелей американской социалистической партии был освобожден, и ему было разрешено въехать в США. До 1931 г. — в США на различных должностях, состоял в компартии США. После возвращения в СССР в июне 1931 — на хозяйственной работе. Работал в Центральном локомотивно-проектном бюро Коломенского завода переводчиком с английского и бухгалтером. С апреля 1932 г. работал в Москве в НИИ локомотивостроения, заведовал сектором техпропаганды и был секретарем ячейки ВКП (б). В 1933 году — внештатный партследователь. С 1937 г. — персональный пенсионер. Арестован. Приговорен 10 июня 1938 г. к 10 годам лагерей. Умер в заключении. Именем Миллера названы улицы в Симферополе и Евпатории.

фора Кебабчианца (Кебабчанца), зимой 1918 г. в городе неоднократно проводились аресты и расстрелы представителей «буржуазии»¹⁰⁵.

Массовые убийства продолжались и после отплытия кораблей от берегов Евпатории. Расправами на берегу руководил брат сестер Немич, Семен. Бывший прапорщик русской армии, георгиевский кавалер, в процессе установления в городе власти большевиков он принимал активное участие в организации Красной гвардии и стал ее командиром. Являясь одновременно членом военно-революционного комитета, он утверждал, в том числе, списки лиц, которые были намечены к уничтожению.

В этом Немичу помогали председатель следственной комиссии матрос Виктор Груббе (Грубе) и оставшийся в Евпатории севастопольский матрос Федосеенко.

По воспоминаниям А. Сапожникова, *«местом расстрелов стала городская свалка, а в отдельных случаях задержанных выводили на улицу и убивали тут же у дома. Все это происходило ночами, по-видимому, днем даже профессиональным убийцам эта бойня безоружных людей казалась неудобной»*¹⁰⁶.

В ночь на 24 января 1918 г. из евпаторийской тюрьмы были вывезены на автомобилях и расстреляны 9 человек, среди которых граф Николай Клейнмихель, гимназист Евгений Капшевич, офицеры Борис и Алексей Самко, Александр Бржозовский.

Всего зимой 1918 г. в Евпатории, этом относительно небольшом курортном городе, было репрессировано около 1 тыс. жителей¹⁰⁷.

Почти одновременно с террором город захлестнула волна всевозможных национализаций, принудительных мобилизаций и реквизиций. В магазинах и лавках торговцев группы вооруженных людей требовали выдать им интересующие товары, мотивируя это военными нуждами.

Активными сторонниками такого образа действий были недавние организаторы и участники массовых казней на евпаторийском рейде, в частности, матрос Федосеенко.

И здесь сестры Немич в полной мере проявили свой «большевистский характер». Являясь членами исполкома Евпаторийского Совета, сестры принимали деятельное участие в подавлении «враждебно настроенных элементов». Так, Варвара входила в состав военно-революционного штаба — чрезвычайного органа, созданного для борьбы с контрреволюцией. Юлия была комиссаром Совета по социальному обеспечению (удовлетворяя материальные нужды «трудящихся» за счет экспроприаций и контрибуций), Антонина входила в состав т.н. «разгрузочной комиссии» Евпатории, «проводила в жизнь акты против контрреволюционных элементов», в дальнейшем занималась вопросами народного просвещения¹⁰⁸.

Примечательно, что ужасы массового террора в Евпатории зимой 1918 г., пускай и в максимально «приглаженной» форме, запечатлелись в произведениях

¹⁰⁵ Бикова Т. Указ. соч. С. 8-9.

¹⁰⁶ Сапожников А.Л. Указ. соч. С. 205.

¹⁰⁷ Бикова Т. Указ. соч. С. 17.

¹⁰⁸ Соколов Д.В. Памятник на могиле террористов и палачей // Посев, №5 (1616), май 2012. С. 39.

Памятный крест жертвам большевистского террора в Евпатории. Январь 2010

советской художественной прозы (повести Александра Малышкина «Севастополь», романе Ильи Сельвинского «О, юность моя!», повести Михаила Грина «Пламенные сердца»), а их далекие отголоски нашли отражение и в современном российском тюремном фольклоре. Так, в стихотворении, содержащемся в тюремном альбоме одного из воспитанников Можайской воспитательно-трудовой колонии, упоминается некое «судно сталыпин, транспорт-травор», а также «крымский январь и расстрелы»¹⁰⁹.

Однако и до настоящего времени имена организаторов убийств в Евпатории — Немичей, Демышева, Матвеева, Миллера — увековечены в названиях улиц и выгравированы золотыми буквами на памятнике «коммунарам, павшим в борьбе за установление советской власти в Евпатории 1918–1919 гг.», расположенном в центре города в сквере на улице Революции...

Лишь в ноябре 2009 г. в память о жертвах большевистского террора в Евпатории в январе-марте 1918 г. по благословению митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря на территории, примыкающей к храму Святого Ильи, усердием его настоятеля протоиерея Георгия Куницына был установлен памятный крест.

Из всех злодеяний, совершенных в разное время большевиками в Крыму, только преступления в Евпатории зимой 1918 г. были не просто расследованы — виновные в них были привлечены к ответу.

Весной 1918 г. Варвара, Антонина, Семен и Юлия Немичи, В. Матвеев, Н. Демышев и некоторые другие «борцы с буржуазией» были арестованы и заключены

¹⁰⁹ Соколов Д.В. Таврида, огагренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 — мае 1918 г. С. 144; Ефимова Е.С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор. М.: ОГИ, 2004. С. 298.

в тюрьму, где поначалу содержались в «весьма неплохих условиях, включая качественную еду, собственные постели, встречи с посетителями»¹¹⁰.

И только почти год спустя, в марте 1919 г., организаторы массовых убийств в Евпатории были расстреляны белыми.

Завоевание Ялты

Не менее драматично происходило установление советской власти в Ялте. Расположенный на Южном берегу Крыма, этот курортный город был, пожалуй, единственным, где антибольшевистские силы (офицерские дружины, татарские эскадронцы) оказали сторонникам «власти трудящихся» сколь-либо серьезное сопротивление. Военно-революционный комитет здесь был сформирован уже в конце ноября 1917 г. В последних числах декабря члены местной организации РСДРП (б) провели митинг, на котором присутствовало около 500 солдат и рабочих. В принятой резолюции содержались требования немедленного проведения в жизнь декретов Совнаркома, переизбрания городской думы, закрытия «контр-революционной» печати (газеты «Ялтинский голос»). Тогда же был сформирован отряд Красной гвардии численностью в 200 человек¹¹¹.

«Вся социология этих масс, — писал Д. Пасманик, — очень простая: вырезать буржуев и поделить их имущество»¹¹².

Еще до Октябрьского переворота ялтинские левые организовали Союз фронтовиков, ставший прообразом Красной гвардии, а в сентябре 1917 г. по решению Симферопольского Совета арестовали известного магната и общественного деятеля Павла Рябушинского, который лечился в Ялте от туберкулеза, и обыскали царские дворцы с их обитателями.

На большее местные сторонники «углубления революции» не решились, во многом по причине того, что их политические противники располагали довольно значительными (в масштабах города и уезда) вооруженными силами. Поэтому решающую роль в процессе советизации Ялты, как и в соседних городах, сыграли севастопольские матросы.

В ночь на 9 января в ялтинский порт прибыл эсминец «Гаджибей», доставивший на своем борту десант в 200 моряков, большой запас оружия и боеприпасов для местных красногвардейцев. Командовал десантом член Севастопольского ВРК, большевик Карл Зедин.

С помощью черноморцев революционные отряды разоружили офицеров в Массандровских казармах, две комендантские роты солдат, арестовали коменданта, захватили почту и телеграф, обезоружили татар-эскадронцев, охраняв-

¹¹⁰ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 263.

¹¹¹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 541.

¹¹² Цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 274.

ших Ливадийский дворец. К утру 9 января 1918 г. Ялта находилась в руках восстановших¹¹³.

Застигнутые врасплох антибольшевистские силы отступили в пригороды Ялты и закрепились в деревне Дерекоей (ныне — часть Ялты), где вместе с татарским населением сдержали наступление красных. Тем не менее ночью атака матросов вынудила офицеров и эскадронцев отступить к деревне Никита. По данным современников, в этих боях потери обеих сторон составили 150 человек¹¹⁴.

Утром 10 января из Симферополя противникам большевизма пришло подкрепление, и Ялту вновь заняли части Крымского штаба. В течение нескольких дней город неоднократно переходил из рук в руки, являясь ареной ожесточенной борьбы. 11–17 января Ялту и ее окрестности непрерывно обстреливали с моря подошедшие на помощь «Гаджибею» миноносцы «Керчь», «Гневный», «Счастливый». Было выпущено до 700 снарядов. Кроме того, против войск Крымского штаба активно применялась авиация¹¹⁵. Город охватил пожар.

«Пострадали лучшие гостиницы... много частных домов и магазинов. <...> Паника создалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены... На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города»¹¹⁶.

В эти суровые дни многие ялтинцы искали спасения в церкви и обретали его, укрываясь под сводами Александро-Невского храма, где благодаря заботе его настоятеля протоиерея Николая Владимирского получали все необходимое для души и тела.

«Невозможно описать ту скорбь, то страдание, — вспоминал очевидец, — которое переживали люди! Ужас смерти соединил и сделал равными всех. Здоровые и больные, старики и дети, слабые и сильные духом одинаково скрывались, подобно древним христианам, гонимым язычниками, и искали защиты, спасения и утешения в слезах и молитвах, в исповеди и причастии Святых Тайн, ежеминутно готовые принять смерть, они с верою внимали словам отца Николая, спокойно и бесстрашно, как и в мирные дни, <проводившего> богослужение в храме, наполненном беженцами из окружающей собор части города.

Кто побывал в нем в эти дни хоть раз, навсегда запомнит эту скорбную полутьму каменного храма, пол которого был устлан постелями, заставлен креслами с больными, табуретками, столиками, посудой, домашними вещами первой необходимости, рядом с которыми стояли гробы с еще не погребенными трупами. Нам никогда не позабыть <...> этих мучительных ночей, полных ожидания смерти, этих захлебывающихся от кашля и мокроты больных, этих немощных стариков и обессиленных детей, задыхающихся в спертом воздухе переполненного людь-

¹¹³ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 541; Октябрьская революция в Крыму (методическая разработка). С. 15.

¹¹⁴ Королев В.И. Указ. соч. С. 56.

¹¹⁵ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 541; Пащенко В.Н. Расстановка этнонациональных политических сил в Украине и Крыму в период капитализма, революций и Гражданской войны (конец XIX века — 1920 год): Монография. Симферополь: ДИАИПИ, 2010. С. 156.

¹¹⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. — с.275–276

Ялтинский мол. Фотооткрытка 1910-х годов

ми храма, этих покойников, под гробы которых за теснотой собирались живые, завидовавшие мертвым»¹¹⁷.

Но, к сожалению, в то страшное время пастырское слово находило отклик не во всех сердцах. Многие люди, одурманенные революционной демагогией, предпочитали внимать агитаторам, чьи призывы, несомненно, были весьма далеки от христианских идеалов милосердия и добра. 15 января 1918 г. бои за город завершились победой матросов. Оставшиеся в живых офицеры и эскадронцы бежали в горы. А уже 16 января власть в городе перешла к военно-революционному штабу в составе 17 человек — севастопольских матросов, ялтинских красногвардейцев и Севастопольского ВРК. 24 января 1918 г. был образован Ялтинский ревком, который возглавил севастопольский матрос Василий Игнатенко¹¹⁸.

После прекращения боевых действий и перехода власти в руки большевиков ужас вооруженного противоборства сменился кошмаром террора. Первые аресты и расстрелы «контрреволюционеров» сторонники «диктатуры пролетариата» проводили еще в разгар столкновений. Схваченных офицеров доставляли на стоявшие в порту миноносцы, допрашивали, затем выводили на мол и расстреливали.

¹¹⁷ Протоиерей Николай Доненко. Наследники царства. Кн. 2. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 37.

¹¹⁸ Игнатенко Василий Андреевич (1884–1972). Член РСДРП (б) с 1912 г., матрос линкора «Свободная Россия», с осени 1917 г. — его комиссар. Член Севастопольского ВРК, участник установления советской власти в Ялте, председатель Ялтинского ревкома и Совета рабочих и солдатских депутатов. После окончания Гражданской войны — на партийной и юридической работе.

При этом, вспоминал Д. Пасманик, аресты производились по заранее заготовленным спискам, «составленным солдатами из лазаретов и тайным большевистским комитетом, существовавшим уже давно»¹¹⁹.

Очевидица этих ужасных событий, гимназистка Ольга Веригина (в замужестве Можайская), записала в своем дневнике:

*«Матросы стреляли по городу с миноносок, на улицах шла ружейная перестрелка, красноармейцы (правильно — красногвардейцы — Д.С.) ловили офицеров, расстреливали, бросали в море»*¹²⁰.

Живший в то время в Крыму известный политик и общественный деятель, князь Владимир Оболенский¹²¹ приводит в своих воспоминаниях следующие подробности совершаемых большевиками кровавых расправ:

*«...В Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а некоторых живыми. Когда, после прихода немцев, водолазы принялись за вытаскивание трупов из воды, они на дне моря оказались среди стоявших во весь рост уже разлагавшихся мертвецов...»*¹²²

Не всех арестованных доставляли на миноносцы. Некоторых красногвардейцы и матросы убивали прямо на улицах, на глазах у горожан, и тут же грабили трупы. Так погиб прапорщик Петр Савченко, покинувший обстреливаемый орудийным огнем санаторий Александра III, где он находился на излечении. Передвигающегося на костылях молодого офицера лишили жизни за то, что он не смог ответить, куда направились татарские эскадронцы. Жестокие расправы над увечными воинами происходили и непосредственно под сводами больничных палат.

Жертвами «революционного правосудия» стали и многие мирные жители. По данным Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, «достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы

¹¹⁹ Пасманик Д.С. Указ. соч. С. 76.

¹²⁰ Цит. по: Галиченко А.А. «Ялтинский мол» в воспоминаниях князя Г.Л. Дондукова-Изьединова. Комментарий // В поисках утраченного единства: Сборник статей. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 26.

¹²¹ Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950). Из рода Юриковичей. Родился в С.-Петербурге в семье чиновника Министерства финансов. После окончания гимназии (1887) поступил на естественный факультет Петербургского университета, окончил его в 1891 г. В 1892–1893 гг. обучался в Берлинском университете. Участвовал в деятельности марксистских студенческих групп. В 1893 г. поступил на службу в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, участвовал в работе по оказанию помощи голодающим. В 1896–1903 гг. — земский статистик в Смоленске, Пскове, Орле. С 1903 г. член либерально-демократического «Союза освобождения». С того же года проживал в Крыму. В 1903 г. избирается гласным Ялтинского уезда, губернским гласным, членом Таврической земской губернской управы. Член конституционно-демократической (кадетской) партии с момента ее образования (ноябрь 1905 г.); в 1906-м возглавил Таврический губернский комитет партии и ее газету «Жизнь Крыма», созданную им же; депутат I Государственной думы, левый кадет. В конце 1907 г. за подпись под призывавшим к гражданскому неповиновению Выборгским воззванием привлечен к суду, сидел в тюрьме, был лишен избирательных прав и выслан из Крыма на два года. Массон. В 1914–1915 гг. заведовал санитарным отрядом Всероссийского союза городов, с 1915 г. работал в Петроградском комитете Земгора. В 1916–1917 гг. — председатель Петроградского комитета Союза городов. На протяжении 1917 г.: гласный Петроградской городской думы; редактор газеты «Свободный Народ»; участник московского Государственного совещания и Предпарламента; кандидат в члены Учредительного собрания от Псковской губернии. После Октябрьского переворота с декабря 1917 по ноябрь 1920 г. проживал в Крыму, возглавлял губернное земское собрание. С ноября 1920 г. в эмиграции. Жил в Париже, работал в Российском земско-городском комитете помощи русским гражданам за границей. Занимался журналистикой. Автор воспоминаний.

¹²² Оболенский В.А. Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив, №1. Симферополь, 1994. С. 71.

красногвардейцы и матросы немедленно открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты домовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетвовавшись пролитой неповинною кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу»¹²³.

Среди доставленных на миноносцы офицеров оказался и будущий главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и Русской армией барон Петр Врангель. Только благодаря заступничеству его жены Ольги, поразившей и восхитившей членов революционного трибунала своей готовностью до конца разделить участь мужа, Врангель был отпущен на волю.

В развертывание массового террора в Ялте и ее окрестностях вносил свой мощный «вклад» созданный при исполнении Совета «отдел советской разведки», который возглавил присланный из Севастополя матрос В. Драчук.

*«Благодаря бдительности наших разведчиков, — писал в своих воспоминаниях В. Игнатенко, — удалось обезвредить немало гнезд контрреволюции»*¹²⁴.

Всего в результате террора погибло более 200 человек, в том числе и 2 сестры милосердия¹²⁵.

Одновременно с арестами и расстрелами в городе проходили повальные обыски. Под видом поиска спрятанного оружия шел самый беззастенчивый и неприкрытый грабеж.

*«Процедура обращения и посвящения в большевизм, — писал очевидец, — была несложной. Первые должны были вооружаться, а вторые выдавать буржуев и офицеров»*¹²⁶.

Разграблению подверглись гостиницы, частные квартиры, санатории, магазины, лавки, склады. «Экспроприированные» ценности частью передавались в распоряжение местного военно-революционного комитета, частью присваивались красногвардейцами и матросами, а также их добровольными помощниками из числа местных люмпенов. Общая стоимость уничтоженного, испорченного и похищенного имущества в одной только Ялте составила свыше 1 млн рублей¹²⁷.

Был полностью разграблен санаторий Александра III, как отмечено выше, также подвергшийся перед этим массированному орудийному обстрелу с миноносца «Керчь». На просьбу главного врача санатория пощадить больных и раненых, находившихся в нем, с судна пришел ответ:

*«В санатории одни контрреволюционеры, санаторий должен быть уничтожен так, чтобы камня на камне не осталось»*¹²⁸.

Впрочем, эта угроза не была приведена в исполнение. Прекратив обстрел, команда миноносца потребовала от администрации санатория в течение двух часов

¹²³ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 207.

¹²⁴ Игнатенко В.А. Погибаю, но не сдаюсь! // Революцией призванные. Сборник. Симферополь: Таврия, 1977. С. 32.

¹²⁵ Розанова-Свердловская Л.Г. В Ялте и на чужбине. Симферополь: Н. Оріанда, 2011. С. 75.

¹²⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 276.

¹²⁷ Александров К. Указ. соч. С. 38; Красный террор в годы Гражданской войны. С. 207-208.

¹²⁸ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 208.

эвакуировать всех больных. Сразу же после эвакуации персонала и раненых сошедшие на берег красногвардейцы и моряки начали грабежи.

Имущие горожане были обложены денежной контрибуцией в размере 20 млн рублей¹²⁹, за неуплату которой полагался расстрел.

Как написал в своих мемуарах один из активных участников установления советской власти в Ялте, председатель Ялтинского ревкома матрос В. Игнатенко, автором идеи взимания контрибуции выступил бывший руководитель восстания саперов в Киеве в 1905 г. политкаторжанин Борис Жадаковский:

«Товарищи, — говорил он, — у капиталистов существует правило: победивший с побежденного взыскивает аннексии и контрибуции. Так почему же мы как победители не можем так поступить с буржуазией нашего города?»¹³⁰

Членам ревкома и в особенности его председателю это предложение пришлось по душе:

«Подписывая декрет о контрибуции, я подумал: “Вот я, рабочий, токарь по металлу, матрос, обличенный властью народа, посягнул на святыню капиталистического общества — частную собственность”. И ничего, буржуи как миленькие в течение 3 дней на счет ревкома внесли 20 миллионов»¹³¹.

Помимо этого, было сделано распоряжение по всем банкам снять с текущих счетов «буржуазии» все суммы, превышающие 10 тыс. рублей, и перечислить их на текущий счет ревкома, открытый в Народном банке. Проведена была также национализация имений и домов, владельцы которых были отнесены к «эксплуаторским классам». Все это сопровождалось расхищением имущества и конфискацией всех денежных средств, находящихся на руках у владельцев либо размещенных на текущих счетах в банке. Результатами национализации явились полный упадок и полное расстройство культурного хозяйства с убытками, исчисляемыми сотнями тысяч рублей¹³².

«Революционное рвение» Игнатенко отнюдь не исчерпывалось взиманием контрибуций. Красноречива характеристика, данная председателю Ялтинского ревкома (позже — Совета) княгиней Марией Барятинской¹³³, арестованной после установления в городе советской власти и проведенной в заточении более полутора месяцев: «...чудовище, которое имело обыкновение казнить офицеров

В.А. Игнатенко

¹²⁹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 542.

¹³⁰ Игнатенко В.А. Указ. соч. С.31

¹³¹ Указ. соч. С. 31–32.

¹³² Красный террор в годы Гражданской войны. С. 210.

¹³³ Барятинская Мария Владимировна (1851–1937). Родилась в фамильном имении Марьино Курской губернии. Овдовев в первом браке (с лейтенантом Кавалергардского полка Г.П. Извольским), вышла замуж за своего двоюродного брата, князя И.В. Барятинского, морского офицера, служившего одно время на императорской яхте «Штандарт». С начала 1880-х (?) в Крыму. Жила в Ялте. В январе 1918 г. арестована большевиками, заключена в тюрьму. Освобождена. С 1920 г. в эмиграции. Автор воспоминаний. Умерла в США.

P.E. Vagul

своими собственными руками, стреляя в них из своего револьвера»¹³⁴.

В своих воспоминаниях Мария Владимировна пишет о гибели Игнатенко в первую же ночь после оккупации города немцами (в апреле 1918 г.), что, несомненно, ошибочно. Благополучно эвакуировавшись из Крыма, бывший руководитель Ялтинского ревкома прожил насыщенную и долгую жизнь и отошел в мир иной в возрасте 88 лет, окруженный почетом и славой.

Показательно, что насаждая военно-коммунистические порядки, обкладывая имущие слои контрибуцией и реквизируя ценности, «вершители революционного правосудия» сами не отказывали себе в роскоши.

Так, член Гурзуфского ВРК Рудольф Вагул¹³⁵ (в январе 1918 г. — председатель революционного трибунала в Ялте, в мемуарах П.Н. Врангеля ошибочно назван Вакулой) занял комфортабельные трехкомнатные апар-

таменты, где вел исключительно «буржуазный» образ жизни: играл на бильярде по 100 рублей партию, требовал обед из четырех блюд, обязательно со сладким, орал на лакеев, если опаздывали с ванной, пил только коллекционные вина¹³⁶. Подобный образ жизни вели практически все советские функционеры.

Так как накануне и во время описываемых событий зимы 1918 г. в Ялте находились многие видные представители российской дореволюционной элиты (в том числе члены Дома Романовых), литераторы и журналисты, обстоятельства установления в городе власти большевиков достаточно полно запечатлелись в мемуарах и периодике. Помимо упомянутых Д. Пасманика, княгини М. Барятинской, барона П. Врангеля, подробные воспоминания об этом периоде оставили князь Феликс Юсупов, а также известный писатель и поэт Владимир Набоков.

Спустя десятилетия, 17 июля 2006 г., когда Православная Церковь чествовала память святых Царственных мучеников, на набережной Ялты было освящено место для строительства новой часовни в честь Собора Новомучеников и Исповедников Российских. Тремя годами позже строительные работы были законче-

¹³⁴ Барятинская М. Дневник русской княгини в большевистской тюрьме. 1918 г. // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. [Вып. 8] / Сост., предисловия к публ. Лосева Д.А. Феодосия; М.: Коктебель, 2004. С. 99.

¹³⁵ Вагул Рудольф Екабаевич (Альфред Карлович (Яковлевич)) (1884 (1889) — 1918). Уроженец Риги, с 12 лет работал на рижских заводах. Член РСДРП с 1903 г. В 1906 г. отправлен в ссылку за революционную пропаганду. После возвращения из ссылки работал в порту. Организатор и председатель Союза транспортных рабочих. В 1912 г. арестован и вновь выслан. В 1916 г. в связи с эвакуацией промышленных предприятий из Прибалтики переехал в Ростов, где работал в Главных железнодорожных мастерских, параллельно занимался революционной работой. В конце 1917 г. организовал в железнодорожных мастерских отряд Красной гвардии. В декабре 1917 г. прибыл в Севастополь. Член Севастопольского ВРК. Участник установления советской власти в Ялте и на Южном берегу Крыма (январь 1918). Член Гурзуфского ВРК. Комиссар национального имени «Артек». Убит в апреле 1918 г. в горах во время восстания крымских татар.

¹³⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 356.

ны, и 26 сентября 2009 г., в канун великого и спасительного праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, при большом скоплении народа, митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь совершил чин ее освящения. Часовня сооружена в память о погибших и пострадавших в Ялте в годы террора и в ходе Гражданской и Второй мировой войн. Начавшееся в 1918 г. гражданское противостояние реанимировало давние межнациональные распри. На Южном берегу Крыма вооруженное противоборство политических сил в скором времени превратилось в этноконфессиональный конфликт. Известно, что татары в большинстве своем не приняли большевизм и встали на путь вооруженной борьбы с ним, в то время как многие крымские греки не только поддерживали советскую власть, но и активно участвовали в ее «мероприятиях».

Спасаясь от артобстрелов, в январе 1918 г. живущие в окрестностях Ялты татарские семьи вынуждены были оставить родные селения и укрыться в горах. Воспользовавшись этим, присоединившиеся к красногвардейцам ялтинские, балаклавские и аутские (Аутка — в то время село, ныне часть Ялты) греки грабили татарские дома и имущество. Оставшимся татарам угрожали расправой. Как следствие, среди татар резко усилились грекофобские, а среди греков и матросов ЧФ — антитатарские настроения. В дальнейшем этот конфликт станет причиной ужасной трагедии, пережитой греческим населением Южного берега в апреле-мае 1918 г.

Следует отметить, что никогда прежде в Крыму за всю многовековую историю не возникали конфликты на межэтнической и религиозной почве. Народы на полуострове уживались достаточно мирно. Присущие любому мультикультурному региону разногласия между отдельными представителями различных национальностей и вероисповеданий носили преимущественно частный характер и в течение короткого времени быстро локализовывались, не перерастая в масштабную и кровавую фазу. Таким образом, перечень преступлений советской власти в Крыму в первой половине 1918 г. нужно дополнить и разжиганием этнической и религиозной вражды.

**Ялта. Часовня Новомучеников
и Исповедников Российских.
Ноябрь 2011 г. Фото Ю.Г. Пушкаря**

Феодосийские большевики-работорговцы

Кошмаров террора не избежала и Феодосия. 2 января 1918 г. в городе состоялся солдатский митинг, стремительно перешедший в вооруженный мятеж. Был сформирован военно-революционный комитет и организован штаб Красной гвардии

во главе с бывшим прапорщиком, большевиком Иваном Федько. 4 января 1918 г. на помощь восставшим из Севастополя на эсминце «Пронзительный» прибыл отряд матросов под командованием А. Мокроусова. Позже подошли эсминцы «Калиакрия» и «Фидониси», доставившие новый десант.

В городе было введено осадное положение. Изданный в начале января приказ Феодосийского ВРК №3 призывал горожан сообщать обо всех «лицах, ведущих антисоветскую агитацию», и прямо предписывал расстреливать на месте всех «скрытых агентов контрреволюции», ведущих агитацию против советской власти.

Начались аресты и расстрелы офицеров и «буржуазии». Одним из первых эта страшная участь постигла известного феодосийского домовладельца генерал-майора Сергея Шелковникова. Его и еще 6 офицеров арестовали, заключили в тюрьму и через несколько дней расстреляли. Имеются сведения о расстреле в Феодосии в этот период также генерал-майора Николая Яковлева (по другим сведениям — он был убит в Николаеве)¹³⁷. Всего в Феодосии было расстреляно более 60 человек¹³⁸.

Те из обеспеченных горожан, кому посчастливилось уйти от расправы, в середине января были обложены денежной контрибуцией в 5 млн рублей, причем 1 млн предписывалось внести в 48 часов. Выколачиванием средств из представителей имущих слоев занималась специально созданная для этой цели комиссия, также выдававшая мандаты на реквизиции. Впрочем, красногвардейцы и сами не упускали случая поживиться за счет экспроприаций, прекрасно обходясь без ненужных формальностей.

Были разорены многие дачи, разграблена картинная галерея Ивана Айвазовского. Несколько полотен великого художника были исколоты штыками, а некоторые проданы прямо на улице¹³⁹.

Специфической особенностью феодосийского большевизма стала работорговля, которой занимались солдаты частей Кавказского фронта, возвращавшиеся на родину и не признающие никаких властей. Турчанок, например, продавали по цене от 150–200 до 2000 рублей, их всюю раскупали татары. С прибытием новых партий рабынь цена на «живой товар» упала до 20–30 рублей. (Для сравнения: винтовка на базаре стоила 300–400 рублей, за один патрон давали 3 рубля.)

И все же наличие в городе пускай и разложившихся, но все еще боеспособных и не подконтрольных местной власти частей сдерживало стремление радикалов придать феодосийскому террору больший размах.

В захваченном Симферополе

В ночь с 13 на 14 января 1918 г. большевиками был взят Симферополь. Как и в других городах полуострова, установление советской власти в крымской столице ознаменовалось массовыми грабежами, арестами и расстрелами. Уже 14 января красногвардейцами был убит известный симферопольский благотворитель, со-

¹³⁷ Бобков А.А. Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия–Симферополь, 2008. С. 154.

¹³⁸ Кришевский Н. Указ. соч. С. 183

¹³⁹ Бобков А.А. Указ. соч. С. 153.

**Отряд Красной гвардии, принимавший участие в установлении советской власти в Крыму.
1918 г.**

трудник общества «Детская помощь», председатель санитарного попечительства Франц Шнейдер.

«В Симферополе, — писал в своих воспоминаниях князь В. Оболенский, — тюрьма была переполнена и ежедневно из нее вызывали людей на расстрел пачками»¹⁴⁰. Только за одну ночь в городе было расстреляно 100 офицеров и 60 мирных граждан¹⁴¹.

Всего, по данным советского автора Виктора Баранченко, в административном центре губернии *«было убито не менее семисот офицеров»¹⁴².*

Аналогичную цифру — 700 человек — называет и один из активных участников установления советской власти в Крыму, член севастопольской большевистской партийной организации Алексей Платонов¹⁴³.

При этом, свидетельствует Д. Пасманик, жертвами террора становились даже офицеры-инвалиды. Расправлялись с ними так: *«собирали людей группами и приказывали им бежать, а в это время позади бежавших работал пулемет»*. Вскоре волна террора обрушилась и на солдат еврейского батальона, сформированного для защиты еврейского населения от погромов. С приходом большевиков этому батальону была поручена охрана тюрьмы. Однако, увидев, что заключенных расстреливают без суда и следствия, солдаты-евреи попытались этому помешать. Тогда «военно-революционные» власти разоружили батальон, после чего расправились с бунтовщиками. Так погиб один из друзей Д. Пасманика, секретарь Таври-

¹⁴⁰ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 71.

¹⁴¹ Мельгунов С.П. Указ соч. С. 144.

¹⁴² Баранченко В.Е. Гавен. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 83.

¹⁴³ Платонов А.П. Указ. соч. С. 88.

ческой кадетской организации Н.Г. Зайцев, «который отличался необыкновенной добротой, делавший безумно много добра людям самых различных классов»¹⁴⁴.

С особенно тщательным рвением разыскивались и уничтожались чины Крымского штаба. Так, вечером 14 января 1918 г. в районе Карасубазара (ныне — Белогорск) отряд красногвардейцев захватил и немедленно расстрелял 50 офицеров¹⁴⁵, в том числе бывшего начальника штаба Крымских войск, полковника Александра Макухина.

Чтобы стать жертвой расправы, часто достаточно было одного подозрения. Так, 70-летнего старика Масловского красногвардейцы зверски убили на Севастопольском шоссе только за то, что приняли за бомбу найденную у него после шестнадцати обысков металлическую пепельницу в форме полушария¹⁴⁶.

Преследовались и уничтожались и политические противники крайне левых, не принимавшие прямого участия в вооруженной борьбе. Как свидетельствует участник революционных событий в Симферополе в середине января 1918 г. большевик Выговский, *«ряд <активистов антибольшевистских> организаций в тюрьму посадили... Мы многих расстреляли, их и ихние организации разгромили»*¹⁴⁷. Под репрессии попали служащие всех прежних властных учреждений — как существовавших в дофевральский период, так и относительно новых. 17 января Симферопольский ВРК издал декрет за подписью Ж. Миллера, согласно которому татарский Курултай и Совет народных представителей объявлялись распущенными. Вне закона оказались все «контрреволюционные» партии, их печатные органы были закрыты.

Ликвидировалась и прежняя система органов власти. Так, 21 января 1918 г. Симферопольский Совет объявил городскую думу «анакронизмом» и распустил ее. Декретом от 25 февраля Симферопольский ВРК отменил уездное земское собрание и управу как мешающие «на пути широких социальных реформ для устройства новой социалистической жизни города». До конца марта все органы земского самоуправления прекратили существование¹⁴⁸.

Как и в других городах, в Симферополе и его окрестностях имели место убийства священнослужителей. 14 января красногвардейцами был убит настоятель Покровского храма села Саблы (ныне с. Партизанское Симферопольского района) протоиерей Иоанн Угрянский. Издевательски поинтересовавшись у настоятеля, почему у него на лампаде лента зеленая, а не красная, «вершители революционного правосудия» вывели отца Иоанна на церковный двор и расстреляли. Сделав черное дело, убийцы ограбили священника, сняв с еще теплого трупа обручальное золотое кольцо и часы. Но этого палачам показалось мало. Собрав сельских жителей, красногвардейцы запретили под страхом

¹⁴⁴ Пасманик Д.С. Указ. соч. С. 79.

¹⁴⁵ Чикин А.М. Указ. соч. С. 61.

¹⁴⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 284.

¹⁴⁷ Ишин А.В. К 95-летию октябрьской трагедии: опыт первой «большевизации» Крыма // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо», 10 ноября 2012 // <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=8999>

¹⁴⁸ Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 pp.). С. 73.

смерти предавать тело отца Иоанна земле, сказав: «Пусть его собаки съедят». Рискуя жизнью, сельчане нарушили этот запрет и перенесли тело убиенного с места расправы к дому, где оно, слегка присыпанное землей, пролежало в течение двенадцати дней. Только 28 января останки священнослужителя были перевезены в Симферополь и захоронены по христианскому обычаю. В некрологе, напечатанном в «Таврических епархиальных ведомостях», говорилось, что отец Иоанн стал жертвой *«тех темных сил, которые в революционное время обыкновенно направляют свои удары против христианства, Церкви Христовой и ее служителей»*¹⁴⁹.

15 (28) мая 1918 г. в послании Константинопольскому патриарху Герману V «О воздвигнутых на Церковь Божию в России гонениях», перечисляя имена «павших от рук злодеев при исполнении святых своих пастырских обязанностей честных иереев Божиих» Патриарх Московский и всея Руси Тихон упомянул об «*о. Ионе в городе Симферополе, извлеченном из храма Божия, когда он под обстрелом совершал на святом жертвеннике Божественную проскомидию*»¹⁵⁰.

Помимо расстрелов практиковались и более мучительные и жестокие убийства. На симферопольском железнодорожном вокзале, избранном матросами-черноморцами одним из своих главных опорных пунктов, схваченных «контрреволюционеров» забивали до смерти прикладами, кололи штыками. 8 февраля 1918 г. писатель и поэт Иван Бунин записал в своем дневнике: «...Приехал Дерман, критик, — бежал из Симферополя. Там, говорит, “неописуемый ужас”, солдаты и рабочие “ходят прямо по колено в крови”. Какого-то старика-полковника живьем зажали в паровозной топке»¹⁵¹.

Особой непримиримостью к «врагам революции» «прославился» матросский отряд Семена Шмакова¹⁵². Насчитывавший в своем составе около 200 человек, отряд был оставлен в Симферополе в качестве вооруженной силы центрального губернского органа Таврического ЦИКа Советов. Однако С. Шмаков, избранный на общем митинге войск Севастопольского гарнизона «Главкомандующим всеми силами симферопольского фронта», подмял под себя местный ЦИК. Его отряд, заняв лучшее помещение в Симферополе — «Европейскую гостиницу» — занялся

¹⁴⁹ Протоиерей Николай Доненко. Указ. соч. С. 31; Соколов Д.В. Оскудение верой. Таврическая епархия после Октябрьского переворота (октябрь 1917 г. — май 1918 г.) // Первая Крымская, № 226, 30 мая/5 июня 2008.

¹⁵⁰ В годину гнева Божия...: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / Сост. Н.А. Кривошеева. — М.: Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2009. С. 71–72.

¹⁵¹ Бунин И.А. Окаянные дни. СПб: Азбука-классика, 2003. С. 94.

¹⁵² Шмаков Семен Григорьевич. Матрос Черноморского флота. Анархист. Член исполкома Севастопольского Совета (декабрь 1917). С января по март 1918 г. — командир Черноморского партизанского отряда, начальник оперативной части Областного военно-революционного штаба (ОВРШ). В конце февраля 1918 г. короткий период был председателем Симферопольского Совета. Сторонник активного проведения массового террора, ответственен за расстрелы, произведенные в Симферополе в ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. В марте 1918 г. арестован по приказу Ю. Гавена, заключен в тюрьму, где содержался до лета. Освобожден немцами после следствия. Дальнейшая судьба неизвестна.

обысками под предлогом взимания контрибуции с буржуазии, открытым грабежом, развратом и кутежами¹⁵³.

Со шмаковцами быстро нашли общий язык местные люмпены. Совместно с моряками они начали расхищение имущества с имевшихся в симферопольском гарнизоне интендантских складов. В ночь на 24 февраля 1918 г. матросы из отряда Шмакова расстреляли в Симферополе 170 человек¹⁵⁴.

В марте моряки и вовсе вышли из-под контроля, предприняв прямую попытку захвата власти в крымской столице. Угрозами и провокациями они вынуждали Совет избрать С. Шмакова его председателем. И только решительное вмешательство севастопольских ленинцев, пригрозивших разгулявшейся вольнице отправкой карательного отряда, заставило шмаковцев отступить, а затем выехать на фронт в Одессу¹⁵⁵.

Разграблены и осквернены были многие церкви и храмы. Сильному ружейному и пулеметному огню подвергся кафедральный Александро-Невский собор¹⁵⁶. В день взятия Симферополя, 14 января 1918 г., матросы провели обыск у архиепископа Симферопольского Димитрия: *«Все взламывалось и вскрывалось. В архиерейскую церковь бандиты шли с папиросами в зубах, в шапках, штыком прокололи жертвенник и престол. В храме духовного училища взломали жертвенник... Епархиальный свечной завод был разгромлен, вино выпито и вылито. Всего убытка причинено более чем на миллион рублей»*¹⁵⁷.

Как и в других городах, имущее население крымской столицы обкладывалось денежной контрибуцией (в размере 10 млн рублей), а находившиеся в собственности у частных лиц предприятия были национализированы.

Особое внимание «военно-революционные» власти уделяли банкам и хранившимся в них денежным вкладам. 26 января 1918 г. Симферопольский ВРК постановил «ограничить выдачу из банков вкладчикам, не имеющим никаких торгово-промышленных предприятий, не больше 100 руб. в неделю на личные расходы». Владельцам предприятий выдавалась «большая сумма лишь по постановлению торгово-промышленного комитета, представителей союзов торгово-промышленных и банковских служащих и с согласия комиссара банков»¹⁵⁸.

Помимо национализации предприятий, мероприятия режима большевиков включали реквизицию домов «буржуазии». В связи с отделением Церкви от го-

¹⁵³ Елизаров М.А. Левый экстремизм на флоте в период революции 1917 года и Гражданской войны: февраль 1917 — март 1921 гг.: дис... д.и.н.: 07.00.02. СПб, 2007. С. 242.

¹⁵⁴ Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь: Крымгосиздат, 1927. С. 126; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 284; Платонов А.П. Указ. соч. С. 92.

¹⁵⁵ Елизаров М.А. Указ. соч.

¹⁵⁶ Брошеван В.М. Симферополь: белые и темные страницы истории (1918–1945 гг.). Историко-документальный хронологический справочник. Симферополь: ЧП ГУК, 2009. С. 9.

¹⁵⁷ Протоиерей Николай Доненко. Указ. соч.

¹⁵⁸ Волошинов Л.И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. Симферополь: Крымиздат, 1960. С. 112.

сударства был прекращен отпуск средств на содержание культовых сооружений, а с 1 марта 1918 г. — священнослужителей¹⁵⁹.

Керчь: ни капли крови

Единственным крупным крымским городом, избежавшим ужасов массовых казней, стала Керчь. В начале января 1918 г. в керченский порт из Севастополя прибыл военный корабль «Аю-Даг», команда которого находилась под влиянием большевиков. Совместно с прибывшими в город матросами-черноморцами местный партийный комитет РСДРП (б) организовал революционный штаб, начал формирование красногвардейских отрядов. 4 января на пятитысячном митинге была принята резолюция о полном доверии ВЦИК и Совнаркому, признании единственной властью в России Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в лице народных комиссаров. Приветствуя «петроградский революционный пролетариат, революционную армию, Балтийский и Черноморский флот в их стойкой борьбе с калединщиной, корниловщиной и саботажем соглашателей оборонцев», участники митинга постановили образовать революционный комитет из представителей рабочих, солдат, матросов и крестьян и передать всю полноту власти в руки Керченского Совета. В ночь на 6 января 1918 г. красногвардейские отряды практически без сопротивления заняли почту, телеграф, вокзал, тюрьму, здание городской управы. Председателем вновь избранного Совета стал большевик Сергей Шевяков¹⁶⁰.

Однако, несмотря на столь «многообещающее» начало, дальнейшего «углубления революции» не случилось — по причине того, что в числе возглавлявших местную власть оказался политэмигрант-возвращенец Михаил Кристи¹⁶¹, который являлся противником кровопролития.

«Обладая большой волей и характером, — писал Н. Кришевский, — один только Кристи спас Керчь от резни, которую много раз порывались произвести пришедшие матросы с негласного благословения Совдепа, и благодаря Кристи в Керчи не было ни одного случая убийства, и до самого прихода немцев 1-го мая, если все и жили под вечным страхом и ожиданием убийств, то только благодаря Кри-

¹⁵⁹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 85.

¹⁶⁰ Октябрьская революция в Крыму (методическая разработка). С. 14–15.

¹⁶¹ Кристи Михаил Петрович (1875–1956). Профессиональный революционер. В революционном движении с 1893 г., член РСДРП с 1898 г., возобновил членство в 1905 г. С конца 1900 г. проживал в Керчи. Участник революции 1905–1907 гг. 10 августа 1905 г. выступил в городской думе с речью по поводу произошедшего в городе погрома. Тогда же был арестован. В 1906 г. эмигрировал в Швейцарию. После Февральской революции вернулся в Керчь. Делегат Всекрымской меньшевистской конференции (август 1917 г.), выдвигался кандидатом в депутаты Учредительного собрания. В 1920–1930 гг. работал в системе народного образования, научных организациях. В 1928–1937 гг. директор Третьяковской галереи, в 1938–1948 гг. руководитель Московского товарищества художников. Именем Кристи названа улица в Керчи.

сти, сумевшему удержать от этого особенно буйные элементы, в Керчи вовсе не произошло крови»¹⁶².

Во всем остальном Крыму после падения Симферополя «воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей, не поставленных хотя бы и большевистским, но все же — правительством, а выдвинутых толпой, как наиболее жестоких, безжалостных и наглых людей.

Во всех городах лилась кровь, свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж, словом, создавалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа»¹⁶³.

Убийства на экспорт

28–30 января 1918 г. в Севастополе состоялся Чрезвычайный съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Таврической губернии при участии крестьянских депутатов и представителей военно-революционных комитетов. Съезд провозгласил высшим органом «революционной власти» на территории губернии Таврический Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем Таврического ЦИК стал Ж. Миллер, заместителем — Ю. Гавен. Съезд принял решение — неуклонно проводить в жизнь все декреты советской власти.

Замыслы новых правителей не расходились с реализацией. В двадцатых числах января 1918 г. отряды моряков-черноморцев выступили в роли «экспортеров» террора за пределы губернии, в такие крупные украинские города как Одесса и Киев. Так, в составе большевистских частей, 23–26 января 1918 г. принимавших участие в штурме украинской столицы, был и отряд черноморцев, которым командовал матрос-большевик Андрей Полупанов¹⁶⁴. В конце декабря 1917 г. отряд Полупанова отправился из Севастополя на борьбу с атаманом Калединым, но в пути получил телеграмму об оказании помощи «киевским рабочим», «истекающим кровью в неравной борьбе с петлюровскими бандами»¹⁶⁵. Вскоре после захвата города красны-

¹⁶² Кришевский Н. Указ соч. С. 185.

¹⁶³ Там же. С. 184.

¹⁶⁴ Полупанов Андрей Васильевич (1888–1956). Из рабочих. Член РСДРП (б) с 1912 г. Арестовывался за антиправительственную деятельность, три года отбывал наказание в плавучей тюрьме на бывшем корвете «Память Меркурия». Участник Первой мировой войны, матрос Черноморского флота. В январе 1918 г. командовал отрядом моряков, направленным в Киев для борьбы с Центральной Радой. В январе-феврале 1918 г. — военный комендант Киева, затем командир бронепоезда в районе Одессы и Мелитополя. С лета 1918 г. — на Восточном фронте. До февраля 1919 г. командовал 1-й морской тяжелой бронеплощадкой, в марте-сентябре того же года — Днепровской военной флотилией. С ноября 1919 г. — комиссар для особых поручений при командовании Волжско-Каспийской военной флотилией. В феврале 1920 г. командир бронепоезда в Москве, затем группы бронепоездов на Юго-Западном фронте. С конца июля 1920 г. командир отдельной огневой бригады под Каховкой, потом — бронечастей 6-й армии. Награжден орденом Красного знамени (1921). В дальнейшем на хозяйственной и партийной работе. Автор воспоминаний.

¹⁶⁵ Семин Г.И. Указ. соч.

ми Полупанов стал первым военным комендантом города, пробыв на этом посту с января по февраль 1918 г.

В захваченном Киеве красные немедленно начали массовые расстрелы и грабежи, в которых активно участвовали матросы, учиня повальные обыски и жестоко расправляясь с теми, кто был заподозрен ими в «контрреволюции». Жертвами террора стали представители местной интеллигенции, военнослужащие, дворяне, студенты, священники.

Не было пощады и детям¹⁶⁶.

Расстрелы производились в Мариинском парке, на валах Киевской крепости, на откосах Царского сада, в Анатомическом театре, у стен Михайловского монастыря. Перед убийством над обреченными всячески измывались, раздевали донага, кололи штыками. Раненых добивали прикладами.

Практиковались и более изощренные способы казней. По свидетельству работника миссии Красного Креста, доктора Юрия Лодыженского, «на одном из заводов гильотина была заменена механическим молотом, под который товарищи клали головы “врагов революции” и раздавливали их как скорлупу»¹⁶⁷.

В Киево-Печерской Лавре, подвергшейся накануне сильному орудийному, ружейному и пулеметному обстрелу, победители учинили «дикие насилия и варварства».

*«Вооруженные люди, — писал один из очевидцев этих страшных событий, митрополит Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов), — врываются в храмы в шапках на головах и с папиросами в зубах. С криком и площадной бранью производили обыски даже во время богослужения; ругались и кощунствовали над святынями. Монахов-стариков раздевали и разували на дворе, издевались над ними и секли нагайками. Во время обысков происходил повальный грабеж»*¹⁶⁸.

Именно тогда был расстрелян митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Согласно одной из версий, получившей широкое распространение в церковной среде, убийство митрополита 25 января 1918 г. совершили именно леворадикально настроенные матросы (вариант — красногвардейцы, возглавляемые комиссаром, одетым в матросскую форму). Ворвавшись в квартиру митрополита, «вершители революционного правосудия» «отпихнули старика-келейника, пригрозив ему револьвером, — и бросились в спальню. Там они оставались около двух часов. Что в спальне происходило, неизвестно. Потом они вывели владыку Владимира и направились с ним к черному ходу. “Прощай, Иван...” — успел сказать келейнику митрополит. Вывели владыку из Лавры незаметно. У лаврских валов матросы прикончили его — расстреляли в упор... Он лежал полунагой, когда его на-

¹⁶⁶ Вронська Т. Упокорення страхом: сімейне заручництво у каральній практиці радянської влади (1917–1953 рр.): Наукове видання. К.: Темпора, 2013. С. 198.

¹⁶⁷ Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 131.

¹⁶⁸ Митрополит Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов). Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году. По личным воспоминаниям // <http://rusk.ru/st.php?idar=420157>

или. Убийцы сорвали крест, панагию, даже набалдашник с посоха, только шубу не успели унести и бросили тут же...»¹⁶⁹

Таким было первое «знакомство» киевлян с «рабоче-крестьянской» властью. По сведениям Украинского Красного Креста, общее число жертв большевистского террора в Киеве зимой 1918 г. исчисляется в 5 тыс. человек, из них большинство — до 3 тыс. — офицеры¹⁷⁰.

Активное участие некоторых бывших матросов Черноморского флота в расстрелах и казнях отмечено и после очередного захвата Киева красными 5 февраля 1919 г.

Как сообщалось в докладе Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве, одним из помощников коменданта концентрационного лагеря, находящегося в ведении Всеукраинской ЧК, был некто «матрос Тарасенко», любивший делиться воспоминаниями о том, *«как он управлялся в Севастополе с морскими офицерами, а в Екатеринославской губернии с добровольцами»*¹⁷¹. Его рассказы дышали жестокостью. Это был правдивый коммунист, и другие сотрудники ЧК относились к нему с большим уважением»¹⁷².

Овладев Киевом, отряды большевиков отправились наводить «революционный порядок» в Одессе. Установление советской власти в этом приморском городе также сопровождалось массовыми расстрелами и грабежами. В сущности, весь недолгий период нахождения города во власти у красных прошел под знаком террора.

Военная секция Одесского Совета в феврале 1918 г. пугала обывателей: *«...будем вешать и расстреливать всех, кто посмеет задержать дорогу буйному потоку революции»*¹⁷³.

И здесь леворадикально настроенные матросы в полной мере проявили себя, выступив главными инициаторами арестов и казней.

*«Начались дни террора и бесправия, — вспоминал современник, — связанные со страшными названиями «Синоп» и «Алмаз»*¹⁷⁴.

Стоявшие на якоре в одесском порту, эти и другие корабли Черноморского флота (а именно «Ростислав» и «Прут»), были превращены моряками в застенки и места массовых расправ.

На крейсере «Алмаз» происходили заседания революционного трибунала, судившего задержанных в городе офицеров. Здесь же приговоренных казнили,

¹⁶⁹ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1947 // http://krotov.info/acts/20/1910_16/eulo_16.html

¹⁷⁰ Волков С.В. Предисл. к сб. Красный террор глазами очевидцев // Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-пресс, 2009. С. 11.

¹⁷¹ Добровольческая армия — основная ударная сила Белого движения на Юге России. Сформирована на Дону в конце декабря 1917 г. генералами от инфантерии М.В. Алексеевым (1857–1918) и Л.Г. Корниловым (1870–1918). Первоначально комплектовалась на добровольной основе, позднее стала пополняться за счет мобилизаций.

¹⁷² Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста о деятельности Чрезвычайной Комиссии в Киеве // Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-пресс, 2009. С. 51.

¹⁷³ Файтельберг-Бланк В., Савченко В. Трагедия одесской интеллигенции (Одесса 20–50-х годов XX ст.) (по архивам КГБ) // <http://porto-fr.odessa.ua/2000/52/x52-40.htm>

¹⁷⁴ Есаулов Г. Эвакуация Одесского кадетского корпуса на румынскую границу в 1920 году // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003. С. 74.

причем зачастую мучительными и садистскими способами. С целью получения информации о припрятанных ценностях несчастных пытали, обреченных на смерть — разрывали колесами лебедок, живыми кидали в корабельные топки, топили в море. Уже после изгнания большевиков на месте стоянки этих судов водолазами было обнаружено множество останков замученных. К ногам мертвецов были привязаны тяжелые гири, и трупы стояли в воде, как живые.

Общее же число жертв большевистского террора в Одессе в феврале-марте 1918 г. — до 2 тыс. человек, из них около 400 — офицеры¹⁷⁵.

В свете приведенных многочисленных свидетельств и фактов захлестнувшего Таврическую губернию (а позже и соседние регионы) насилия представляет большой интерес то, каким причудливым образом происходившие ужасы преломлялись в сознании современников. Иллюстрацией этому служит заметка под заголовком «Египетские ночи», опубликованная 28 января 1918 г. в газете «Крымский вестник»:

Египетские ночи

*«В моей любви для вас блаженство;
Блаженство можно вам купить...
Внемлите мне: могу равенство
Меж вами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»*

Воплощенный Пушкиным в поэтическую форму рассказ Аврелия Виктора о том, что Клеопатра будто бы предлагала своим обожателям купить ценою жизни ночь своей любви, не лишен, однако, глубокого, внутреннего смысла, если взглянуть на него с точки зрения человеческой и массовой психологии. Внутренний смысл этой исторической легенды, несомненно, в том, что человек в неудержимом своем стремлении к наиболее пылкому и пышному, хотя бы и мимолетному удовлетворению своих желудочно-половых инстинктов готов купить предлагаемые и практикуемые средства для удовлетворения этих стремлений ценою самых высших благ, включая сюда и жизнь. Хоть час — да мой!.. Не надо думать, что эта грубая психология может быть отнесена только к той эпохе, один из эпизодов которой схвачен упомянутой легендой...

Напротив: египетские ночи, так дерзко провозглашенные красивейшей и безнравственнейшей из цариц, практикуются, начиная с той далекой эпохи непрерывно и повсеместно. И увы! эти египетские ночи во всем своем блеске их первобытного величия окружают нас со всех сторон и теперь...

Человек — животное, охваченное чисто сексуальным, сладострастным порывом все испытать, все перечувствовать, конечно, не знает, не может знать даже самого близкого, возможного будущего; для него существует только настоящее,

¹⁷⁵ Елизаров М.А. Указ. соч. С. 247–248.

Бывшее здание Севастопольского тюремного замка (ныне торговый комплекс «Новый бульвар»). В декабре 1917 — феврале 1918 гг. территория тюрьмы дважды становилась ареной бессудных расправ. Июнь 2009

только момент... А ведь момент этот случайно, неожиданно дарит ему целое море грубых, плотских наслаждений...

Перед ним, перед этим человеком-животным лежит вызывающая, соблазнительная порочность, само сладострастие в лице Клеопатры-анархии, и вид этой полуобнаженной, сладострастной вакханки туманит его мозг, парализует волю, заставляет молчать совесть...

Ценою чего бы то ни было готов он купить любовь этой царицы огня и безумия!

И если в эти минуты исступленно-сладострастного и еще неудовлетворенного вожделения, в эти минуты самоослепления и политического маразма этому человеку-животному сказать:

— Прекрасно! Путь одна эта ночь будет твоею; но помни: завтра и жизни и свободе твоей — конец!

То человек-животное, ни минуты не колеблясь, ответит:

— Ладно, хоть час, да мой!

Такова психология разъяренного сладострастника, и вот эта-то психология момента без всякого отношения его к будущему как нельзя более характера для нас, для массы, для нашей печальной эпохи...

Что такое в наше безбожное время весь этот давящий отовсюду кошмар, эта гражданская война, эта анархия, этот нигилизм, этот царствующий повсюду кровавый садизм, эти грабежи и насилия, эта золотая роскошь рядом с нищетой страны и наступающим голодом, этот разврат, эта власть денатурата, это безделье, эти азартные игры, эта возможность безнаказанно применять дикие приемы необузданного злословия и насилия по адресу всех «не согласных с нами», эти вошедшие повсюду в моду дешевые, бессодержательные удовольствия наряду с пустующими народными университетами... Что это такое?!

Что это, как не бесстыдная, сладострастная, полуобнаженная Клеопатра-анархия, которая так легко и уверенно туманит совесть и рассудок человека-животного, готового «купить ценою жизни ночь любви?!»

Но, конечно, эта сатанинская сладострастная любовь Клеопатры-анархии с ее атрибутами не может длиться долго... Только одна ночь! И утро близко... утро, ког-

да неминуемо должна кончиться и сладострастная оргия и свобода тех безумцев, которые ей слепо предавались.

Да! Именно потому, что Клеопатра-анархия слишком сладострастна, слишком соблазнительна для человека-животного, именно поэтому она и ценит свою безумную любовь слишком высоко: ценою жизни, ценою свободы!..

И вот ценою высшего блага, ценою свободы своей человек-животное покупает одну только ночь сатанинских наслаждений! Он прекрасно знает, что утром его ждет казнь, смерть, порабощение, и, тем не менее, с диким восторгом принимает дерзкий вызов соблазнительной жрицы сатанизма...

Таково обаяние современной Клеопатры! И такова психология преступного элемента, заражающего своим печальным примером других, не ведающих, что творят.

Вместе с египетскими ночами наступают и сумерки революции, сумерки цивилизации...»¹⁷⁶

На смену «египетским ночам» в Крым вскоре пришли ночи Варфоломеевские.

Февральская бойня

Январские всплески насилия померкли на фоне страшной трагедии, разыгравшейся в Севастополе в конце февраля 1918 г.

Первые массовые убийства в городе случились еще в декабре 1917 г. После этого волна насилия в городе несколько спала, перекинувшись на соседние города.

На протяжении января 1918 г. в Севастополе сохранялось относительное спокойствие. Парализованное страхом население покорно подчинялось распоряжениям «военно-революционных» властей.

В конце декабря 1917 г. началось переселение солдатских и матросских семей в центр города в дома «буржуазии»¹⁷⁷.

22 декабря 1917 г. исполком Севастопольского Совета постановил обложить имущие классы города контрибуцией в размере 10 млн рублей¹⁷⁸.

Месяц спустя, 22 января 1918 г., объединенное заседание исполкома Севастопольского Совета, исполкома крестьянского совета и представителей военно-революционного штаба постановило срочно взыскать 1 млн рублей. Эту сумму имущие горожане сумели собрать наличными. Остальные 9 млн рублей решено было «взыскать в самый кратчайший срок»¹⁷⁹.

В начале января 1918 г. Севастопольский ВРК и комиссия по охране крепости, флота и города Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов издали приказ, в котором требовали от горожан в течение 24 часов предоставлять в комиссариаты каждого района сведения о приезжающих в Севастополь, «где бы только приезжающий ни остановился: на частной ли квартире или в гостинице». Всякий, кто не исполнил этот приказ и не сообщил в вышеуказанный срок сведе-

¹⁷⁶ Г.И. Египетские ночи // Крымский вестник, №18 (9300), 26 января 1918. (Материал предоставлен В.Н. Кругловым. Текст публикации дан в современной орфографии).

¹⁷⁷ Семин Г.И. Слободка Каторжная и другие // Слава Севастополя, №197 (9640), 6 октября 1956.

¹⁷⁸ Севастополь: Хроника революций и гражданской войны. С. 210.

¹⁷⁹ Указ. соч. С. 235.

ний о пребывающих лицах, расценивался как «способствовавший укрывательству неизвестных» и подлежал военно-революционному суду, а принадлежавшее ему имущество конфисковывалось¹⁸⁰.

Как и в других городах, в Севастополе в ходе проводимых среди горожан обысков осуществлялось изъятие ценных вещей, оружия и продовольствия. Каждый, имеющий в своем распоряжении хотя бы незначительные запасы провизии, мог их лишиться. При этом его могли обвинить в спекуляции.

В условиях всеобщей дороговизны и катастрофического падения уровня жизни реквизиции рассматривались бойцами революционных отрядов как важное средство снабжения.

По-прежнему продолжались аресты заподозренных в «контрреволюции», а учрежденный в декабре 1917 г. суд революционного трибунала рассматривал дела арестованных, порою вынося и оправдательный приговор.

Так, в январе 1918 г. по заявлениям братьев Тургаевых «о реакционном повелении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Девятов, Умеров и военный мулла Замалетдинов, но следствие доказало их невиновность, и 22 марта дело было прекращено. На линкоре «Свободная Россия» на основании слухов арестованы мичманы Баранов и Гоц, однако вскоре освобождены «из-за недостаточности материалов для обвинения в контрреволюционной деятельности». За неявку по тревоге в ночь с 10 на 11 января на эсминце «Лейтенант Шестаков» арестовано четыре офицера, мичманы С. Анненский и П. Крестовоздвиженский были прощены, так как добровольцами отправились с красными отрядами для участия в боевых действиях, а капитан 2-го ранга Г.Ф. Гильдебрант и лейтенант Э.И. Страутинг были уволены «с лишением содержания». 17 января следственная комиссия рассмотрела дело о трех офицерах 33-го пехотного запасного полка по обвинению их в «контрреволюционном мусульманском движении», но признала их невиновными¹⁸¹.

В то же время ни у кого, и прежде всего, у возглавивших местные органы власти функционеров ленинской партии, не возникало сомнений, что насилия, грабежи и убийства в самое ближайшее время возобновятся.

Вспоминая о своем разговоре с председателем Севастопольского Совета, большевиком Николаем Пожаровым, один из бывших членов Совета, Ал. Каппа, писал:

«Когда на другой день после декабрьских ужасов в заседании совета военных и рабочих депутатов я спросил председателя:

— Конеч ли это?

Он сказал:

*— Пока — да. Но вспышки еще будут»*¹⁸².

Последующие события красноречивым образом продемонстрировали, что возглавляющий Севастопольский Совет большевик не ошибся. В двадцатых чис-

¹⁸⁰ ГКУ АГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 7, л. 187.

¹⁸¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 282.

¹⁸² Зарубин А.Г. Севастопольская трагедия. К событиям 22–24 февраля 1918 года // Известия Крымского республиканского краеведческого музея, №11. Симферополь, 1995. С. 52.

лах февраля 1918 г. ужасы расправ повторились, своей жестокостью и размахом шокировав даже самих коммунистов.

Начиная с 20 февраля обстановка в городе стала стремительно накаляться. Около 21 часа 21 февраля 1918 г. на линкоре «Борец за свободу» состоялось собрание судовых комитетов, которое решило «заставить буржуазию опустить голову». Намечен был ряд действий, «вплоть до поголовного истребления буржуазии»¹⁸³.

Одним из катализаторов будущей вспышки насилия стало принятие 21 февраля 1918 г. советским правительством в связи с начавшимся германским наступлением декрета «Социалистическое отечество в опасности!», один из пунктов которого прямо провозглашал:

«Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Наряду с этим в декрете содержался призыв: *«мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. б) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать»*¹⁸⁴.

Данный декрет был передан на места телеграммой, а 22 февраля 1918 г. опубликован в печати («Правда», «Известия ЦИК»). Одновременно 22 февраля из Петрограда в адрес всех совдепов (в т.ч. и Севастопольского Совета) поступила срочная телеграмма за подписью наркомвнудела Григория Петровского с требованием «принять строгие меры наблюдения за контрреволюцией», «всякие попытки сопротивления советской власти беспощадно подавлять»¹⁸⁵.

На исходе 22 февраля в Севастополе на Каменной пристани (находится на западном берегу Южной бухты, ниже бывшего Дворца культуры строителей) собралось более 2500 вооруженных матросов. Разбившись на отряды, черноморцы под лозунгами «Смерть контрреволюции и буржуям!», «Да здравствует Социалистическая Революция!» около 2 часов ночи 23 февраля 1918 г. (по другим данным — уже 22 февраля) вошли в город, где начали массовые обыски, грабежи и убийства.

Одними из первых мученической смертью погибли глава Таврического мусульманского духовного управления и председатель мусульманского комитета, муфтий Челебиджан Челебиев, контр-адмирал Николай Львов, капитан 1-го ранга Федор Карказ, капитан 2-го ранга Иван Цвингман и старший городской севастопольской полиции Синица, содержащиеся в городской тюрьме.

Согласно свидетельству очевидца, морского офицера Владимира Лидзаря, обреченным *«связали руки назад (вязали руки матросы и рабочий плотничной мастерской Севастопольского порта Рогулин)... Их повели... Никто из обречен-*

¹⁸³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 287.

¹⁸⁴ Декреты советской власти. Т.1. 25 октября 1917г. — 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 491.

¹⁸⁵ ГКУ АГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 7, л. 93.

ных не просил пощады у своих палачей... Дорогой до места убийства, в Карантинной балке, как передавал потом рабочий Рогулин, их истязали: больного старика Карказа били прикладами и кулаками и в буквальном смысле слова волокли, т[ак] к[ак] он болел ногами и не мог идти, адмирала Львова дергали за борodu, Синицу кололи итыками и глумились над всеми... Перед расстрелом сняли с них верхнюю одежду и уже расстрелянных, мертвых били по головам камнями и прикладами...»¹⁸⁶

Расправившись с первой «партией» узников, в 4 часа утра матросы возвратились в тюрьму и, грязно ругаясь, вытащили из камер, избивая, полковников Шперлинга и Яновского, прапорщиков Гаврилова и Кальбуса, поручика Доценко, капитана II ранга Вахтина, лейтенанта Прокофьева, мичмана Целицо, севастопольских обывателей Шульмана (пробили голову) и Шварцмана (сломали ребро), инженера Шостака и матроса Блюмберга. Последним двум каким-то чудом удалось бежать. Остальные были убиты¹⁸⁷.

Очевидец вспоминал: «Всем обреченным связали руки, хотя полковники Яновский и Шперлинг просили не вязать им руки: мы не убежим, говорили они... И эти пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих палачей, лишь у мичмана Целицо выкатились две слезинки — мальчик он еще был, вся жизнь у него была впереди, да прапорищик Гаврилов о чем-то объяснялся с бандитами... Их увели, а нам, оставшимся, сказали: мы еще придем за вами... Минут через 15–20 глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов, и все смолкло... Мы ждем своей очереди...

Тускло светит рассвет в переплетенное решеткой тюремное окно... Тихо, тихо кругом... Мы лежим на койках, и глаза наши обращены то к иконам, то на окно, где за окном медленно-медленно приближается рассвет. Губы каждого невнятно шепчут: «Господи, спаси, защити, Ты единственный наш защитник, единственная наша надежда...»

Боже, как медленно, томительно приближается рассвет, минуты кажутся вечностью.

Что пережито было за это время — не в силах описать ни одно перо... Послышались шаги и глухой говор...

Звякнули ключи, провизжал отпираемый замок, и этот звук точно ножом кольнул в сердце... Они? Но нет, это отперли нашу камеру надзиратели. Началась проверка. Мы вышли в коридор. Пустые и мрачные стояли камеры, в которых еще вчера было так оживленно. Казалось, незримый дух убитых витает в них. В соседних камерах уцелело очень мало народу. Мы обнялись, расцеловались, мы плакали... Сколько в эту кошмарную ночь было перебито народу в Севастополе, никто не знает. <...> И неудивительно, если вы встретите севастопольца, преждевременно поседевшего, состарившегося, с расстроеным

¹⁸⁶ Лидзарь В. Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года // Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 — февраль 1918 гг.: Документы и материалы / Сост. Крестьянников В.В., Терещук Н.М. Севастополь: ЧП Арефьев, 2009. С. 123.

¹⁸⁷ Зарубин А.Г. Указ. соч. С. 55–56.

воображением, — никто не ждал этого. Никто не ожидал, что люди могут быть такими зверями...»¹⁸⁸

В ту ночь офицеров убивали по всему городу. Вот как погибли друзья Н. Кришевского, полковник Я.И. Быкадоров. При обыске нашли миниатюру государя работы его жены. Убили на месте.

Полковник В.А. Эртель. Командовал конным полком на Кавказе, приехал на несколько дней в отпуск к семье. Как ни убеждал моряков, что не принадлежит к Севастопольскому гарнизону, все было напрасно. Видя, что смерть неизбежна, попросил завязать глаза.

*«Вот мы тебе их завяжем!..» — сказал один из матросов и штыком выколол несчастному Эртелю глаза... Его убили, и труп три дня валялся на улице, и его не выдавали жене. А Эртель был дивный человек, которого все любили, а солдаты — боготворили...»*¹⁸⁹

Садистский характер расправ подтверждается и официальными документами. Так, в протоколе осмотра одного из мест массовой казни, обнаруженного за Малаховым курганом, дежурный помощник комиссара 5-го участка Севастополя А. Данилов указывал, что лица 2 из 6 найденных трупов были «разбиты до неузнаваемости», а у одного из мертвецов «снят со лба череп»¹⁹⁰.

Известны примеры, когда людей уничтожали целыми семьями. Так, в ночь на 23 февраля «вершители революционного правосудия» расправились с отставным контр-адмиралом Николаем Саксом, одновременно не пощадили его жену Лидию, а также детей: 21-летнюю дочь Ольгу и 15-летнего сына Николая¹⁹¹.

Наряду с офицерами, уничтожались имущие горожане. 23 февраля 1918 г. некоторых из них — тех, кто не успел собрать или не сумел выплатить полностью контрибуцию, — сначала собрали в помещении Севастопольского Совета, откуда затем перевели в Морское собрание. О том, что с этими несчастными случилось в дальнейшем, поведал в своем выступлении на II Общечерноморском съезде матрос Беляев (судя по всему, противник кровопролития):

«Когда все люди были собраны в одной комнате, я посмотрел на них: там были и офицеры, и священники, и так, просто разные, кто попало. Там были совсем старые, больные старики. Половина матросов требовала уничтожить их. Была избрана комиссия, куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. <...> Никто не знал арестованных, ни того, за что их арестовали. Большие стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что офицеры на выборах началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывести из зала. А около 12 час. ночи звонит телефон из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что около больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых. Я обратился снова

¹⁸⁸ Лидзарь В. Указ. соч. С. 123–124.

¹⁸⁹ Кришевский Н. Указ. соч. С. 184.

¹⁹⁰ Варфоломеевские ночи в Севастополе. С. 125.

¹⁹¹ Там же. С. 130–132.

в Совет. <...> Но все меры были бессильны, матросы разбились на отдельные кучки и убивали всех»¹⁹².

Свой вклад в захлестнувшее город насилие вносил заседавший в Морском собрании суд революционного трибунала. Приговаривали к тюремному заключению на срок от одного месяца до 16 лет. И к смерти. Как и внесудебные расправы, приговоры трибунала также подчас исполнялись с садистской жестокостью¹⁹³.

Тела убитых складывали на платформы, бросали в автомобили и свозили на Графскую пристань. Отсюда их погружали на баржу, выводили в море, и там, привязав груз, топили.

Свидетелем этой картины стал о. Феофан Букетов¹⁹⁴ — военно-морской священник, который сам едва избежал расправы.

«Стояло дивное весеннее утро, — годы спустя вспоминал отец Феофан. — На небе — ни облачка. Воды бухты, гладкие, как стекло, ударили в глаза приятной синевой, а горы, окаймлявшие бухту, — белизной. Я радостно вздохнул и оглянулся назад на берег, с которого только что прибыл. Пристань Русского общества пароходства и торговли и его амбары были густо усеяны людьми, мужчинами и женщинами. У женщин на руках были даже дети.

Теперь я увидел возле пристани и баржу. Она была на привязи у портового катера, который дымил. К барже с воем и грохотом продолжали подъезжать автомобили с трупами. Санитары морского госпиталя — те же матросы, только одетые в белые балахоны, — сбрасывали трупы с грузовиков на землю и добивали тех несчастных, которые еще дышали.

Потом волокли их лицом и грудью по гранитной мостовой на баржу и там складывали рядами. Тем, у кого черепа ружейными прикладами были раздроблены (а таких было много), задирали кверху исподнюю рубаху и закрывали ею голову. Почти все трупы были без сапог и верхней одежды. Сапоги и ценную одежду палачи сейчас же после казни снимали и забирали себе...

Когда баржа оказалась сплошь заполненной трупами, катер потащил ее мимо нашего корабля за боны в открытое море. Санитары быстро переходили от одного трупа к другому, надевая на шеи убитых веревочные удавки с тяжелыми кам-

¹⁹² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 289; Крестьянников В.В. Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь–апрель 1918 г.) // Крымский архив, №3. Симферополь, 1997. С. 30–31, 40–41.

¹⁹³ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 434.

¹⁹⁴ Отец Феофан Букетов (1879–1968). Родился в Херсоне. Окончил Одесскую духовную семинарию в 1901 г. В том же году рукоположен в диакона и затем в священника. Направлен на служение в Америку (1902). Служил в различных храмах в США. В 1907 г. организовал православный приход свв. Петра и Павла в г. Монреаль (пров. Квебек, Канада). С 1908 по 1911 гг. первый настоятель храма Преображения Господня в г. Бруклин (Нью-Йорк, США). Благочинный Нью-Йоркского благочиния. Около 1911 г. выехал в Россию и вернулся в США в 1921 г. Служил настоятелем в различных храмах в США. Позднее ключарь (1928), а затем настоятель (1937) кафедрального собора Покрова Пресвятой Богородицы в Нью-Йорке. Редактор журнала «Русско-американский православный вестник» (Russian-American Orthodox Messenger) (1936–1961). Протопресвитер (1949).

нями. За боками баржа остановилась, и санитары принялись сбрасывать трупы в воду»¹⁹⁵.

Всего по городу за две ночи (22/23 и 23/24 февраля) было расстреляно и замучено от 250¹⁹⁶ до 600¹⁹⁷ — 800¹⁹⁸ человек.

Два года спустя, 8 (21) февраля 1920 г. газета «Крымский вестник» писала: *«История Севастополя знает много кровавых событий, но и среди них февральские ночи займут первое место по той бессмысленной кровожадности, которая их сопровождала...»*

Нужно только вспомнить лужи крови на улицах, изуродованные трупы, подвозимые на автомобилях к баржам для погребения, бледных женщин с печатью смертельного отчаяния, мечущихся по улицам... Ведь все это было так недавно, всего два года тому назад.

Мало в Севастополе семей, так или иначе не затронутых февральскими убийствами. Много погибло тогда людей, которые еще долгие годы могли бы приносить пользу родине.

Убийство — всегда преступление. Но эти убийства были дважды преступны, т.к. была пролита кровь ни в чем не повинных, беззащитных людей...

Кто убивал — мы не знаем. Слишком сумбурно и волнующе было то время, чтобы беспристрастное расследование могло найти виновников преступлений, совершенных в те ночи. Мы их не знаем: убивала озверевшая толпа, в которой не было ничего человеческого. Убивала для того... чтобы убивать.

Два года прошло с тех пор... Образы погибших живут в наших сердцах, и мы никогда не забудем тех, кто пал жертвою безумия и ужаса наших дней...»¹⁹⁹

Оргию февральских убийств в Севастополе остановили рабочие. После того как в ходе грабежей, насилий и обысков стали страдать и их семьи, рабочие сформировали отряды самообороны и быстро положили конец чудовищной бойне. Разочаровавшись в политике действующего состава Севастопольского Совета, потворствовавшего самосудам и наводненного преступными элементами, рабочие потребовали его перевыборов.

Массовые расстрелы в феврале-марте 1918 г. прошли и в других городах Крыма. В ночь с 23 на 24 февраля 1918 г. в Симферополе матросы из отряда Шмакова, узнав о событиях в Севастополе, произвели аресты «буржуев». Были расстреляны как «наиболее известные своей контрреволюционной деятельностью», так и своевременно не внесшие контрибуцию лица.

В ночь на 1 марта 1918 г. из Евпатории исчезло около 30–40 человек — в основном зажиточных горожан — и 7–8 офицеров. Все они были схвачены и убиты по заранее составленным спискам. На автомобилях их тайно вывезли за город

¹⁹⁵ Протопресвитер Феофан Букетов. На волосок от смерти // Красный террор на Юге России / Предисл., коммент. Волкова С.В. М.: Айрис-пресс, 2013. С. 36–37.

¹⁹⁶ Бунегин М.Ф. Указ. соч. С. 126.

¹⁹⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 294.

¹⁹⁸ Кришевский Н. Указ. соч. С. 183.

¹⁹⁹ Февральская годовщина // Крымский вестник, №8 / 21 февраля 1920 г. Цит. по: Зарубин А.Г. Указ. соч. С. 59.

и расстреляли на берегу моря. Несмотря на то, что решение о расправе принималось местными властями, было объявлено, что на город совершили нападение анархисты и увезли горожан в неизвестном направлении. Позже, «при раскопке могилы и при осмотре трупов оказалось, что тела убитых были зарыты в песок, в одной общей яме глубиной в один аршин. За небольшим исключением, тела были в одном нижнем белье и без ботинок. На телах в разных местах обнаружены колото-резанные раны. Были тела с отрубленными головами (у татарина помещика Абиля Керим Капары), с отрубленными пальцами (у помещика и общественного деятеля Арона Марковича Сарача), с перерубленным запястьем (у нотариуса Ивана Алексеевича Коптева), с разбитым совершенно черепом и выбитыми зубами (у помещика и благотворителя Эдуарда Ивановича Брауна). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шапками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подтаскивании одного за ноги к общей яме он вскочил и побежал, но свалился заново сажень в двадцати, сраженный новой пулей»²⁰⁰.

«Военно-революционные власти» использовали террор не только как инструмент подавления своих потенциальных, реальных и мнимых противников, но и как своего рода метод «преодоления» экономических трудностей. Позицию режима в данном вопросе весьма красноречиво отражают слова большевика по фамилии Сердце, сказанные им во время выступления на съезде Советов Днепропетровского уезда: «По-моему, средства для борьбы с продовольственной разрухой одни — облавы, реквизиции, конфискации»²⁰¹. В села направлялись вооруженные отряды, производившие изъятие продовольствия и «решительно пресекавшие» любые попытки противодействия путем расстрелов и показательных порок.

Так, в Севастополе 23–24 февраля 1918 г. солдаты городского гарнизона совершили набеги на окрестные села, под угрозой расправы взимая дань с зажиточных крестьян²⁰².

В Феодосийском уезде бесчинства реквизиционных отрядов достигли такой степени, что местные власти были вынуждены применить против них вооруженную силу. Схватив и расстреляв некоторое количество особенно ретивых «экспроприаторов», феодосийские коммунисты признали конфискации «частично необоснованными»²⁰³.

Невзирая на это, изъятие и вывоз продовольствия с территории полуострова по-прежнему продолжались. В последние дни марта и в начале апреля из Крыма почти ежедневно отправлялось 150–200 вагонов пшеницы.

«Таврида, — говорилось в телеграмме комиссара по продовольствию Симферопольского ВРК, отправленной 28 февраля в адрес Московского городского про-

²⁰⁰ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 202–203.

²⁰¹ Королев В.И. Указ. соч. С. 66.

²⁰² Там же. С. 62.

²⁰³ Бобков А.А. Указ. соч. С. 180.

довольственного комитета, — кормит 21 голодающую губернию, десять железных дорог, Москву, Петроград, Финляндию, целый ряд фабрично-заводских районов, население своих городов и Крыма»²⁰⁴.

В течение февраля-апреля 1918 г. за пределы полуострова было вывезено более 3,5 млн пудов хлеба²⁰⁵.

Как и в городах, в сельской местности активно практиковалось взимание контрибуций. Вначале крестьянам приказали сдать все недоимки за последние несколько лет, начиная с дореволюционных времен. Поскольку долги прежней власти в силу обстоятельств военного времени были огромными, а денег, чтобы немедленно оплатить их, у сельского населения не было, по Крыму снова прокатилась волна репрессий.

Столичная газета писала:

*«Крестьянство ко всем этим репрессивным мерам относится крайне отрицательно. Жители находятся под непрекращающимся страхом беспричинного и ничем не оправданного убийства»*²⁰⁶.

И хотя потом большевики признали тогдашнюю свою политику в крымской деревне частично ошибочной, она окончательно оттолкнула от советской власти крестьянские массы, среди которых преобладали татары²⁰⁷, и стала одной из причин восстания против режима в апреле 1918 г.

Агония «первого большевизма». Республика Тавриды

Очередная вспышка насилия в Крыму случилась весной 1918 г. То были последние месяцы существования в регионе военно-коммунистической власти. Ситуация, которая сложилась в стране после подписания Брестского мира, создала серьезную вероятность захвата полуострова войсками кайзеровской Германии. В этих условиях провозглашается создание Таврической советской социалистической республики (ТССР, Республики Тавриды). Было заявлено о принадлежности Черноморского флота провозглашенной республике, избран ее руководящий орган — СНК ТССР, который возглавил присланный из центра политработник — Антон Слуцкий²⁰⁸.

Правительством ТССР предпринимаются лихорадочные попытки наладить работу властных структур, в том числе придать репрессиям плановость и упо-

²⁰⁴ Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. I. (Март 1917 г. — апрель 1918 г.) С. 214.

²⁰⁵ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 31.

²⁰⁶ Королев В.И. Указ. соч. С. 66.

²⁰⁷ Бикова Т. «Червоний терор» в Крыму (1917–1921 рр.). С. 17–18.

²⁰⁸ Слуцкий Антон (Анатолий) Иосифович (Нафтали Григорьевич) (1884–1918). Родился в Варшаве. Член РСДРП с 1905 г. Делегат V съезда РСДРП (1907). Был в эмиграции в Северной Америке, после Февральской революции вернулся в Россию. Работал в большевистской организации Обуховского сталелитейного завода в Петрограде, член Петроградского городского комитета большевиков от Невского района и Исполнительной комиссии Петроградского комитета РСДРП (б), делегат VI съезда РСДРП(б), публиковался в большевистских газетах «Рабочий и Солдат», «Пролетарий», «Рабочий Путь» и др., оратор и лектор (1917). Активный участник Октябрьского переворота. Делегат II Всероссийского съезда Советов, где избран членом ВЦИК, также — член исполкома Петроградского Совета. В марте 1918 г. по заданию ЦК партии большевиков направлен в Крым. 12 марта избран членом Таврического ЦИК. Председатель Совнаркома Республики Тавриды. Расстрелян татарскими эскадронцами под Алуштой вместе с другими членами СНК Республики Тавриды 24 апреля 1918 г.

А.И. Слуцкий

рядоченность. Наркомюст Республики Тавриды утвердил предельно упрощенную систему следствия. Еще в феврале 1918 г. был создан наркомат тюрем. На мартовском губернском съезде Советов приветствовалось, что «комисариат сумел поставить дело так, что тюрьма представляет из себя не место наказания, а место признания своей виновности»²⁰⁹. Таким образом, задолго до сталинских судебных процессов 1930-х гг. признание арестованного объявлялось «царицей всех доказательств», и для его получения негласно разрешалось применять различные методы (включая физическое воздействие).

Стремление Совнаркома новоиспеченной республики обрести монополию на насилие, впрочем, не отменяло радикализма отдельных сторонников «углубления революции».

Так, выступая 12 марта 1918 г. на общем собрании Советов Феодосии, А. Мокроусов призвал *«уничтожить всю буржуазию, не разбирая средств»*²¹⁰. Да и среди высокопоставленных функционеров режима было немало сторонников «решительных мер борьбы с классовыми врагами». Республика Тавриды просуществовала немногим более месяца, но можно сделать вполне определенные выводы о политике ее руководства. Созданное псевдогосударственное образование в представлении его правителей должно было являть собой казарменный военный коммунизм. Де-факто крымские власти продолжили курс, обозначившийся уже в январе 1918 г. Это: национализации (в том числе церковного имущества и земель), конфискации, реквизиции. Разница состояла лишь в том, что Совнарком ТССР пытался проводить указанные мероприятия более организованно.

В числе других характерных направлений деятельности военно-коммунистического режима следует отметить попытки взятия под контроль государства типографий и всей системы распространения прессы. Газеты «контрреволюционных» политических партий, равно как и независимые издания, подлежали закрытию. Вводилась цензура.

Касаясь вопроса о взаимоотношениях режима и Церкви, как до провозглашения ТССР, так и после, будет уместно не только в очередной раз напомнить о фактах террора против священнослужителей в декабре 1917 — январе 1918 г., национализации церковного имущества, грабежах и осквернении храмов, но и процитировать строки следующего обращения архиепископа Димитрия к пастве от 9 апреля 1918 г.:

«Исполняется ровно три месяца с того памятного и страшного для всех нас дня, — говорилось в послании, — когда улицы тихого и мирного нашего Симферополя огласились свистом и жужжанием ружейных пуль и треском пулеметных выстрелов, когда жилища наши дрожали до своих оснований от разрыва пушеч-

²⁰⁹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Красный террор в Крыму: концепция // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура / Материалы республиканской научно-общественной конференции. Симферополь, март 1994. С.32

²¹⁰ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 268.

**Здание, в котором в 1918 г. располагался
Совнарком Республики Тавриды. Август 2013**

ных снарядов и действия ручных бомб, когда земля родная жалобно стонала и обильно орошалась целыми потоками человеческой крови, безжалостно проливаемой братскою рукой. Безутешными рыданиями и горькими воплями наполнялся тогда каждый двор в городе. Многие лишились близких и милых сердцу людей. Одни потеряли своих отцов-кормильцев, другие дорогих детей, третьи горячо любимых мужей, четвертые незабвенных братьев и друзей. Все же были в страхе и трепете за свою жизнь и своих близких и за лишение средств к жизни, потерю насущного хлеба, ибо проливавшие кровь посягали и на имущество, часть присваивая себе, а часть безрассудно истребляя.

В эти ужасные дни мы пытались говорить, но нам не позволяли. Мы являлись к власти имущим, нас выпроваживали с насмешками. Всякая попытка к словесным и письменным

мольбам о пощаде, жалости, милости пресекалась в корне.

Люди, ставшие у кормила правления нашей землей, и те, кои, прикрываясь именем правительства страны, врываются в дома наши и производили вопиющие к небу беззакония, — объявили себя не имеющими ничего общего с Богом, считали себя даже открытыми противниками Христа и Его Церкви. Нам запретили писать что-либо в свое оправдание, когда на наши святые храмы была возведена явно грубая, несуразная и невежественная клевета о стрельбе из пулеметов с наших колоколен.

Мы только могли плакать и взывать к Господу сподобить нас участи наших духовных чад, мученически окончивших свое земное течение»²¹¹.

Неделями ранее в письме Святейшему Патриарху Тихону от 14 марта 1918 г. архиепископ приводил многочисленные примеры насилия и произвола, творимого «народной властью» в отношении духовенства и верующих:

«Одному только Богу ведомо, — писал владыка Димитрий, — что терпим мы здесь в Крыму, ставшем вторым Кронштадтом. Все население держат в страхе, не считаясь решительно ни с чем. Нас, церковных людей, всячески донимают. Захватили и совершенно разорили богатый Корсунский монастырь в Днепровском уезде, ограбили Кизилташскую обитель. Завладели Георгиевским Балаклавским монастырем и отдали его в распоряжение «Союза вечных воинов». В настоящие дни бесцере-

²¹¹ Цит. по: Протоиерей Василий Марущак. Указ. соч. С. 198–199.

монно грабят Херсонесский и Инкерманский монастыри (оба вблизи Севастополя). Консисторское здание объявили собственностью «Таврической республики», и всем чиновникам приказали в течение недели (до 5 апреля) очистить помещения. <...> Что будет дальше, трудно предугадать. Меня пока, милостью Божией, не трогают, не посягают на мой дом, хотя болтают в городе, что садик архиерейский понадобится увечным воинам. <...> Собираются наши православные, выносят резолюции, шлют своих делегатов, а заправили наши, не обращая на это внимания, гнут нам спины и расхищают наше добро, накопленное десятками и сотнями лет»²¹².

Приведенное свидетельство архипастыря, на наш взгляд, исчерпывающе характеризует антихристианскую и богоборческую сущность установившейся в губернии военно-коммунистической власти.

В связи с угрозой германского наступления 26 марта 1918 г. СНК Республики Тавриды принял решение о «революционном призыве» саперов и артиллеристов, а также мобилизации на оборонные работы 2% «буржуазии». На следующий день от имени СНК и Таврического ЦИК была разослана телеграмма, в которой подчеркивалось, что возраст мобилизованных представителей «буржуазии» должен быть от 18 до 30 лет, и направить их нужно в Чонгар. Одобрив эти меры, 28 марта съезд Советов Балаклавы, указал на необходимость привлечения «буржуазии» к рытью окопов без ограничений по возрасту, и не двух процентов, а всех способных к земляным работам. В свою очередь 29 марта Ялтинский Совет предложил мобилизовать «буржуазию» с 18 до 45 лет, но взять на учет всех, высылая мобилизованных по мере требований Совнаркома.

Практическое воплощение подобных инициатив грозило обернуться неминуемой смертью для многих стариков и больных.

Как следствие, в отдельных местностях мобилизационные мероприятия власти вызвали недовольство большинства населения. Так, в Феодосии объявленная Советом мобилизация на фронт всех «буржуев» (без возрастных ограничений, включая учителей и гимназистов) привела к тому, что 18 апреля с акциями протеста выступили профсоюзы металлистов, фабричных и портовых рабочих, сапожников, инвалидов и др. В результате пришлось ее отменить²¹³.

В целом руководство ТССР не уделяло обороне полуострова достаточного внимания. Не осознавая всей серьезности положения, многие высшие советские функционеры наивно полагали, что, не добравшись до Крыма, немецкие части разложатся и остановятся сами либо их остановят на подступах.

Даже когда германские войска уже находились на Перекопе, А. Слуцкий говорил на делегатском собрании черноморцев:

*«Немцы не могут прийти в Крым, ибо мы признаем Брестский договор; если же по какому-либо недоразумению они все же придут сюда, то стоит только показать им Брестский договор и они сейчас же уйдут»*²¹⁴.

Оставляла желать лучшего и боеспособность имеющихся в распоряжении ТССР вооруженных сил. Зарекомендовавшие себя за прошедшие месяцы в роли

²¹² Цит. по: Указ. соч. С. 202–203.

²¹³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 339–340.

²¹⁴ Королев В.И. Указ. соч. С. 67.

убийц и карателей формирования красных не могли эффективно противостоять спаянным дисциплиной войскам неприятеля. Не питало по этому поводу иллюзий и высшее руководство республики. А. Слуцкий так охарактеризовал моральный дух войск, сосредоточенных у Перекопа:

«Армии содержать мы не в состоянии, надвигается денежный крах. Броситься в войну мы не можем, так как армия превратилась в банду мародеров. <...> В Перекопе лошади уводятся из-под плуга, насиляются девушки...»²¹⁵

Объявленная мобилизация в ряды Красной армии также не принесла желаемых результатов. Некоторые отряды, в частности, Евпаторийский, вышли из подчинения и отказались идти на фронт. В связи с этим, 28 марта 1918 г. ЦИК ТССР потребовал от СНК республики «всею силой доверия и поддержки трудящихся, создавших Советскую власть, подавлять всякую попытку превратить социалистическую армию в орудие против Советской власти».

Но, не имея в своем распоряжении ни надежных вооруженных сил, ни широкой народной поддержки, правительство ТССР уже ничего не могло с этим поделать.

Как следствие, наступающие австро-германские войска и союзные им украинские части не встретили на Перекопе серьезного сопротивления, и 18–19 апреля 1918 г. начали продвижение вглубь полуострова.

Военные успехи германцев пробудили к активным действиям местные антибольшевистские силы. То там, то тут происходили антисоветские выступления. Отдельные районы полностью освободились от контроля ревкомов. В двадцатых числах апреля на Южном берегу вспыхнуло восстание крымских татар, которое сами участники называли «народной войной». К восстанию присоединились скрывающиеся в горах офицеры и эскадронцы.

Центром мятежа являлась Алушта, где «организовавшийся в ночь на 22 апреля мусульманский комитет фактически взял власть в свои руки»²¹⁶. Повстанцы разоружили командиров красногвардейских отрядов С. Жилинского и И. Кулешова, арестовали комиссара труда Алуштинского Совета Тимофея Багликова и захватили власть в городе²¹⁷.

Выступления повстанцев также произошли в Феодосии, Судакe, Старом Крыму и Карасубазаре. В последних трех городах восставшим также удалось захватить власть. Председатель Судакского ревкома Суворов был арестован и зверски убит. Вместе с Суворовым повстанцы казнили других руководителей ревкома — Р. Ганца, Егорова и некоторых других ответственных советских работников²¹⁸. Красная гвардия, насчитывавшая до сотни бойцов, разбежалась.

Татары составляли главную, но не единственную силу восстания. Так, в Феодосийском уезде в процессе ликвидации советской власти самое деятельное участие приняли немцы-колонисты, а также «дружины порядка» Крестьянского союза Владиславовской волости. Под командованием скрывавшихся у них офи-

²¹⁵ Бобков А.А. Указ. соч. С. 227–228.

²¹⁶ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 342.

²¹⁷ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 168.

²¹⁸ Бобков А.А. Указ. соч. С. 237–238; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 508.

церов они захватили несколько деревень и колоний и двинулись на Феодосию со стороны Сейтлера (ныне — Нижнегорск). В то же самое время восставшими крестьянами деревень Капсихор (ныне — Морское) и Кутак были убиты 18 матросов, направлявшихся из Алушты в Феодосию²¹⁹.

В Андреевской волости немцы-колонисты колонии Аблеш очистили свое селение от коммунистов и разгромили местный красногвардейский отряд. После этого провели акцию «наведения порядка»: все не успевшие скрыться члены ревкома, их родители и родственники были перепороты шомполами, отец председателя ревкома А.Ф. Минакова, Ф.Т. Минаков, расстрелян²²⁰.

В военных столкновениях на Южном берегу Крыма погибли видные деятели ялтинского большевизма Р. Вагул и Б. Жадановский.

В этих условиях руководство Республики Тавриды думало только о том, чтобы как можно скорее уехать из Крыма.

20 апреля 1918 г. началась поспешная эвакуация советских учреждений из Симферополя. Часть руководящих работников бежала на восток. Ей удалось спастись. Другая часть направилась на юг в надежде перебраться в Новороссийск. Оказавшись в Ялте, эта группа связалась с Алуштой, откуда сообщили, что в городе безопасно. Воодушевленные этим известием, члены ЦИК и Совнаркома Республики, А. Слуцкий, Я. Тарвацкий, С. Новосельский, А. Коляденко, И. Финогенов, И. Семенов, С. Акимочкин и два члена Севастопольского Совета, А. Бейм и Баранов, погрузились в автомобили и двинулись в сторону Феодосии. Но 21 апреля 1918 г. они были схвачены повстанцами и препровождены в Алушту. Во время допросов 22 и 23 апреля 1918 г. арестованные подвергались пыткам и издевательствам, а 24 апреля были расстреляны. В живых остались только тяжелораненные Акимочкин и Семенов²²¹.

Вместе с членами правительства Республики Тавриды татарские повстанцы казнили и руководителей Алуштинского Совета²²².

Не ограничившись убийствами советских работников, татары обрушили месть на христианское население, особенно греческое, с которым отождествляли советскую власть.

Полностью была сожжена греческая деревня Актузой; ее население, включая детей, вырезано. Расправы по национальному признаку происходили на всей территории, охваченной мятежом.

Большевики и их союзники, однако, еще не утратили способность сопротивляться. Наступающих повстанцев остановили пулеметы в районе Массандры. Неудачей также завершилась попытка взятия Ялты. Прибывший в город из Севастополя миноносец «Гаджибей» доставил на своем борту десант моряков-черноморцев, который, включив в свой состав местных красногвардейцев, двинулся на Алушту. 23 апреля 1918 г. в 12 километрах от Ялты восставшие татары были

²¹⁹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 501.

²²⁰ Бобков А.А. Указ. соч. С. 237; История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 411.

²²¹ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 343–344.

²²² Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М.: Политиздат, 1978. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 120.

разбиты. Матросов поддержало греческое население, и по всему Южному берегу прокатилась волна татарских погромов.

Селение Кизилташ (ныне — Краснокаменка Ялтинского горсовета) красногвардейцы и примкнувшие к ним греки вначале обстреляли из пулеметов, затем произвели ряд поджогов. В селении расстреляли 13 жителей. Их трупы были обнаружены в могилах и общих ямах обезображенными, «у некоторых... обрезаны уши и носы, разбиты прикладами головы...»; заметно было, что перед казнью несчастных также избивали камнями²²³.

«В Гурзуфе, — сообщалось в материалах Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, — было убито более 60 стариков-татар, трупы брошены незарытыми на дорогах, улицах, в виноградниках. Родственникам, решившимся разыскивать своих убитых близких, нередко приходилось прекращать поиски из-за угроз красноармейцев. Совершение погребений было опасным, не было пощады даже духовным лицам: в Гурзуфе и Никите были убиты во время погребального богослужения два муллы»²²⁴.

Тем временем подошедший к Алуште «Гаджибей» обрушил на город артиллерийский огонь. На обратном пути обстрелу подверглись прибрежные селения. Попытки татар организовать оборону окончились полным провалом. 24 апреля 1918 г. красногвардейцы заняли город. Разъяренные гибелью своих «соратников по борьбе» (комиссаров Республики Тавриды), сошедшие на берег матросы «рубил без разбора всех попадавшихся им навстречу татар»²²⁵.

По данным Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, в ходе подавления восстания на Южном берегу было убито более 200 мирных жителей, уничтожено имущества на 2 млн 928 тыс. руб. Общий же ущерб, причиненный большевиками татарскому населению Алушты, Кизилташа, Дерекоя, Алупки и ряда более мелких поселков, превысил 8 млн руб. Тысячи жителей оказались нищими²²⁶.

Этноконфессиональный конфликт, впрочем, не завершился и после занятия полуострова немцами. Мстя за убитых сородичей, татары обрушили на греческое население Южного берега Крыма настоящий террор.

«Вечером, — вспоминал о том времени князь В. Оболенский, — мы смотрели на зарева вспыхнувших по всему южному берегу пожаров. Татары мстили греческому населению за кровь убитых братьев. Немало греков было убито в тот вечер, а все их усадьбы разграблены и сожжены. Когда через два дня я уехал в Ялту, то насчитал вдоль шоссе около десятка курящихся еще пожарищ. А по дорогам целой вереницей двигались фуры со всяким скарбом, с заплаканными женщинами и чер-

²²³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 345.

²²⁴ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 212.

²²⁵ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч.

²²⁶ Красный террор в годы Гражданской войны. С. 213.

ноглазыми детьми. Коровы, привязанные сзади за рога, упирались и мычали, овцы пилили и испуганно, прижавшись друг к другу, жалобно блеяли...»²²⁷

Греки фактически изгонялись с Южного берега и части горного Крыма, их имущество грабилось.

Последствия этого этноконфессионального конфликта давали о себе знать еще в начале 1920-х гг. Как сообщал в своем докладе «О положении в Крыму» на имя Сталина и ЦК РКП (б) посетивший полуостров в феврале-марте 1921 г. представитель Наркомнаца РСФСР татарский коммунист Мирсаид Султан-Галиев, греки — сотрудники Особых отделов используют свое положение «в целях сведения личных счетов “национальной вражды” с татарами и турками и путем ложных доносов на них и симуляцией их контрреволюционности добиваются посылки на них карательных отрядов и экспедиций»²²⁸.

Несмотря на относительные успехи, достигнутые в борьбе против татарских повстанцев, режим большевиков доживал свои последние дни. Германское наступление не оставляло красным никаких шансов.

19 апреля 1918 г. немцы захватили Джанкой, 22-го — Симферополь и Евпаторию, 29-го — Керчь, 30-го — Феодосию и Ялту. Только под Севастополем наступающие австро-германские и украинские войска встретили организованное сопротивление. Бои здесь продолжались до конца апреля. Отряды красновардейцев и моряков сдерживали натиск неприятельских войск, и порой довольно успешно. Однако в условиях, когда передовые части германских войск уже заняли Альминскую долину, ни о какой длительной обороне не могло быть и речи. Вопрос стоял лишь о временном сдерживании, пока будет проводиться эвакуация войск и советских учреждений.

В ночь с 29 на 30 апреля 1918 г. под огнем противника часть кораблей Черноморского флота была уведена в Новороссийск. 1 мая 1918 г. германские войска вошли в Севастополь. Советская власть в Крыму пала.

Так бесславно закончилась первая попытка переустройства общественной жизни края согласно военно-коммунистическим принципам. Ее результаты были плачевны. Развал экономики. Остановка промышленности. Разорение сельского хозяйства. Социальная, этническая и межконфессиональная напряженность. Но самое страшное — людские потери. По разным оценкам, общая цифра погибших в Крыму в результате террора и боевых действий в декабре 1917 — мае 1918 гг. составила от 1000²²⁹ до 8000²³⁰ человек.

Ни одну из стоящих перед населением края насущных проблем большевики и их союзники (левые эсеры и анархисты) не только не решили, но усугубили.

Меньше чем за год Черноморский флот утратил боеспособность, необходимую для борьбы с внешним врагом, и из защитника морских рубежей своей Родины превратился в источник трагедий и бед. Принесенных не чужеземцам, но

²²⁷ Оболенский. В.А. Указ. соч. С. 76.

²²⁸ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив, №2. Симферополь, 1996. С. 87.

²²⁹ Королев В.И. Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь: Таврия, 1994. С. 23.

²³⁰ Бобков А.А. Указ. соч. С. 139.

соотечественникам. А вскоре ЧФ, за исключением нескольких кораблей, и вовсе сошел с исторической сцены, затопленный по личному указанию Ленина в Цемесской бухте.

Стальные громады военных судов ушли на дно, но живы были их экипажи. Вкусившие «прелестей» грабежей и убийств, эвакуировавшиеся из Крыма красные части использовали в полной мере приобретенный террористический опыт на новом театре боевых действий и многократно его преумножили. Немало черноморцев и крымских красногвардейцев в ходе Гражданской войны зарекомендовало себя в качестве жестоких и беспощадных карателей, пополнили кадры «чрезвычайки».

Просуществовав сравнительно недолгое время, установившийся в Таврической губернии зимой 1918 г. левозэкстремистский режим на момент своего падения в основном воплотил все присущие ленинскому большевизму специфические черты: запрет на свободную торговлю, подавление свободной печати, национализацию предприятий, конфискации, контрибуции, продразверстку, террор. В короткие сроки эволюционировав от самосудов к относительно упорядоченным формам расправ, революционное насилие использовалось режимом не только как средство подавления и устрашения реальных, потенциальных и мнимых противников, но и как способ управления общественно-экономической жизнью.

Не ограничившись пределами Крыма и материковых уездов, сторонники «углубления революции» силой оружия также распространили свои «передовые идеи» в города Украины и Юга России, доставив их жителям бездну страданий и зла.

Неудивительно, что в трудный для советской власти момент жители полуострова и материковых уездов в подавляющем своем большинстве не оказали режиму серьезной поддержки и встретили наступающих немцев — недавних противников России в Первой мировой войне — как освободителей. Больше того, пережитые ужасы побудили многих крымчан из числа интеллигенции, офицерства, доселе пытавшихся остаться в стороне от потрясений и распрей, — встать на путь активной борьбы с большевизмом, пополнив ряды зарождающейся Белой армии и других антибольшевистских формирований. Ввиду чего Гражданская война принимала все более ожесточенный характер.

Месяцы нахождения Крыма под властью военно-коммунистического режима показывают со всей очевидностью, что применение большевиками массового террора вовсе не было вызвано сопротивлением со стороны их противников, но было обусловлено сущностью красной идеологии с лежащими в ее основе концепциями «классовой борьбы» и «диктатуры пролетариата». Серьезного противодействия ленинцам и их союзникам в Крыму зимой 1918 г. оказано не было. Там, где преступные устремления крайне левых все же встречали вооруженный отпор, сторонники «углубления революции» несли незначительные потери (либо не имели их вовсе). Что, впрочем, никак не влияло на массовость и жестокость расправ.

ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА

Насилие во имя идеи

Вновь красные заняли Крым весной 1919 г. Гражданская война к этому времени приобрела полномасштабный характер. Огромные территории не единожды переходили из одних рук в другие. После ликвидации «первого большевизма» в апреле-мае 1918 г. полуостров почти год находился под властью антисоветских правительств. До ноября 1918 г. край контролировался германскими оккупационными силами; в последующие месяцы — войсками Антанты и Добровольческой армией. Формальными носителями политической власти в Крыму в этот период выступали подконтрольные интервентам (впоследствии — интервентам и белым) первое и второе краевые правительства. Управляя (точнее, пытаясь управлять) общественной жизнью, каждый из этих режимов по-своему выстраивал свои отношения с населением, в том числе и в вопросах применения репрессий. Описывая пребывание Крыма под властью антибольшевистских сил, советские авторы единодушно говорили о «жесточайшем разгуле насилия», карательных экспедициях, грабежах, арестах, расстрелах «трудящихся», происходивших «изо дня в день».

На данный момент очевидно, что эта оценка нуждается в существенных коррективах. Во все времена внутренние конфликты характеризовались большей жестокостью, нежели «регулярные» войны, ведущиеся с внешним врагом. Расправы с политическими противниками, взятие заложников и прочие антигуманные методы в той или иной мере практикуют все враждующие стороны. Особенностью Гражданской войны в России было то, что в вооруженном противостоянии здесь сошлись не просто различные политические силы. Сторонники сохранения государственности (именно государственности, не формы правления), существовавшей до февральско-мартовских/октябрьских потрясений 1917 г., а также мечтающие о построении своей государственности (или обретении широкой автономии в рамках единого государства) национальные силы, — столкнулись лицом к лицу с новорожденной идеократией, отрицающей прежний общественный уклад и традиционные ценности, ставящей своей целью строительство «земшарной республики» (путем осуществления «мировой революции»), рассматривая пространство бывшей империи лишь как «плацдарм вселенского коммунизма».

«Если брандер сгорит, то коммунистам важно только пересечь в последний момент на другой брандер. Это детища катастрофы, бактерии мировой чумы,

*отравители мировых колодцев, сыны погибели, несущие народам позор и рабство. Что им Россия?»*²³¹

Разница в поставленных целях предполагала и разный подход к вопросу о применении насилия. Если у белых (а также сторонников сепаратистских или автономистских национальных движений) акты жестокости носили преимущественно стихийный характер, официально не поощрялись верховным командованием и структурами власти, то с красной стороны террор планомерно и централизованно насаждался самой властью. Больше того, под массовое уничтожение или дискриминацию неугодных режиму советское руководство подводило обширную теоретическую основу. Как следствие, при переходе от «стихийности» к организации физического истребления лиц, отнесенных большевиками к числу их потенциальных, реальных и мнимых врагов, приобретало все больший размах, характеризуясь «сочетанием растущего безразличия к жертве и механистичной массовости»²³².

*«Большевистское насилие, — пишет в своей работе «Красный террор. История сталинизма» немецкий историк Йорг Баберовски, — было направлено не на реальных противников, а против целых социальных групп, которых объявили вне закона: дворян, помещиков, офицеров, священников, казаков, кулаков. При этом для большевиков не имело значения, что эти категории думали сами о себе и как они относились к революции. Враг не знал, что он является врагом, враг существовал только в головах коммунистов. Именно через то большевистский террор стал таким массовым и ужасным»*²³³.

В свете изложенного справедливым представляется мнение эмигрантского историка Сергея Мельгунова о том, что при изучении террористической практики коммунистов в первые послереволюционные годы крайне трудно *«различить то, что может быть отнесено к так называемым “эксцессам” Гражданской войны, к проявлению “революционного порядка”, поддерживаемого отрядами озверелых матросов <...>, от того, что является уже планомерным осуществлением “красного террора”, ибо за наступающими войсковыми частями, творящими зверские расправы с бессильным противником или неповинным населением, всегда идет воинствующая “Че-Ка”*»²³⁴.

На наш взгляд, весьма красноречиво и точно ленинские методы ведения войны на «внутреннем фронте» охарактеризовал один из лидеров российской контрреволюции, генерал А.Деникин:

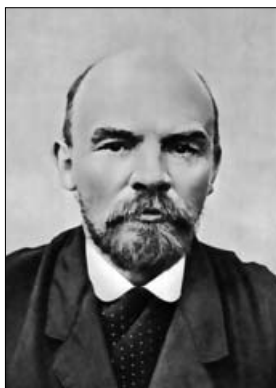
«Большевики с самого начала определили характер гражданской войны: истребление. Советская опрличина убивала и мучила всех не только в силу звериного ожесточения, непосредственно появляющегося во время боя, сколько под влиянием

²³¹ Ильин И.А. О революции // Кризис безбожия. Украинская православная церковь, Полтавская епархия, Спасо-Преображенский Мгарский монастырь, 2005. С. 190–191.

²³² Булдаков В.П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия, №6, 2002. С. 9.

²³³ Баберовскі Й. Червоний терор. Історія сталінізму. К.: К.І.С., 2007. С. 31–32.

²³⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 140.

В.И. Ленин

направляющей сверху руки, возводившей террор в систему и видевшей в нем единственное средство сохранить свое существование и власть над страной»²³⁵.

С Деникиным в полной мере согласен военный теоретик Николай Головин:

«Если подойти к сразу проявленной большевиками жестокости с точки зрения <...>, что большевизм является социальной болезнью, разрушающей человеческую культуру, то признание лидерами большевиков крайнего террора за основной метод утверждения своей власти явится естественным и логически последовательным. Для того чтобы оставаться вождями дичающих толп, Ленин и его сторонники должны были руководствоваться в предпринятом ими кровавом завоевании России правилами первобытных дикарей»²³⁶.

Сами руководители большевистской партии, как уже было сказано, не только не отрицали необходимость массового террора, но всячески развивали его теоретическую основу. Высказывания советских вождей по этому поводу весьма многочисленны. Собранные воедино, они, несомненно, составили бы целую книгу. Приведем только некоторые из них.

Еще в 1895 г., в брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», характеризуя массовые беспорядки рабочих в России в 1885 г., Ленин отмечал, *«какая громадная сила заключается в соединенном протесте рабочих. — Необходимо только позаботиться о том, чтобы эта сила употреблялась сознательнее, чтобы она не тратилась даром, на месть тому или другому отдельному фабриканту или заводчику, на погром той или другой ненавистной фабрики или завода, чтобы вся сила этого возмущения и этой ненависти направлялась против всех фабрикантов, заводчиков вместе, против всего класса фабрикантов и заводчиков, и шла на постоянную, упорную борьбу с ним»²³⁷.* В 1901 г. в статье «С чего начать?» Ленин со всей определенностью заявлял:

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях»²³⁸.

В следующем, 1902 г., в работе «Революционный авантюризм» будущий «вождь мирового пролетариата» писал: *«нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем*

²³⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2, т. 2. Борьба генерала Корнилова; т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М.: Айрис-пресс, 2006.

²³⁶ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 1. С. 335.

²³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т.2. М., 1967. С.25.

²³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5. изд. 5-е. С.7.

работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущее, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым»²³⁹.

«Было бы желательно и с нашей точки зрения необходимо для соглашения, — рассуждал Ленин несколькими годами позже, 1905 г., — чтобы вместо общего призыва к «единичному и массовому террору» задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием массы»²⁴⁰.

В разгар революции 1905 г. Ленин подготовил документ, озаглавленный «Задачи отрядов революционной армии», в котором содержались призывы к убийству «шпионов, полицейских, жандармов, черносотенцев», конфискации правительственных денежных средств²⁴¹.

Месяцы спустя, в апреле 1906 г. Ленин дал собственное определение «диктатуре революционного народа», которая есть «власть народа <...>, не ограниченная никакими законами»:

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть <...> диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ <...>

Хорошо ли, что народ применяет такие незаконные, неупорядоченные, неплановые и несистематические приемы борьбы, как захват свободы, создание новой, формально никем не признанной и революционной власти, применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это — высшее проявление народной борьбы за свободу»²⁴².

Последующие высказывания и мысли большевистского лидера относительно допустимости применения насилия как средства завоевания власти и устранения идейных и политических оппонентов становятся все более откровенными. Анализируя причины поражения революции 1905 г., Ленин заключал:

«В 1905 и 1906 годах крестьяне, собственно, только поугаляли царя и помещиков. А их надо не поугагать, их надо уничтожить, их правительство — царское правительство — надо стереть с лица земли»²⁴³.

Это писалось в 1910 г. А в июне 1917 г., ставя в пример якобинцев — носителей идей революционного экстремизма во Франции в XVIII столетии, расправившихся «уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины», объявивших «врагами народа» тех, кто «способствует замыслам объединенных тиранов, направленным против республики», Ленин называл их «великим образцом действительно революционной борьбы с

²³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 6. С. 386.

²⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 9. М., 1967. С. 280.

²⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11. изд. 5-е. М., 1960. С. 339–343.

²⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 12. М., 1968. С. 320–322.

²⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 19. М., 1968. С. 422.

Л.Д. Троцкий (Бронштейн)

классом эксплуататоров со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки класса трудящихся и угнетенных».

«Пример якобинцев поучителен. Он и по сей час не устарел, только применять его надо к революционному классу XX века, к рабочим и полупролетариям. Враги народа для этого класса в XX веке — не монархи, а помещики и капиталисты как класс. Если бы власть перешла к «якобинцам» XX века, пролетариям и полупролетариям, они объявили бы врагами народа капиталистов, наживающих миллиарды на империалистской войне, *то есть* войне из-за дележа добычи и прибыли капиталистов»²⁴⁴.

После вооруженного захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Ленин приступил в воплощению в жизнь своих теоретических установок. Выступая на заседании ВЦИК 14 декабря 1917 г., лидер большевиков подчеркнул, что нельзя победить *«без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир»*²⁴⁵.

Развивая эту мысль, в статье «Как организовать соревнование?», написанной 24–27 декабря 1917 г., Ленин перечислял формы и способы «практического учета и контроля за богатыми, жуликами и туеядцами», которыми, по его мнению, следовало руководствоваться, чтобы «обезвредить социалистическое общество от паразитов»:

*«В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в туеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы»*²⁴⁶.

По свидетельству соратника Ленина, Льва Троцкого (Бронштейна), после Октябрьского переворота лидер большевиков «при каждом подходящем случае вкочлачивал мысль о неизбежности террора»²⁴⁷.

«Вздор, — повторял он <Ленин — Д.С.>, — как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезвредив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему

²⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 32. М., 1969. С. 306–307.

²⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35. изд. 5-е. М., 1974. С. 172.

²⁴⁶ Там же. С. 204.

²⁴⁷ Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Грифон М, 2005. С. 83

придает значение во время гражданской войны, когда каждая из сторон надеется победить?»²⁴⁸

Взгляды самого Троцкого на революционный террор были не менее откровенны. Уже 29 октября 1917 г. он заявил на заседании Петроградского Совета: *«...в отпоре нашим классовым врагам мы не будем знать никакой пощады»*. 4 декабря 1917 г. в своем выступлении на Крестьянском съезде Троцкий сказал, что *«не осудит народа, который в минуту беспредельного отчаянья, возмущенный саботажем имущих классов, прибегнет к репрессиям и, возможно даже, — к гильотине»*²⁴⁹.

По логике будущего народного комиссара по военным и морским делам (наркомвоенмор), к участию в марксистском революционном преобразовании мира можно было приобщиться только через классовое насилие. Как видно из вышеизложенного, расправы с инакомыслящими Ленин и его окружение планировали задолго до того, как оказались у власти, а после, уже находясь во главе государства, активно способствовали развитию террора в столице и за ее пределами. Расправы над «классовыми врагами» виделись вождям и идеологам большевизма естественным продолжением революции.

Некоторая ограниченность преследований и убийств «врагов народа» в первые месяцы после Октябрьского переворота объясняется вовсе не гуманизмом руководства ленинской партии, а несовершенством советской репрессивной машины, в указанный период находившейся в процессе своего становления.

Теоретические установки лидеров большевизма никогда не шли вразрез с их практическим воплощением. Де-факто проводившийся с октября 1917 г. большевистский террор стал системным и упорядоченным уже весной-летом 1918 г. и был узаконен осенью того же года.

Свидетельств жестокости коммунистов до официального провозглашения красного террора более чем достаточно. Материалы расследований, проводившихся специальными комиссиями белых правительств на территориях, временно освобожденных от власти большевиков, документы Красного Креста, воспоминания современников рисуют картину чудовищного разгула насилия. Факты, приводимые в первой главе книги, четко проясняют вопрос о том, какими методами утверждалась советская власть в конце 1917 — начале 1918 г. в Крыму, городах Украины и Юга России. Подобное происходило везде.

Разница заключалась лишь в местной специфике, наличии или отсутствии сопротивления.

Там, где новому режиму все же оказывали противодействие, сторонники «диктатуры пролетариата» мгновенно «развязывали себе руки». Так было в Крыму; так было в Киеве и Одессе; так было на Дону и Кубани; так было в Центральной России. И если в первые месяцы после Октябрьского переворота классовое насилие по большей части было прерогативой ревкомов, красногвардейских, матросских отрядов и просто распропагандированных в соответствующем духе «борцов», кото-

²⁴⁸ Указ. соч. С. 80

²⁴⁹ Петроградский голос. 5 декабря 1917 // Цит. по: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. С. 406.

Ф.Э. Дзержинский

рые, руководствуясь «революционной сознательностью», производили обыски, конфискации, аресты и расстрелы, — то уже весной 1918 г. главенствующее положение в системе коммунистического террора занимает Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Созданная постановлением Совнаркома от 7 (20) декабря 1917 г., к лету 1918 г. ВЧК имела разветвленную сеть структурных подразделений: уездных и губернских ЧК. На 1-й Всероссийской конференции ЧК, проходившей под председательством главы ВЧК Феликса Дзержинского в июне 1918 г., присутствовало около сотни делегатов, представлявших 43 чрезвычайные комиссии на местах. На тот момент в этих комиссиях работало уже 12 тыс. сотрудников. К концу года их станет 40 тыс., а к началу 1921 г. — 280 тыс.²⁵⁰

Являясь организаторами и исполнителями террора, ведущие деятели ВЧК также заметно «обогатили» его теоретическую основу. Известно следующее высказывание Дзержинского: «ЧК — не суд, ЧК — *защита революции*, как Красная Армия, и как Красная Армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном — о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных»²⁵¹.

Но, безусловно, самую большую известность приобрели многочисленные высказывания ближайшего соратника «железного Феликса», Мартына Лациса (Судрабса). Активный участник революционного движения, этот несостоявшийся педагог стал первым официальным историографом ВЧК и одним из ведущих идеологов классового насилия.

«Капиталистическая война, — писал Лацис, — имеет свои законы в разных конвенциях. Но подойдите к нашей гражданской войне, вы ничего подобного не увидите. Вы станете смешным, применяя или требуя применения этих законов, считавшихся когда-то священными... Вырезать всех раненых в боях против тебя: вот закон гражданской

М.А. Лацис
(Судрабс)

²⁵⁰ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. М.: Три века истории, 2001. С. 91.

²⁵¹ Цит. по: Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 124.

войны... В гражданской войне для противника нет судов... Бей, чтобы не быть побитым»²⁵².

Спустя около двух месяцев после придания террору официального статуса, 1 ноября 1918 г., Лацис попытался обосновать необходимость массовой ликвидации «буржуазии»:

«В нас уже нет жалости к ним (врагам советской власти — Д.С.). Мы железною метлою выметем всю нечисть из Советской России. Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс.

<...>

Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора»²⁵³.

Своей откровенностью это высказывание вызвало некоторое неудовольствие Ленина. Как вспоминал по этому поводу Лацис, «Владимир Ильич напомнил мне, что наша задача отнюдь не состоит в физическом уничтожении буржуазии, а в ликвидации тех причин, которые порождают буржуазию. Когда я ему разъяснил, что мои действия точно соответствуют его директивам и что в статье мною просто допущено неосторожное выражение, он задержал свою статью, намеченную для отпечатывания в “Правде”»²⁵⁴.

Отметим, что ленинскую статью, критиковавшую Лациса, впервые опубликовали только в 1926 г., когда затрагиваемые «вождем мирового пролетариата» вопросы уже потеряли свою актуальность. Никаких реальных последствий замечания Ленина как лично для Лациса, так и для многочисленных арестованных представителей «эксплуататорских классов» не возымели. Больше того, де-факто сформулированные Лацисом принципы массового террора неукоснительно проводились чекистами на протяжении всей Гражданской войны. Сам Мартын Янович был переведен на должность начальника секретно-оперативного отдела, а впоследствии стал во главе Всеукраинской ЧК (ВУЧК), где также «отличился» неслыханными зверствами и насилием, выступив одновременно в роли организатора массовых арестов и казней, и как палач-теоретик.

В целом генезис коммунистического террора в масштабе страны представляет собой слишком обширную тему. Отметим только, что к моменту очередного завладения Крымом красные представляли собой организованную сплоченную силу, обладали огромным карательно-террористическим опытом, а также имели в своем распоряжении мощнейший аппарат подавления.

Иначе было у белых. Командование Добровольческой армии, высокопоставленные чиновники антибольшевистских (в данном случае — крымских краевых и последующих) правительств, никогда не провозглашали своей задачей уничто-

²⁵² Цит. по.: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 334.

²⁵³ Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте, №1, 1 ноября 1918. С. 2.

²⁵⁴ Цит. по.: Литвин А.Л. Указ. соч. С. 125.

жение целых общественных групп. Попавшие в руки белогвардейцев и интервентов советские функционеры репрессировались именно как террористы, за конкретные преступления.

Бессудные расправы происходили на почве мести (за вырезанные семьи, убитых товарищей) или озлобленности.

Разумеется, жертвами такого образа действий нередко становились случайные люди.

Особенное недовольство местного, преимущественно сельского, населения вызывали проводимые белыми реквизиции и принудительные мобилизации, сопровождавшиеся широким применением карательных мер. Сложными были и взаимоотношения добровольцев с рабочими. Тяготы войны, экономические проблемы ложились непосильным грузом на промышленность края. Темпы производства стремительно падали. Предприятия закрывались одно за другим, росла безработица. Как следствие, в условиях тотального обнищания рабочие требовали от властей и заводоладельцев своевременной выплаты им жалования, для чего устраивали забастовки и стачки. Это раздражало добровольцев. Нередкими были случаи вооруженного разгона бастующих, аресты и расправы над профсоюзными активистами.

Тем не менее насилия и бесчинства со стороны белых были скорее самоуправством отдельных военачальников, офицеров, солдат и армейских подразделений, и так и не стали системой. Нельзя не отметить также, что многие протестные выступления в период пребывания Крыма под властью антибольшевистских правительств во многом инспирировались советским подпольем, проводившим диверсии на военных объектах, практиковавшим индивидуальный террор, занимавшимся активной агитационной и пропагандистской работой среди населения.

Вот один из образчиков такой агитации:

«Слетают одна за другой короны мироедов, — вещал самиздатовский журнал «Крымский коммунист» (№2 от 14 ноября 1918 г.). — Трещат подпорки старого капиталистического здания. Еще один напор и снесем до основания старый кровавый мир! Страшный вихрь кружится над головами кровожадных буржуев, десятки и сотни лет сосавших кровь рабочих и крестьян. Европейский пролетариат довершает начатое нами великое дело освобождения. Вперед, товарищи! На бой! Вперед к заветной цели, к светлому дому, к счастью и коммунизму! Вперед! Час победы близок! К оружию!»²⁵⁵

Так было в городах. Что же касается сельской местности, лесных и горных районов, то здесь хозяйничали отряды «красно-зеленых» — коммунистические партизанские формирования и разные уголовные банды. И те, и другие наводили ужас на обывателей, грабили помещичьи имения и монастыри. Так, 14 января 1919 г. «зеленые» ограбили Топловскую обитель. Ворвавшись в игуменские покои, бандиты учинили в них обыск. Угрожая оружием, потребовали от сестры-казначей Сергии отдать им монастырскую кассу. Ценности искали повсюду: у послушниц, в больничной церкви, в других помещениях. У стариков-священников от-

²⁵⁵ Цит. по: Ишин А.В. Трагические страницы третьего большевизма // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо», 10 декабря 2012 // <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9137>

няли два настольных распятия, у проживавшей во флигеле престарелой графини Татищевой забрали четыре золотых кольца. Также грабителями были похищены монастырские святыни — Казанская икона Богородицы и серебряный ларец с частицами мощей²⁵⁶. Подобные случаи не были единичными.

Естественно, что в сложившейся обстановке добровольцам также приходилось прибегать к решительным мерам.

Дабы навсегда закрыть вопрос о соотношении репрессивности коммунистов и их противников в годы Гражданской войны, отметим, что согласно подсчетам, произведенным крымским историком Владимиром Брошеваном (к слову, совсем не симпатизирующим белым) на основании разрозненных и отрывочных архивных свидетельств, количество жителей полуострова, репрессированных антибольшевистскими силами в 1918–1920 гг. составило 1428 человек, из них только 281 приговорены к смертной казни²⁵⁷. Понятно, что приведенные цифры в какой-то мере занижены (тот же В. Брошеван в одной из своих поздних работ без ссылок на какие-либо источники пишет о 4800 погибших (вероятно, казненных не только по приговорам военно-полевых судов, но и расстрелянных в боевой обстановке) и 9399 арестованных, из которых наибольшее количество жертв приходится на Керчь и 1919 г.²⁵⁸), однако они не идут ни в какое сравнение с количеством убитых большевиками в Крыму во время красного террора.

Каждая капля безвинно пролитой добровольцами крови пятнала знамя, дискредитировала саму сущность белой борьбы. И все же, при всех своих «черных страницах», слабостях и пороках, Белое движение являло собой преемственную с исторической Россией, здоровую, национальную силу, в условиях революционной катастрофы ставящую своей целью возрождение российской государственности.

Соответственным было отношение белых властей к Русской Православной Церкви. В отличие от «диктатуры пролетариата», с самых первых дней после Октябрьского переворота продемонстрировавшей со всей очевидностью свое богоробчество, в идеологии Белого движения Православию отводилась ведущая роль. На территориях, свободных от большевизма, кипела церковная жизнь. Наполнялись прихожанами храмы, устраивались многочисленные крестные ходы, с большим духовным подъемом проходили молебны о даровании побед «Христолюбивому Белому воинству». Обсуждались многочисленные проекты преобразований приходской жизни. В районах, освобожденных от власти большевиков, восстанавливался прежний порядок богослужений. Церкви возвращались национализированные и конфискованные земли, имущество.

Немало священнослужителей принимали активное участие в антибольшевистском сопротивлении, выступали с воззваниями и проповедями, духовно окормляли войска. При этом, осознавая сущность конфликта, его духовную природу, церковные иерархи, включая Святейшего Патриарха, неоднократно выступали с призывами проявить «милосердие к падшим». И надо сказать, командова-

²⁵⁶ Соколов Д.В. Оскудение верой. Таврическая епархия в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.) // Первая Крымская, №227, 6 июня /12 июня 2008.

²⁵⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 542.

²⁵⁸ Брошеван В.М. Указ. соч. С. 43.

ние белых армий, антибольшевистские правительства не оставались глухи к этим призывам.

Известен приказ генерала Деникина о «смягчении участи впадших в преступление», кто совершил «великий грех перед святой Церковью и Родиной, но совершил его по недоразумению». Стоит заметить, что подобные «смягчения наказаний», вплоть до амнистии, официально объявлялись белыми правительствами 5 раз в течение 1919–1922 гг.²⁵⁹

Знаковым событием в церковной жизни белого Крыма стали проводившиеся осенью 1920 г. «дни покаяния». В течение трех суток — 12, 13 и 14 сентября 1920 г. — в храмах и церквях Таврической епархии денно и ночно совершалось молитвенное поминовение «убиенных и в смуте погибших». Армию и народ призывали осознать свои грехи, пороки и заблуждения, принять постигшие страну несчастья и беды как результат забвения Бога, Его святых заповедей. В эти дни запрещались всякие развлечения и увеселительные мероприятия.

Но Божественный промысел над Россией и Крымом оказался иным. Вместо возрождения порушенной государственности, нравственного и духовного очищения, народам бывшей империи предстояло пройти через десятилетия воинствующего безбожия, зла и страданий.

В мартовские дни 1919 г. над Крымом нависла тень новой угрозы. Военные неудачи белых на фронте и тяжелая обстановка в тылу привели к тому, что в последние числа марта советские войска вышли к Перекопу и овладели им 4 апреля 1919 г.

Получив известие о прорыве перекопских позиций, 6 апреля 1919 г. правительство края объявило на территории полуострова военное положение, а на следующий день почти в полном составе перебралось из Симферополя в Севастополь. Среди имущих слоев населения началась страшная паника.

Газеты писали: *«Творилось нечто невероятное. Нанимали автомобили, экипажи, линейки, дроги. Платили безумные деньги, лишь бы уехать и скрыться там, куда уехало правительство. Паника не ограничилась Симферополем: она перебралась в Евпаторию, и оттуда на яликах, лайбах поплыли беженцы все в тот же Севастополь...»*²⁶⁰

11 апреля 1919 г. красные были уже в Симферополе и в Евпатории. 13 апреля, овладев Ялтой и Бахчисараем, части 1-й Заднепровской советской стрелковой дивизии вышли к Севастополю. 17 апреля 1919 г. передовые силы красных заняли Малахов курган. А 19 апреля на кораблях французской эскадры, стоявших на севастопольском рейде, матросы отказались выполнять распоряжения командования. На следующий день на нескольких французских боевых кораблях были подняты красные флаги. Часть экипажей этих судов сошла на берег и приняла участие в совместной демонстрации с севастопольскими рабочими. В ходе демонстрации открыто звучали большевистские лозунги, которые провозглашали в своих выступлениях вышедшие из подполья члены местного комитета РКП (б). Чтобы прекра-

²⁵⁹ Цветков В.Ж. Церковь и власть в годы «Русской смуты» (отношение Святейшего Патриарха Тихона к антибольшевистскому движению в 1917–1920 гг.) // Белая гвардия, №10, 2008. С. 17.

²⁶⁰ История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). Симферополь: Атлас-компакт, 2007. С. 307.

Вступление красных войск в Севастополь. Май 1919

тить эту акцию, командование интервенционистских войск применило вооруженную силу. Одновременно были начаты переговоры с представителями советского командования о сдаче города, и 21 апреля было объявлено, что силы Антанты покидают Севастополь.

К 1 мая красные заняли город. За исключением Керченского полуострова, который сохранили за собой белые, Крым вновь стал советским.

Крым вновь большевистский. КССР

Очередной период пребывания полуострова под властью большевиков продлился всего 75 дней. Тем не менее за это время сторонники «диктатуры пролетариата» сумели продемонстрировать населению, какими методами и средствами будут проведены в жизнь провозглашенные ими задачи и цели.

Сразу после прихода красных войск в Крым была образована Таврическая губЧК, которая работала в Симферополе. Кроме нее, на территории полуострова действовали 6 прифронтовых ЧК и несколько особых отделов²⁶¹. А уже 14 апреля (т.е. спустя всего 3 дня после вступления красных войск в Симферополь) была образована Крымская республиканская комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем на полуострове (КрымЧК)²⁶². Одновременно были созданы городские и уездные ЧК. Как и в других регионах страны, контролируемых большевиками, в задачи крымских чекистов входила ликвидация «кон-

²⁶¹ Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ-РСФСР. 1917–1923. Монография. М.: ВивидАрт, 2011. С. 845.

²⁶² Брошеван В.М. Указ. соч. С. 24.

трреволюционных заговоров», они должны были обеспечить выполнение распоряжений советских органов власти, «не останавливаясь перед применением насилия»²⁶³.

15 апреля 1919 г. на заседании коллегии Таврической губЧК крымские чекисты распределили между собой основные обязанности, а также обратились к Симферопольскому ревкому с просьбой выдать в распоряжение ЧК 20 тыс. рублей для расходов на укомплектование штата. Тогда же было принято решение о формировании при ЧК отряда в 60 человек, набранных только по рекомендации профессиональных и политических организаций, а также членов коллегии ЧК²⁶⁴.

Кроме ЧК и особых отделов, карательные функции осуществляли военные коменданты.

Так, в приказе коменданта Севастополя от 15 мая 1919 г. говорилось:

«По имеющимся у меня сведениям, у нижепоименованных в списке лиц имеется оружие. Приказываю немедленно, в течение 24 часов со дня опубликования сего, сдать таковое мне в управление. Не исполнившие его (приказ — Д.С.) будут расстреляны»²⁶⁵.

Ликвидируются созданные Крымским краевым правительством административный аппарат и органы власти. Вместо них создаются «чрезвычайные органы диктатуры пролетариата» — ревкомы. Вначале их состав был многопартийным, но вскоре коммунисты вытеснили своих конкурентов из властных структур и заняли в них доминирующее положение. Как и в 1918 г., меньшевистские политические партии оказываются под запретом. Единственной партией меньшевистской направленности, которой позволили принять участие в советском строительстве, была национальная татарская партия «Милли-Фирка», осуждавшая белых и на данном этапе лояльно относившаяся к коммунистической власти. Партия получила официальное разрешение на легализацию и выпуск собственной газеты «Ени-Дюнья» («Новый мир»)²⁶⁶.

Большевики сделали выводы из своих ошибок в национальном вопросе, допущенных зимой-весной 1918 г. Теперь татарское население активно привлекалось к сотрудничеству. Пятеро крымских татар вошли в состав Совнаркома (СНК) Крымской советской социалистической республики (КССР), провозглашенной в мае 1919 г., и заняли должности комиссаров юстиции, внутренних дел, иностранных дел, образования и управляющего делами СНК. Документы правительства, ревкомов и КрымЧК угрожали применением разных кар за «призывы и выступления против отдельных наций», вплоть до расстрела²⁶⁷. Крымскотатарский язык на-

²⁶³ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.) — Симферополь, Крымиздат, 1957. С. 171.

²⁶⁴ Ишин А.В. Государственное строительство в Крыму периода «второго большевизма» (1919 год) // Таврійські студії №3, 2012 // http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/tavst/2012_3/pdf/9.pdf

²⁶⁵ Скоркин К.В. Указ. соч. С. 845–846.

²⁶⁶ Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). С. 102.

²⁶⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 508.

ряду с русским признавался государственным. Также имели место попытки привлечения татар на службу в Красную армию.

В остальном деятельность руководства КССР дублировала опыт Республики Тавриды, осуществляя социальные преобразования в духе казарменного «военного коммунизма». Имушие слои населения обкладывались денежной контрибуцией. Вначале ее общая сумма составляла 5 (по другим данным — 10^{268}) млн рублей, затем ее увеличили до 12 млн²⁶⁹. Кроме того, «буржуазию» обязали выплачивать чрезвычайный налог; вводилась трудовая повинность. Так, согласно постановлению Севастопольского ревкома от 3 мая 1919 г., «спекулянты и буржуазные элементы» были обязаны выплатить в срок до 13 мая чрезвычайный налог в размере 10 млн рублей. 5 млн должны были внести спекулянты; 3 млн — торгово-промышленный класс; 1 млн — домовладельцы и 1 млн — владельцы садовых и земельных участков. Так как за столь короткое время данная сумма не была собрана, ревком принял решение арестовать всю комиссию по обложению, а также всех недоимщиков до полного поступления налога²⁷⁰.

Национализировались банки, кредитные учреждения, промышленные предприятия, железнодорожный и водный транспорт, флот, монастырские хозяйства, курорты. В сельской местности национализировались хозяйства зажиточных крестьян. Имущество эмигрантов подлежало конфискации. Взымались банковские сейфы, вклады частных лиц переходили в доход государства.

Широкое распространение получила принудительная мобилизация «буржуазии», вне зависимости от состояния здоровья, пола и возраста, на проведение работ «для помощи фронту»: строительство земляных укреплений, рытье траншей и окопов. Для поддержания «трудовой дисциплины» при этом нередко применялись телесные наказания. С целью заполучить в свое распоряжение и в необходимом количестве рабочие руки, власти устраивали облавы. Поэтому, чтобы попасть в число отбывающих трудовую повинность, достаточно было просто случайно оказаться в неподходящем месте и в неподходящее время.

Обеспечение Красной армии всем необходимым провозглашалось приоритетной задачей. В связи с этим ни о какой созидательной работе, налаживании производства, повышении качества жизни не могло быть и речи. О чем, между прочим, открыто писала советская пресса.

«Нам некогда думать о мирном строительстве, — сообщала своим читателям 20 мая 1919 г. газета «Таврический коммунист». — Все силы сверхчеловечно напряжены для войны...»²⁷¹

Население было вынуждено снова кормить многочисленные армейские подразделения, посылать продовольствие в центральные губернии. В села направлялись продотряды, занимавшиеся изъятием у местного населения «излишков» хлеба. Только в Евпаторийском уезде в мае 1919 г. было реквизировано 262 829 пудов

²⁶⁸ Бикова Т. «Червоний терор» в Крыму (1917–1921 рр.). С. 21; Надинский П.Н. Указ. соч. С. 168.

²⁶⁹ Зарубин В.Г. Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). Харьков: Фолио, 2013. С. 220.

²⁷⁰ Алтабаева Е.Б. Указ. соч. С. 224.

²⁷¹ Вьюницкая Л.Н., Кравцова Л.П. Указ. соч. С. 67.

Отправка продотряда в деревню. Советская Россия, 1918

хлеба²⁷². На «кулаков» была также наложена контрибуция. В конце мая на съезде сельских ревкомов постановили увеличить налог на «кулаков» на 1 млн рублей²⁷³.

Помимо хлеба, реквизировались и другие сельскохозяйственные продукты, и продовольственные товары. Так, 4 мая 1919 г. Крымский продовольственный комитет получил задание заготовить для нужд армии: «мяса и рыбы — 29934 пуда; масла и сала — 3468 пудов; свежих овощей — 25500 пудов». Почти одновременно было поручено произвести отгрузку из Крыма в Петроград: 33000 коробок овощных консервов, 30000 фунтов компота, 7000 пудов томата-пюре, 100 пудов повидла, 50 пудов варенья, 1004 пудов изюма, 700 пудов инжира²⁷⁴. Вводились хлебная монополия и карточная система. Продукты питания и товары первой необходимости отпускались на каждого человека согласно установленным нормам. Так, хлебный паек составлял 200 граммов в день на человека²⁷⁵. В конце мая 1919 г. Севастопольский комиссариат продовольствия распорядился, чтобы частные лица и торговые предприятия письменно предоставили информацию обо всех продуктах, материалах и товарах, привозимых в город и вывозимых из него. Неисполнение приказа влекло за собой реквизицию собственности и привлечение ее владельца к суду революционного трибунала²⁷⁶. Особенностью «второго большевизма» в Крыму, по мнению современника, князя В. Оболенского, также было стремление властей «ре-

²⁷² Надинский П.Н. Указ. соч. С. 169.

²⁷³ Зарубин В.Г. Указ. соч.

²⁷⁴ Надинский П.Н. Указ. соч. С. 170.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Алтабаева Е.Б. Указ. соч. С. 227.

гламентировать жизнь в мельчайших ее проявлениях. В городах все помещения были переписаны, квартиры и комнаты вымерены и перенумерованы, и жителей разверстывали по этим нумерованным комнатам, как вещи по кладовым»²⁷⁷.

Эти и другие «прелести» «социалистического строительства» периода КССР позднее запечатлелись на страницах романа «В тупике» известного писателя Викентия Вересаева, жившего в то время в Крыму. Это была фактически зарисовка с натуры.

Разумеется, перечисленные выше мероприятия коммунистической власти отнюдь не способствовали росту ее популярности среди населения, особенно сельского. Недовольство продразверсткой приводило к стихийным протестным выступлениям. Отвечая на это, правительство, ЧК и ревкомы, как правило, не утруждали себя уговорами и действовали предельно решительно.

Тем не менее, хотя революционное насилие по-прежнему оставалось доминирующим принципом советской политики, репрессии большевиков на территории Крыма, осуществляемые в этот период, не были такими масштабными, как в 1918 г.

Отчасти это было связано с тем, что советские органы власти в Крыму в 1919 г. в основном были созданы в период между уходом добровольцев и приходом частей Красной армии и состояли из местных большевиков. А крымские большевики не были заинтересованы в излишнем кровопролитии. Поэтому не будет преувеличением написать, что многие акты насилия совершали именно пришлые кадры. На этой почве между гражданской и военной властью КССР постоянно возникали серьезные трения.

Назначаемые непосредственно красным командованием (и лично наркомвоенмором КССР Павлом Дыбенко²⁷⁸) военные коменданты действовали по своему усмотрению, без оглядки на ревкомы. Доходило до того, что некоторые военкомы сами распускали или собирали ревкомы (как это было, например, в Ялте). Также были отмечены случаи присвоения комендантами чужого имущества и денежных

²⁷⁷ Оболенский В.А. Крым при Деникине (Окончание) // Крымский Архив, № 7. Симферополь, 2001. С. 164.

²⁷⁸ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938). Из крестьян. Окончил 2-классное училище. Работал грузчиком. С 1911 г. матрос Балтийского флота. Член партии большевиков с 1912 г. В 1915 г. был одним из руководителей антивоенного восстания матросов на линкоре «Император Павел I», за что был арестован и после 6-месячного заключения отправлен на фронт, где за революционную работу среди солдат был арестован вторично. Освобожден после Февральской революции. Принимал участие в расправах над офицерами Балтийского флота. Был членом Гельсингфорского совета, с апреля 1917 г. избран председателем ЦК Балтийского флота (Центробалта). За участие в подготовке июльского выступления большевиков против Временного правительства был арестован и до сентября содержался в тюрьме «Кресты». Активный участник Октябрьского переворота, член Петроградского ВРК, руководил формированием и отправкой в Петроград отрядов матросов. С октября 1917 по апрель 1918 г. нарком по морским делам. Во время немецкого наступления оставил Нарву, за что был снят с поста наркома и отдан под суд революционного трибунала. Оправдан. Вел подпольную работу на Украине и в Крыму. В августе 1918 г. арестован в Севастополе, обмен на группу пленных немецких офицеров. Участник Гражданской войны. В 1919 г. командовал 1-й Заднепровской стрелковой дивизией, Крымской армией (одновременно был наркомвоенмором КССР). В 1921 г. участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Был награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1922 г. экстерном окончил Военную академию Генштаба. Служил начальником Артиллерийского управления, был начальником снабжения РККА. В 1928–1938 гг. командовал войсками Среднеазиатского, Приволжского, Сибирского и Ленинградского военных округов. Был членом ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

П.Е. Дыбенко

средств (включая и те, которые были уже реквизированы)²⁷⁹. Не был чужд поживиться за счет конфискованного и трофейного имущества и сам наркомвоенмор. Как сообщал 6 мая 1919 г. в своем отчете в ЦК РКП (б) К. Ворошилов, Дыбенко вывез в неизвестном направлении 27 тыс. винтовок, оставленных белыми, без какого-либо согласования с другими членами крымского Совнаркома²⁸⁰. Бывший матрос Балтийского флота Дыбенко еще в дни Февральской революции участвовал в убийствах морских офицеров в Кронштадте и продолжал оставаться в дальнейшем сторонником самых решительных мер. С подачи наркомвоенмора и его окружения прифронтовыми ЧК и особыми отделами активно применялись расстрелы. Расстреливали за самовольный уход с работы, за «распространение слухов», «паникерство»²⁸¹. Были случаи, когда расстреливали даже партийных и советских работников²⁸².

По этой причине вопрос о «массовых неоправданных расстрелах, проведенных органами ЧК в Крыму», даже стал предметом обсуждения на одном из заседаний Совнаркома КССР в мае 1919 г. Было принято решение ликвидировать все органы ЧК в Крыму и вместо них образовать Особый отдел (ОО) при Реввоенсовете (РВС) Крымской Красной армии. 22 мая 1919 г. это решение было проведено в жизнь. В основных городах Крыма в июне 1919 г. были образованы контрольные пункты указанного ОО, которые взяли на себя функции одновременно органов военной контрразведки и местных ЧК. Согласно решению СНК КССР от 21 мая 1919 г., особые отделы и контрольные пункты утрачивали право суда и расстрела, приобретая статус следственных органов. Организовывались военно-революционный трибунал армии и революционный трибунал Крымской республики. Вынесение смертных приговоров теперь находилось в их исключительной компетенции. По факту расстрелов, произведенных органами ЧК, было проведено расследование²⁸³.

Но это едва ли положило конец злоупотреблениям в работе советских карательных органов. Самим же потенциальным жертвам режима было глубоко безразлично, по приговору какого органа их расстреливают и вынесен ли приговор.

Не упускали случая расправиться с «классовыми врагами» и рядовые красноармейцы. Так, в апреле 1919 г., за несколько дней до наступления Пасхи, они зверски убили настоятеля храма великомученика Георгия Победоносца в Армянске,

²⁷⁹ Бикова Т.Б. Організація Кримської соціалістичної радянської республіки у 1919 р. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. К., 2005. Вип. 13. С. 137–139.

²⁸⁰ Указ. соч. С. 137.

²⁸¹ Ченный С. Дыбенко — герой или палач? // Первая Крымская, №81, 8 июля/14 июля 2005.

²⁸² Бикова Т.Б. Указ. соч. С. 138.

²⁸³ Скоркин К.В. Указ. соч. С. 845.

протоиерея Владимира Веселицкого. Священника отвели на пустырь, веревками привязали к столбу и стали подвергать мучительным пыткам. После многочасовых истязаний обезображенное тело священника бросили на городской площади и запретили хоронить. Но православные жители Армянска нарушили этот запрет и на следующий день, перед заходом солнца, погрузили останки о. Владимира на телегу, укрыли от посторонних глаз травой и соломой и похоронили на городском кладбище²⁸⁴.

Уровень моральных устоев работников гражданских учреждений оставлял желать лучшего. Помимо того, что партийные и советские функционеры также не упускали случая поживиться за счет реквизиций, в их среде было распространено бытовое пьянство. Осуществляя в мае-июне 1919 г. проверку городов полуострова, инструкторы НКВД Крыма отмечали в своих отчетах многочисленные факты злоупотребления алкоголем среди руководящих работников. Весьма красноречиво высказался по этому поводу один проверяющий, инструктор Шипов: «Вообще необходимо отметить, что организация в Карасубазаре здорова, хотя спит сном Ильи Муромца. Нужно их разбудить, чему мешают несколько нечестных комиссаров и вино, которое употребляется в огромном количестве»²⁸⁵.

Атмосфера «чрезвычайщины» безраздельно царила в Крыму весь 75-дневный период «второго большевизма». 12 июня 1919 г. на полуострове высадился белогвардейский десант генерала Слащева, и к концу месяца красные были вынуждены оставить Крым. КССР прекратила свое существование.

Анализируя вторую попытку установления советской власти в Крыму весной-летом 1919 г., в целом можно заключить, что относительно меньшая репрессивность режима большевиков в тот момент была обусловлена отнюдь не гуманностью советской системы, а объективными и субъективными местными факторами, когда в условиях близости фронта, наличия внутренних разногласий, сторонники «диктатуры пролетариата» не успели сделать многое из того, что было реализовано ими в дальнейшем. И поскольку в 1919 г. большевики «почти никого не казнили»²⁸⁶ (последнее, как можно убедиться из вышеизложенного, более чем спорно), обыватели надеялись на милосердие красных, когда те окончательно заняли Крым осенью 1920 г. Последующие события наглядно продемонстрировали всю тщетность этих надежд.

²⁸⁴ *Протоиерей Николай Доненко. Указ. соч. С. 35; Соколов Д.В. Указ. соч.*

²⁸⁵ *Бикова Т.Б. Указ. соч. С. 144.*

²⁸⁶ *Литвин А.Л. Указ. соч. С. 106.*

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Падение Белого Крыма

В начале ноября 1920 г. части красного Южного фронта опрокинули позиции белых на Перекопе и устремились вглубь полуострова. Осознавая бесперспективность сопротивления, правитель Юга России, Главнокомандующий Русской армией²⁸⁷ генерал Петр Врангель распорядился о срочной подготовке судов для эвакуации. Чтобы погрузить на корабли как можно больше людей, их трюмы были предусмотрительно освобождены от снарядов и других военных грузов. Пассажирами были забиты все трюмы и палубы. Но еще больше людей оставалось на берегу. Далеко не все они хотели оказаться под властью большевиков. Суда просто не были в состоянии вместить всех желающих.

«В Севастополе, — писал журналист Григорий Раковский, — все улицы и набережная были запружены людскими массами. Со всех сторон в Севастополь прибывали все новые и новые толпы беженцев, офицеров и солдат. Ехали на подводах, или пешком. За подводы платили миллионы. До Севастополя поезда не доходили, так как лавина беженцев катилась по полотну железной дороги, втягивалась и закупоривала многочисленные туннели. На дороге валялись испорченные автомобили, брошенные повозки, телеги, бродили лошади. <...> Толпы беженцев со всем своим скарбом в течение трех суток стояли вдоль бухты сплошной массой, терпеливо ожидая погрузки, боясь отлучиться от пристани, чтобы не пропустить очереди»²⁸⁸.

Хотя эвакуация поначалу и происходила в целом организованно и спокойно, она не обошлась без трагических сцен. Как записал в своих воспоминаниях преподаватель Севастопольского Морского корпуса Николай Кнорринг, *«бульвары, все пристани были запружены народом. Тысячи глаз смотрели на бухту, где готовились к эвакуации суда. Внизу, на пристанях, был ад. Лодки брались с боя, вероятно, заламывались сумасшедшие цены, дрались, вещи сбрасывали в воду... Было жутко думать, признаваться, размышлять. «Вот я стою на неприступной крепости и спасаю свою жизнь. Но почему у меня на это больше права, чем у тех, кто с жадностью, завистью, с мольбой смотрит с берега на уходящие корабли? Были ли*

²⁸⁷ Русская армия (Армия Врангеля, Крымская армия) — оперативно-стратегическое объединение белых сил на территории Юга России в апреле-ноябре 1920 г. После принятия генералом бароном П.Н. Врангелем должности Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, последние были им в Крыму реорганизованы и 28 апреля 1920 г. переименованы в Русскую армию. В ноябре 1920 г., после отступления с перекопских позиций до крымских портов армия была эвакуирована в район Черноморских проливов, затем в Болгарию и в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Впоследствии бывшие военнослужащие Русской армии стали основой Русского Общевоинского Союза (РОВС).

²⁸⁸ Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора (Врождение, агония и ликвидация). Прага: Воля России, 1921. С. 186.

Графская пристань в Севастополе в дни эвакуации белых. Ноябрь 1920

с берега благословения — я не знаю, но проклятья были. И теперь, когда прошло несколько лет <...>, — я испытываю какую-то неловкость перед этим черным от людей родным берегом, который я покинул, словно чувствую эти взгляды на себе»²⁸⁹.

14–16 ноября 1920 г. эвакуация из Крыма была завершена. На 126 судах на чужбину уплыли 145 693 человека, не считая судовых команд²⁹⁰.

«Суда, нагруженные обездоленными и зараженными людьми, нередко умирающими и даже мертвыми, — одно за другим прибывали к столице Турции и без того нищей, переполненной и разрушенной. Занавес был опущен во время последнего действия этой ужасной драмы. Британские войска и моряки, английские и американские филантропические общества отдали все, что у них было для помощи эмигрантам, союзные державы отводили свои взоры в сторону и затыкали свои уши»²⁹¹.

Исполненные драматизма картины Крымской эвакуации, ужасы трехдневного пути к берегам Турции до самых последних дней запечатлелись в памяти дочери

²⁸⁹ Тюрина В. Чрез врата изгнания. Крым в судьбе и творчестве Ирины Кнорринг // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. [Вып. 8] / Сост., предисловия к публ. Лосева Д.А. Феодосия; М.: Коктебель, 2004. С. 119.

²⁹⁰ Врангель П.Н. Воспоминания // Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма / Сост., науч. ред., предисл. и комментарий д.и.н. Волкова С.В. М.: Центрполиграф, 2003. С. 82.

²⁹¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 316.

Николая Кнорринга Ирины, которая посвятила этим страшным мгновениям следующие строки своей поэмы «Баллада о двадцатом годе»:

Нет, не победа и не слава
Сияла на пути...
В броню закопанный дредноут
Нас жадно поглотил.
И люди шли.
Их было много.
Ползли издалека.
И к ночи ширилась тревога
И ширилась тоска.
Открылись сумрачные люки.
Как будто в глубь могил.
Дрожа, не находили руки
Канатов и перил.
Пугливо озирались в трюмах
Зрачки незрячих глаз.
Спустилась ночь, страшна, угрюма.
Такая — в первый раз.
Раздался взрыв: тяжелый, смелый.
Взорвался и упал.
На темном берегу чернела
Ревущая толпа.
Все были, как в чаду угара,
Стоял над бухтой стон.
Кровавым заревом пожара
Был город озарен.
Был жалок взгляд непониманья.
Стучала кровь сильнее.
Несвязно что-то о восстанье
Твердили в стороне.
Одно хотелось: поскорее
И нам уйти туда,
Куда ушли, во мгле чернея.
Военные суда.
И мы ушли. И было страшно
Среди ревущей тьмы.
Три ночи над четвертой башней,
Как псы, ютились мы.
А после в кубрик опускались
Отвесным трапом вниз,
Где крики женщин раздавались
И визг детей и крыс.

Там часто возникали споры:
 Что — вечер или день?
 И поглощали коридоры
 Испуганную тень.
 Впотьмах ощупывали руки
 И звякали шаги.
 Открытые зияли люки
 У дрогнувшей ноги.
 Зияли жутко, словно бездны
 Неистойвой судьбы.
 И неизбежно трап отвесный
 Вел в душные гробы.
 Все было точно бред: просторы
 Чужих морей и стран,
 И очертания Босфора
 Сквозь утренний туман²⁹².

Однако кошмар переполненных кораблей и последовавшее затем полуголодное прозябание на чужбине не шли ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю тех, кто остался.

15 ноября 1920 г. командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе докладывал в Москву: «Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южно-русская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к заживлению ран, нанесенных империалистической и гражданской войнами»²⁹³.

А на следующий день, 16 ноября, Фрунзе направил Ленину телеграмму: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован»²⁹⁴.

«Освобождение Крыма»; «последняя страница Гражданской войны»... Именно так до самого краха СССР именovala победу над Врангелем и взятие полуострова осенью 1920 г. советская пропаганда. Пышно отмечались годовщины, писались книги, снимались фильмы, слагались песни, стихи. Устраивались многотысячные митинги, произносились цветистые речи. Еще в 1970-е гг. памятные мероприятия не обходились без участия «ветеранов» — участников штурма «перекопских твердынь». Целые поколения воспитывались в убеждении, что только с приходом красных войск осе-

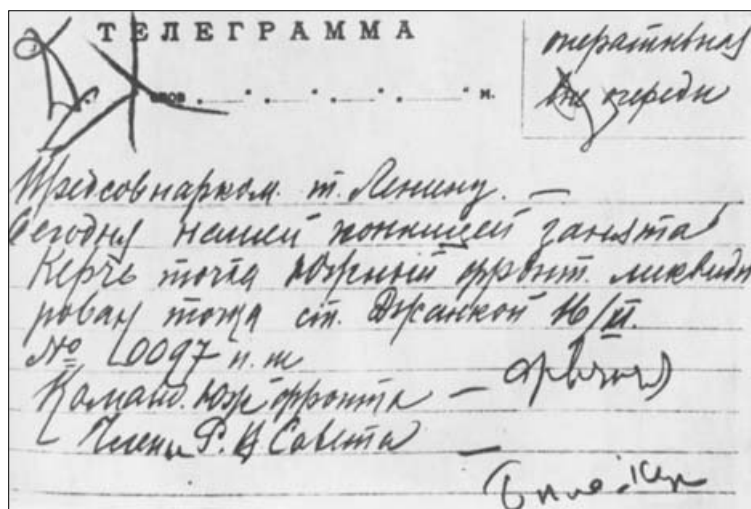

М.В. Фрунзе

²⁹² Кнорринг И.Н. Баллада о двадцатом годе // Кнорринг И.Н. Очертания смутного Крыма... Стихотворения. Из забытого и неизвестного // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. [Вып. 8] С. 128.

²⁹³ М.В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М.: Воениздат, 1984. С. 155.

²⁹⁴ Там же.

Телеграмма М.В. Фрунзе В.И. Ленину о ликвидации Южного фронта. Ноябрь 1920

нию 1920 г. трудящиеся Крыма сбросили с себя «яромо угнетения» и зажили человеческой жизнью.

Реальность свидетельствует об ином. Не освобождение и не долгожданный мир принесли жителям полуострова армии Южного фронта. Ликвидировав последний оплот организованного сопротивления большевизму на Юге России, победители продолжили войну, теперь уже — с поверженным и безоружным врагом. Начатая ими кампания всеобщего истребления приобрела поистине апокалипсические масштабы, оставив далеко позади все прежние ужасы.

Война продолжается

Первый акт будущей драмы был разыгран еще весной 1920 г. В мае 1920 г. тогдашний министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон обратился к советскому правительству с предложением мирных переговоров и амнистии белогвардейцам. Нарком иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин считал, что нужно «пойти на амнистию Врангелю и на приостановку дальнейшего продвижения на Кавказе, где мы все ценное уже захватили, и можно ответить согласием, не медля ни минуты».²⁹⁵

Считая выгодной нормализацию отношений с Великобританией, 4 мая 1920 г. Ленин обратился к Троцкому: «По-моему, Чичерин прав: тотчас ответить согласием на 1) приостановку военных действий (а) в Крыму и (б) на Кавказе (точно обдумав каждое слово) и 2) на переговоры об условиях очищения Крыма на *принципе*

²⁹⁵ Примечание к телеграмме В.И. Ленина Г.В. Чичерину // Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 51. изд. 5-е. М.: 1970. С. 424

(не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем»²⁹⁶.

Тем не менее из этого плана ничего не вышло. Месяцы спустя, 28 июля 1920 г., член РВС Юго-Западного фронта И. Сталин сообщал Троцкому:

*«Приказ о поголовном истреблении Врангелевского комсостава намереваемся издать и распространить в момент начала нашего общего наступления»*²⁹⁷.

Рассчитывая внести разложение в ряды белых, официально советская сторона обещала амнистировать военнослужащих Русской армии, если те сложат оружие. 12 сентября 1920 г. газета «Правда» напечатала «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля» с предложением амнистии тем, кто перейдет на сторону советской власти.

11 ноября 1920 г. сам Фрунзе обратился по радио с этим обращением к врангелевским офицерам. С аналогичным призывом выступил и РВС Южного фронта. Узнав об этой инициативе командования, Ленин отреагировал жестко. Уже 12 ноября он телеграфировал Фрунзе:

*«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно»*²⁹⁸.

Как справедливо отмечает киевский историк Татьяна Быкова, «именно здесь нужно искать зерно будущей расправы, хотя формально обещания амнистии все еще оставались в действии»²⁹⁹.

Надо сказать, что верховное командование белых верно истолковало намерение советской стороны. За время Гражданской войны большевики сполна продемонстрировали миру свое вероломство, и было бы наивно считать, что на этот раз они сдержат свое обещание. Так как придание ультиматума Фрунзе широкой огласке грозило вызвать брожение в армии и среди гражданского населения, Врангелем были приняты необходимые меры. Тем не менее слухи о якобы обещанной красными широкой амнистии ходили вне зависимости от действий властей и командования. Рядовые участники Белого движения, гражданские лица, к этим известиям относились по-разному. Призванные по мобилизации, далекие от политики обыватели, питали надежду на лучшее. Иначе считали убежденные противники красных.

«Мы знаем, что оставили за собой в Крыму, — писал один из этих непримиримых, известный издатель и публицист Владимир Бурцев. — Мы знаем также, что с собой принесут в Крым большевики. Я пробыл последние 2 недели в Крыму и нашел там полный порядок и уверенность в завтрашнем дне. Все знали, что там нет чрезвычайка. Нет всего того кошмарного и ужасного, что приносят своим приходом

²⁹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 51. изд. 5-е. С. 191.

²⁹⁷ Цит. по: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-пресс, 2000. С. 324.

²⁹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 52. изд. 5-е. М., 1970. С. 6.

²⁹⁹ Быкова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917-1921 рр.). С. 118.

большевики. Крым оставлен нами. В настоящую минуту мы не получили еще сведений о том, что там делается, с приходом большевиков. Но мы хорошо знаем, что они делали во всех городах, когда приходили, — и отсюда делаем верный вывод, что в данный момент во всем Крыму льется кровь. Везде — торжество негодяев, предателей, убийц, — всюду грабеж, пожарище, и Крым стонет, вероятно, так же, как и вся остальная Россия. Только этим можно объяснить это массовое бегство жителей из Крыма. Большевики повсюду составили о себе прочную славу, и двух мнений не существует о них. Мы заранее знаем, что они сделают, начиная от Перекопа до Севастополя и Ялты: они залиют кровью весь Крым»³⁰⁰.

Как видно из дальнейших событий, эти слова оказались пророческими.

*«Бежали — зрячие. Под землю ушли — слепые»*³⁰¹, — написал в своей пронзительной книге «Солнце мертвых» переживший ужасы крымской трагедии российский литератор Иван Шмелев. (Единственного сына Шмелева, Сергея, красные арестовали и расстреляли в окрестностях Феодосии.)

*«История знает ужасные случаи массовых человекоистреблений, — свидетельствовал участник последних боев Русской армии, генерал Сергей Позднышев, — но не было еще среди человечества подобной бойни»*³⁰².

Никем не контролируемые массовые убийства врангелевских солдат и офицеров, гражданских лиц начались еще в момент отступления белых к крымским портам. Террор на данном этапе развернули красные партизаны. Доставив белым немало хлопот в предыдущие месяцы, после прорыва Перекопских позиций бойцы Советской Повстанческой армии (красно-зеленые) покинули свои лесные и горные базы и стали преследовать отступающие врангелевские части. Пленных белогвардейцев обезоруживали, раздевали, забирали все ценное и расстреливали. Характерное описание одной такой расправы приводит в своих воспоминаниях красный партизан Г. Кулиш:

«...Шоссейная дорога была не плохая, но грязная. По дороге и все время встречаются белогвардейцы — солдаты и офицеры. Солдат, не желающих вступить в наши полки, раздевали догола и босиком пускали по грязи; офицеры оставались лежащими на дожде в кювете; за счет раздетых солдат одевали своих партизан...

Наступал вечер; пехота въезжала в город Карасубазар по кривым улицам, загроможденным трупами белогвардейцев.

*Подводы не объезжали свежие трупы юнкеров, разбросанные по улицам города, и кровь их смешалась с грязью, слегка прихваченная наступившим морозом. Работа Сычева (один из партизан. — Д.С.) и нашей кавалерии в городе была видна. Жители от ужаса и страха уличного боя наспех закрыли ставни и ворота»*³⁰³.

Также Кулиш вспоминал, что после захвата Карасубазара красными партизанами в ноябре 1920 г. было арестовано около ста «вредных советской власти

³⁰⁰ Бурцев В. Или мы, или они... // Последние дни Крыма (Впечатления, факты и документы) // Крымский архив, №2. Симферополь, 1996. С. 57.

³⁰¹ Шмелев И.С. Солнце мертвых. М.: Даръ, 2008. Изд. 2-е, испр. С. 74.

³⁰² Позднышев С. Этапы // Севастополь. Год 1920-й. Исход: Альбом [Авторы проекта Зубарев А.А., Прокопенков В.Н., Крестьянников В.В.] Симферополь: Салта ЛТД, 2010. С. 81.

³⁰³ ГАРК. Ф.-П.150. Оп. 1, д. 103, л. 5 (орфография и пунктуация оригинала сохранены. Документ предоставлен Быковой Т.Б.).

Красные партизаны у Керченских каменоломен. Ноябрь 1920

элементов», большинство из которых тут же расстреляли. А в Феодосии в период безвластия всего за одну ночь расстреляли 600–700 человек³⁰⁴. При этом уничтожались не только офицеры, но и вообще все «подозрительные» из почти не оказывавших сопротивления повстанцам белых частей, которым «приказывали сдаваться»³⁰⁵.

Всего, по оценке члена Крымревкома Ю. Гавена, в ноябре 1920 г. крымские партизаны расстреляли не менее 3000 человек³⁰⁶.

Среди партизан было много бандитского элемента, в том числе активных участников самосудов конца 1917 — весны 1918 г. из числа радикально настроенных солдат и матросов. Так, руководивший советским партизанским движением в Крыму А. Мокроусов в недавнем прошлом являлся «организатором и командиром революционных отрядов черноморских моряков» и был напрямую причастен к развертыванию в регионе массового террора.

Свой вклад в стихийную фазу террора также внесли и наступающие красноармейские части, и действовавшие в союзе с ними отряды анархистов-махновцев. Немногочисленные дошедшие до нас свидетельства современников рисуют бесчинства победителей. Занимая какой-нибудь город, «освободители Крыма от Врангеля» тотчас предавались грабежу и насилию.

В Джанкое, вспоминал побывавший в красном плену поэт Иван Савин, ворвавшаяся за передовыми частями буденовцев и махновцев красная пехота — «босой, грязный сброд — оставляла пленным только нижнее белье, да и то не всегда. Хлынувший за большевистской пехотой большевистский тыл раздевал уже догола, не

³⁰⁴ Кулиш Г. Первый десант на берег Крыма // Красная летопись. 1923. №3. С. 140–141 // Цит. по: Скоркин К.В. Указ. соч. С. 909.

³⁰⁵ Елизаров М.А. Указ. соч. С. 408.

³⁰⁶ Скоркин К.В. Указ. соч.

Красные на Перекопе. Ноябрь 1920

брезгая даже вишивой красноармейской гимнастеркой, только что милостиво брошенной нам сердобольным махновцем»³⁰⁷.

В Симферополе, свидетельствует другой очевидец, пожелавший остаться безвестным, «солдаты набрасывались на жителей, раздевали их и тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, когда один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, так как следующий за первым солдат оказывался еще оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т.д. Кто только мог из жителей, попрятались по подвалам и укромным местам, боясь попасться на глаза озверелым красноармейцам...»³⁰⁸.

На следующий день «начался грабеж винных магазинов и повальное пьянство красных. Вина, разлитого в бутылки, не хватило, стали откупоривать бочки и пить прямо из них. Будучи уже пьяными, солдаты не могли пользоваться насосом и поэтому просто разбивали бочки. Вино лилось всюду, заливало подвалы и выливалось на улицы. В одном подвале в вине утонуло двое красноармейцев, а по Феодосийской улице от дома винооторговца Христофорова тек довольно широкий ручей смеси красного и белого вина, и проходящие по улице красноармейцы черпали из него иногда даже шапками и пили вино вместе с грязью. Командиры сами выпускали вино из бочек, чтобы скорее прекратить пьянство и восстановить какой-нибудь порядок в армии. Пьянство продолжалось

³⁰⁷ Савин И. Плен // Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. С. 570.

³⁰⁸ В Крыму после Врангеля (Рассказ очевидца) // Крымский архив, №2. С. 59.

целую неделю, а вместе с ним и всевозможные, часто самые невероятные насилия над жителями»³⁰⁹.

Как и бойцы партизанских отрядов, солдаты регулярных красных частей совершали расправы над побежденными. Так, в ночь с 16 на 17 ноября 1920 г. в Феодосии на железнодорожном вокзале по приказу комиссара 9-й дивизии Моисея Лисовского были расстреляны не успевшие эвакуироваться раненые офицеры и солдаты 52-го пехотного Виленского полка 13-й пехотной дивизии Русской армии — всего около 100 человек³¹⁰. Массовые убийства раненых военнослужащих армии Врангеля, оставленных под защитой Международного Красного Креста и находящихся на излечении в госпиталях и больницах, происходили в Симферополе, Алушке и Ялте. Несчастных вытаскивали из больничных коек, выволакивали во двор и там убивали. Медицинский персонал, пытавшийся помешать этой дикости, уничтожался наравне с пациентами. Часто красноармейцы ограничивались тем, что присоединяли раненых и больных к колоннам пленных и под конвоем отправляли их в лагеря.

Анализируя причины жестокости красных на данном этапе, современники объясняли ее общей озлобленностью вследствие понесенных при штурме Перекопа тяжелых потерь. Нельзя игнорировать и влияние пропаганды, изображавшей Крым как оплот «эксплуататоров». Бурная агитация сочеталась с насилием внутри армии. В спину наступающим красным войскам смотрели пулеметы заградотрядов.

По данным белоэмигранта Г. Римского, «за короткое время наступления, по сообщению *“Газеты Красноармейца”*, было расстреляно по приказам боевых командиров 2.300 солдат, которые, по официальной мотивировке большевиков, *“подрывали трусостью и шкурничеством правое дело советской власти и ее доблестной красной армии”*. Всем наступавшим частям были выданы черные знамена, на которых красовалась надпись: *“Черное море должно стать красным морем”*»³¹¹.

Без чести и жалости

После окончательного установления советской власти в Крыму расправы над побежденными приняли упорядоченные и более жуткие формы.

Как и в 1919 г., переустройство жизни края на «новых началах», осуществляли «чрезвычайные органы диктатуры пролетариата» — ревкомы. Они создавались в каждом населенном пункте, уезде и волости. Начало процессу их организации было положено 16 ноября 1920 г. на совместном заседании членов РВС Южного фронта и начавшего действовать в тот же день Крымского обкома РКП (б). Именно тогда был образован Крымский революционный комитет (Крымревком) в составе председателя, его заместителя и четырех членов³¹². Новообразованную структуру

³⁰⁹ Указ. соч. С. 59–60.

³¹⁰ Бобков А.А. Указ. соч. С. 313.

³¹¹ Римский Г. Девятый вал. (Константинопольские впечатления) // Севастополь. Год 1920-й. Исход: Альбом. С. 25.

³¹² Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1968. С. 6.

**Дом, в котором в 1920–1921 гг. располагался Крымский революционный комитет.
Симферополь, август 2013**

возглавил венгерский коммунист Бела Кун³¹³, чье имя, наряду с именем секретаря Крымского областного партийного большевистского комитета, «профессиональной революционерки» Розалии Землячки³¹⁴ (Самойлова, урожденная Залкинд, партийная кличка — Демон) стало одним из символов Крымской трагедии.

Своей фанатичной жестокостью эти руководящие советские деятели повергали в смятение даже ближайших соратников. В ответ на это Землячка и Бела Кун обвиняли однопартийцев в «мелкобуржуазности», «либерализме» и «мягкотелости» и требовали удалить их из Крыма.

Показательно замечание Ю. Гавена, назвавшего Белу Куна работником, который нуждается в *«сдерживающем центре»*. В Венгрии он ударился в соглашательство

³¹³ Кун Бела (1886–1938). Родился в семье сельского писаря. Окончил реформатскую коллегию (гимназию). Член социал-демократической партии Венгрии с 1902 г., учился в Клузском университете на юридическом факультете (1904–1905). Оппозиционный журналист, привлекался к ответственности. В Первую мировую войну — рядовой, прапорщик. С 1916 г. — в российском плену. Тогда же вступил в большевистскую партию. После Февральской революции сотрудничал с Томским большевистским комитетом, работал в журнале «Сибирский рабочий», газете «Знамя революции». В январе 1918 г. прибыл в Петроград, затем в Москву. Неоднократно встречался с В.И. Лениным. В марте 1918 г. основал венгерскую группу РКП (б). Вел большевистскую агитацию среди военнопленных. С мая 1918 г. — председатель Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Один из основателей и председатель Коммунистической партии Венгрии. С марта 1919 г. — нарком по иностранным и военным делам Венгерской Советской Республики. В августе 1919 — июле 1920 г. находился в концлагерях в Австрии. После освобождения в августе 1920 г. прибыл в Петроград. В октябре — ноябре 1920 г. — член Реввоенсовета Южного фронта, с ноября 1920 г. — председатель Крымревкома. В дальнейшем — на руководящей партийной и советской работе на Урале. Член президиума ВЦИК. Активно участвовал в деятельности Коминтерна, входил в состав его исполкома. В 1927 г. награжден орденом Красного Знамени. Репрессирован. Именем Бела Куна названа одна из улиц в Симферополе.

³¹⁴ Землячка (Залкинд, Самойлова) Розалия Самойловна (1876–1947). Дочь купца 1-й гильдии. Окончила Киевскую женскую гимназию. В революционном движении с 90-х гг. XIX в., большевичка. До 1917 г. на подпольной работе, неоднократно подвергалась арестам. С февраля 1917 г. — секретарь 1-го легального Московского комитета РСДРП (б); делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б), в октябре 1917 г. руководила вооруженным выступлением рабочих Рогожско-Симоновского района Москвы. В годы Гражданской войны — начальник политотделов 8-й и 13-й армий. С ноября 1920 г. секретарь Крымского обкома РКП (б). В январе 1921 г. отозвана в распоряжение ЦК РКП (б). В дальнейшем на руководящей партийной и советской работе. Автор воспоминаний о В.И. Ленине. Похоронена в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

с правыми социалистами, здесь он превратился в гения массового террора. Я лично тоже стою за проведение массового красного террора в Крыму, чтобы очищить (так в документе — Д.С.) полуостров от белогвардейщины <...>. Но у нас от крас.<ного> террора гибнут не только много случайного элемента, но и люди, оказывающие всяческую поддержку нашим подпольным работникам, спасавшим их от петли.

Я считал своим долгом присоединиться к групповому ходайству наших подпольных работников об освобождении некоторых невинно арестованных. Необходимо заметить, что до сих пор я пытался освободить не более десяти человек, в то время как расстрелянных уже около 7000 чел., а арестованных не менее 20000 чел.

И все же я в глазах тт. Бела Куна и Самойловой стал коммунистом, находящимся под влиянием мелкой буржуазии»³¹⁵.

Слова Гавена, характеризующие председателя Крымревкома как потерявшего всякое чувство меры в процессе проведения репрессий, дополняет свидетельство современника не из числа сторонников коммунистической власти.

Как-то на прием к Беле Куну пришла одна старушка, обратившаяся к «красному диктатору Крыма» с мольбой пощадить ее единственного внука, не имевшего ни отца, ни матери.

«— Отпустите его, — слезно умоляла несчастная старуха, — ведь он почти мальчик. Ему еще нет 19 лет...

Бэла Кун, презрительно скривив свои толстые губы, отвечал ломаным русским языком:

— Все равно. Кто был у белых, должен быть уничтожен.

Когда же старуха в отчаянии бросилась на колени и, хватая палача за ноги, стала молить о пощаде, он оттолкнул ее сапогом и, уходя, громко приказал:

— Если еще не расстрелян, немедленно расстрелять.

В каком-то городишке, не то в Старом Крыму, не то в Карасубазаре чекисты не проявили достаточной кровожадности и не “вывели в расход” всех арестованных, пощадив стариков и юношей. Рассвирепевший Бэла Кун приказал предать суду мягкосердечных чекистов. Их обвинили в измене “рабоче-крестьянскому” делу»³¹⁶.

Столь же (если не более) заметный кровавый след в истории полуострова оставила и Роза Землячка.

Побывавший на полуострове в феврале-марте 1921 г. представитель народного комиссариата по делам национальностей М. Султан-Галиев так охарактеризовал эту женщину:

«...тов. Самойлова (Землячка) — крайне нервная и больная женщина, отрицавшая в своей работе какую бы то ни было систему убеждения и оставившая по себе почти

Бела Кун

Р.С. Землячка

³¹⁵ Красный террор // Родина, №4, 1992. С. 100–101.

³¹⁶ Михайлов А. Бэла Кун в Крыму // Красный террор на Юге России. С. 339–340.

Регистрация беженцев. Крым, 1920

у всех работников память «Аракчеевских времен». Не нужно ни к чему нервничание, слишком повышенный тон в разговоре со всеми почти товарищами, чрезмерная требовательность там, где нельзя было ее предъявлять, ее незаслуженные репрессии ко всем тем, кто имел хотя бы небольшую смелость «сметь свое суждение иметь» или просто «не понравился» ей своей внешностью, — составляли отличительную черту ее «работы». Высылка партийных работников из Крыма обратно на север, особенно после постановления Оргбюро ЦК партии о направлении партийных работников в Крым только с разрешением ЦК, приняла эпидемический характер. «Высылались» все без разбора, кто бы то ни был, и не единицами, а целыми пачками — десятками и сотнями. Такая терроризация организации дала самые отрицательные результаты. В бытность тов. Самойловой в Крыму буквально все работники дрожали перед ней, не смея ослушаться ее хотя бы самых глупых или ошибочных распоряжений»³¹⁷.

Кадровые перемещения и «чистка» советских учреждений от «контрреволюционного элемента» проводилась с ноября 1920 г., т.е. фактически вскоре после занятия полуострова красными. Исключению из партии и увольнению с занимаемых должностей подлежали как «выходцы из буржуазной и мелкобуржуазной среды», так и бывшие члены меньшевистских политических партий. Различного рода взысканиям подвергались и те большевистские функционеры, которые выражали несогласие с теми или иными мероприятиями Крымревкома, например, ходатайствовали об оставлении на советской работе или освобождении из заключения «классово чуждых». Внутрипартийные «чистки» не обошли стороной даже

³¹⁷ Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. С. 84.

руководящий состав Крымревкома. Так, 27 ноября 1920 г. Крымский обком РКП (б) принял решение, в котором указывалось, что меньшевики не должны допускаться к работе в коллегии Крымревкома. В связи с чем Землячке и Беле Куну было поручено пересмотреть состав ранее назначенных заведующих и членов коллегии Крымревкома и удалить меньшевиков³¹⁸. По инициативе Землячки «неблагонадежные» не только лишались занимаемых должностей и изгонялись из партии, но и подвергались аресту, передавались в руки ЧК и особых отделов³¹⁹.

Надо сказать, что прибывшие из центра партийцы, командование войск Южного фронта с самого начала с подозрением смотрели на местные кадры. Примечательно следующее высказывание Р. Землячки:

*«Буржуазия оставила здесь (в Крыму — Д.С.) свои самые опасные осколки — тех, кто всасывается незаметно в среду нашу, но в ней не рассасывается»*³²⁰.

Ярким проявлением недоверия местным партийным и советским работникам является роспуск ревкомов, образованных в период безвластия и организация вместо них новых, укомплектованных «проверенными товарищами».

Так, в Севастополе избранный 13 ноября 1920 г. первый ревком (куда наряду с коммунистами входили левые эсеры и анархисты³²¹) был распущен сразу же после того, как в город вошли регулярные красноармейские части. Аналогичным образом был распущен Ялтинский ревком. Признав его дальнейшее существование неправомерным, командование прибывших в город частей Красной армии, представители Военного совета армии, начальника 51-й Московской дивизии и военкома 151-й бригады вместе с партийным бюро РКП (б) постановили: *«существующий ревком распустить, выразив ему благодарность за проделанную им работу, и вместо последнего впредь до выборов Совета создать новый в числе трех чел. <овек>, из которых двух выдвинуть из местного бюро РКП (б) и третьим — военного комиссара 151 бригады тов. Косых»*³²².

Но и вновь образованные таким образом революционные комитеты в дальнейшем неоднократно реорганизовывались. Отсутствие в должном количестве надежных работников из числа местных жителей привело к тому, что советские властные органы комплектовались преимущественно пришлыми армейскими и чекистскими кадрами. Не имеющие опыта в мирном строительстве, не знающие местной специфики, последние управляли исключительно методами насилия и террора.

Тотальная «зачистка» полуострова от «вражеских элементов» стартовала 17 ноября 1920 г. Именно тогда был издан приказ Крымревкома №4 об обязательной регистрации в 3-дневный срок всех иностранно-подданных; лиц, «прибывших

³¹⁸ Семин А.С., Горчаков А.А. Борьба большевистских организаций за упрочение советской власти в Крыму (ноябрь 1920 — декабрь 1921 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Сборник статей / Отв. ред. Чирва И.С. Симферополь: Крымиздат, 1957. С. 269.

³¹⁹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: История, 1997. С. 222.

³²⁰ Указ. соч. С. 219–220.

³²¹ Куликов И.И., Кот В.П., Крестьянников В.В. и др. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. К 225-й годовщине со дня основания города. Севастополь: Арт-политика, 2008. С. 182.

³²² Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. С. 24.

на территорию Крыма после ухода советской власти в июне 1919 года», офицеров, чиновников военного времени, солдат, работников гражданских учреждений. Не явившиеся рассматривались как «шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени»³²³.

Несмотря на грабежи и насилия, которые совершались победителями в первые дни, перечисленные в приказе категории лиц восприняли известие о регистрации в целом без особого страха. Поверив обещаниям об амнистии, данным накануне советским командованием, тысячи людей явились на регистрационные пункты, и сразу образовали огромные очереди.

Офицеры — в большинстве своем одетые в военную форму вчерашние учителя, врачи и чиновники — как и гражданские лица, искренне верили, что будут приняты на советскую службу. Иностранцы и беженцы рассчитывали, наконец, вернуться домой. И поначалу власти подпитывали эти надежды. В частности, декларировалось, что всем явившимся грозит только высылка из Крыма и распределение по специальностям; опасаться за свою жизнь могли только те офицеры, которые служили в контрразведке у белых: дела их передавались в Особый отдел³²⁴.

Зарегистрировав, офицеров «группами отправляли в казармы, где и содержали под стражей в продолжение недели»³²⁵. В течение этого времени бывших военнослужащих армии Врангеля разделили на несколько групп. Первая: больные, инвалиды, старше 50 лет, а также все местные жители, имеющие семьи, — были размещены по госпиталям и семьям. Во вторую вошли все остальные офицеры — эти были отправлены по железной дороге в северные концлагеря и на восстановительные работы в шахты Донбасса. Оставшимся была объявлена амнистия, «которая была встречена не только офицерами и населением города, но и рабочими с чувством глубокого удовлетворения и светлой радости»³²⁶.

Но вскоре все изменилось. Спустя два-три дня после окончания первой регистрации была назначена новая, которая проводилась Особой комиссией 6-й армии и Крыма по регистрации. На этот раз подлежали регистрации уже не только военные и беженцы, но также буржуазия, священники, юристы и прочие непролетарии. Все военные, только что амнистированные, вновь были обязаны явиться на регистрацию, которая продолжалась несколько дней. Не явившиеся были арестованы, и затем сразу же после регистрации начались массовые расстрелы³²⁷. Некоторое время спустя, когда кампания красного террора в Крыму была в самом разгаре, приказом Крымревкома №167 от 25 декабря 1920 г. была объявлена очередная регистрация³²⁸, и все, кто пришел на нее, также были арестованы и расстреляны.

Расправы происходили по всему Крыму. Особенно широкий размах развернутые репрессии приобрели в Феодосии, Ялте, Севастополе и Керчи, а также в Сим-

³²³ Указ. соч. С. 23–24.

³²⁴ В Крыму после Врангеля (Рассказ очевидца). С. 60.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 221.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. С. 40.

ферополе, откуда в связи с удаленностью от моря, выезд во время эвакуации оказался практически невозможным.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что начатая террористическая кампания не была исключительно инициативой местных властей. Как минимум, одним из косвенных вдохновителей крымских расстрелов был председатель Реввоенсовета Республики Л. Троцкий. Ссылаясь на телеграмму последнего, Бела Кун заявлял: *«Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»*³²⁹

Такую же позицию высказывал заместитель Троцкого в Реввоенсовете Эфрахим Склянский, который отмечал в своих телеграммах:

*«Война продолжится, пока в красном Крыму останется хоть один белый офицер»*³³⁰.

Помимо партийных деятелей, в решении вопроса о судьбах бывших военнослужащих армии Врангеля активное участие принимало чекистское ведомство и лично председатель ВЧК Ф. Дзержинский. 16 ноября 1920 г. он телеграфировал начальнику Особого отдела Юго-Западного и Южно-го фронтов Василию Манцеву³³¹:

*«Примите все меры, чтобы из Крыма не прошли на материк ни один белогвардеец. Поступайте с ними согласно данным Вам мною в Москве инструкциям. Будет величайшим несчастьем Республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто...»*³³².

Высокая концентрация на территории полуострова «вражеских элементов» никак не устраивала высшее советское руководство. Выступая 6 декабря 1920 г. на совещании московского партийного актива, Ленин заявил:

«Сейчас в Крыму 300 тыс. буржуазии. Это источник бурдущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капитали-

В.Н. Манцев

³²⁹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 113.

³³⁰ Там же.

³³¹ Манцев Василий Николаевич (1889–1938). Из семьи служащего. Член партии большевиков с 1906 г. Учился на юридическом факультете Московского университета. В 1916 г. призван в армию, вел антивоенную агитацию среди солдат. В 1917 г. член Совета в Ростове Ярославской губернии. Участвовал в подготовке и проведении большевистского вооруженного захвата власти в Москве, член Замоскворецкого ВРК и Московского областного комитета РКП (б). С сентября 1919 г. — заведующий следственным отделом ВЧК, затем заместитель председателя Московской ЧК. С конца 1919 г. — начальник Центрального управления ЧК Украины. С июля 1920 г. — член коллегии ВЧК, с августа — начальник Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов. В 1921–1922 гг. — председатель Всеукраинской ЧК, ГПУ Украины. С марта 1922 г. — нарком внутренних дел УССР. В 1924–1936 гг. — начальник планово-экономического отдела ВСНХ СССР, заместитель наркома финансов. В 1936–1937 гг. — председатель спецколлегии и заместитель председателя Верховного суда СССР. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

³³² Цит. по: Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 410.

стам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим»³³³.

Эти слова были правильно поняты местными военными, партийными и чекистскими органами. На полуострове ввели режим чрезвычайного положения. По меньшей мере, до лета 1921 г. люди не могли свободно уехать из Крыма. Все перемещения за пределы полуострова, равно как и въезд на его территорию находились под жестким контролем. Эта задача была возложена на заградительные отряды³³⁴. Так бывший оплот Белой армии, по сути, превратился в громадный концлагерь — прообраз будущего «Архипелага ГУЛАГ».

Задача «зачистить» полуостров от «буржуазии» была возложена на «чрезвычайные органы диктатуры пролетариата» — особые отделы, военные трибуналы, ЧК. Еще до взятия полуострова создается Крымская ударная группа, начальником которой был назначен заместитель начальника Особого отдела Южного и Юго-западного фронтов Ефим Евдокимов³³⁵.

О том, каким было личное участие этого высокопоставленного чекиста в крымском терроре, красноречиво свидетельствует его характеристика, данная для награждения орденом Красного Знамени:

«Во время разгрома армии генерала Врангеля в Крыму тов. Евдокимов с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд». На наградном списке Евдокимова Фрунзе оставил свою резолюцию: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно»³³⁶.

При Крымской ударной группе создавались чрезвычайные «тройки» особых отделов, наделенные правом вынесения смертных приговоров. Процедура ведения следствия была максимально упрощена. В подавляющем большинстве случаев людей не допрашивали. Приговоры выносились в отсутствие обвиняемых, на осно-

³³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42. С. 74 // Цит. по: Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. С.6. Примечательно, что в 5-м издании «полного собрания сочинений» Ленина эти откровения «вождя мирового пролетариата» уже не публиковались.

³³⁴ Брошнев В.М. «Спецназ» ВЧК в Крыму. Историко-документальный справочник об истории создания деятельности органов ВЧК в Крыму в годы Гражданской войны (1920–1921 гг). Симферополь, 2009. С. 37.

³³⁵ Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). Из семьи служащего. Образование начальное. Член партии большевиков с 1918 г. С июня 1919 г. — начальник Особого отдела Московской ЧК, затем начальник особых отделов Юго-Западного и Южного фронтов, с мая 1921 г. — начальник Особого отдела Всеукраинской ЧК. С 1923 г. — полномочный представитель ОГПУ по Юго-Востоку России, в 1924–1926 гг. — по Северо-Кавказскому краю. Участвовал в расследовании «шахтинского дела» (1928). В конце 1929 г. назначен начальником секретно-оперативного управления и членом коллегии ОГПУ. В 1931 г. — полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии, В январе 1934 назначен 1-м секретарем Северо-Кавказского крайкома, в 1937 г. — Азово-Черноморского, затем Ростовского обкомов ВКП(б). С 1934 г. — член ЦК ВКП(б). С 1937 г. — депутат Верховного Совета СССР. В мае 1938 г. переведен на должность заместителя наркома водного транспорта СССР. Арестован 9 ноября 1938 г. 2 февраля 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Расстрелян 3 февраля 1940 г. Реабилитирован 17 марта 1956 г.

³³⁶ Литвин А.Л. Указ. соч. С. 105, 137.

Е.Г. Евдокимов

вании анкет, заполненных ими при регистрации. В графе «В чем обвиняется?» чекистские следователи, не сомневаясь, писали: «казак», «подпоручик», «чиновник военного времени», «штабс-капитан», «доброволец» и т.п. Этого было достаточно.

Выслушав краткий доклад начальника Особого отдела, участники «тройки» подписывали заранее заготовленное постановление о расстреле и передавали его к исполнению. Однако и это подобие следствия чекисты сочли чересчур долгим. Не утруждая себя бюрократической волокитой, «вершители революционного правосудия» поступали просто. Составив список лиц, намеченных к истреблению, писали на нем резолюцию, единым росчерком пера решая судьбу десятков и сотен людей.

Так, 22 ноября 1920 г. в Симферополе чрезвычайная «тройка» ОО ВЧК при РВС Южного фронта под председательством В. Манцева вынесла постановления о расстреле 117, 154 и 857 человек³³⁷. В тот же день «тройка» ОО ВЧК при РВС 6-й армии под председательством Николая Быстрых³³⁸ приговорила к расстрелу еще 27 человек, а сутки спустя — 28, 16 и 25 человек³³⁹. Среди расстрелянных были не только белогвардейцы, но и недавние союзники красных — махновцы. Столь много сделавшие для победы над Врангелем бойцы Повстанческой армии были объявлены вне закона. 27 ноября 1920 г. Фрунзе приказывал начальнику штаба 4-й армии Владимиру Лазаревичу *«действовать со всей решительностью и беспощадностью. Всех, без исключения, махновцев, как добровольно сдавшихся, так и захватываемых в плен, арестовывать и передать в распоряжение Особого отдела»*³⁴⁰.

Зажатые со всех сторон превосходящими силами красных, махновцы вскоре были разгромлены. Захваченные в плен бойцы Повстанческой армии в подавляющем своем большинстве были расстреляны.

В следующие месяцы расстрелы приобрели все больший размах. В Ялте чрезвычайная «тройка» под председательством

Н.М. Быстрых

³³⁷ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. К.: МАУП, 2005. С. 222.

³³⁸ Быстрых Николай Михайлович (1893–1939). Из рабочих. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Член партии большевиков с 1917 г. Во время Октябрьского переворота — начальник красногвардейской пулеметной команды в Перми, активный участник установления советской власти на Северном Урале. С мая 1918 г. председатель Оханской уездной ЧК, в дальнейшем назначен членом коллегии Вятской губернской ЧК. С мая 1919 г. — начальник ОО ВЧК 3-й армии; с июня 1920 г. — 16-й армии; с сентября 1920 г. — 6-й армии Южного фронта, с ноября 1920 г. — начальник ОО Крымской губернской ЧК; с января 1921 г. — начальник ОО Харьковского военного округа. В дальнейшем начальник Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. Репрессирован. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

³³⁹ Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 94.

³⁴⁰ История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). С. 326.

И.М. Данишевский.
Фото предоставлено
А.Г. Тепляковым

и при участии Эрнста Удриса³⁴¹ вынесла постановления о расстреле: 7 декабря 1920 г. — 315 человек; 10 декабря — 203; 22 декабря — 22; 4 января 1921 г. — 20 и 58 человек³⁴². «Тройка» под председательством Ивана Данишевского³⁴³ приговорила к смерти в Керчи: 6 декабря 1920 г. — 174 человека; 7 декабря — 283; 9 декабря — 76; 14 декабря — 76; в Феодосии: 3 декабря 1920 г. — 13 человек; 4 декабря — 287; 5 декабря — 43 и 40; 13 декабря — 32; 30 декабря — 112 человек; в Симферополе: 27 января 1921 г. — 10 человек³⁴⁴.

Ранее, 26 ноября 1920 г., Данишевский сообщал Е. Евдокимову:

«Сегодня на ст[аниции] Джанкой мною задержано 414 офицеров. Из них 14 расстреляно, 400, за неимением вооруженной силы для операции [по расстрелу]... направляю [в] Керчь... Особпунктом N 1 расстреляно 45 офицеров». Тому

же адресату 27 ноября он сообщал из района Феодосии: *«Задержано, приговорено за сутки 273 белогвардейца, из них: 5 генералов, 51 полковник, 10 подполковников, 17 капитанов, 23 штабс-капитана, 43 поручика, 84 подпоручика, 24 чиновника, 12 чинов полиции, 4 пристава. Положение района... катастрофическое, особорганы частью отсутствуют, частью весьма подозрительны [по] своему составу... нет даже вооруженной силы для... исполнения приговоров».* 29 ноября Данишевский отчитался перед Евдокимовым, что в Феодосии за последние сутки *«задержано, приговорено [к] расстрелу 136 контрреволюционеров, из них: 27 полковников, 4 подполковника, 8 капитанов, 14 поручиков, 37 подпоручиков, 6 чиновенвремени, 2 гос-*

³⁴¹ Удрис Эрнст Мартынович (1894–1938). Член партии большевиков с 1914 г. Весной 1915 г., уклоняясь от мобилизации, ранил себя в левую руку, за что был арестован и предан военному суду. Затем служил в 6-м Латышском полку, член полкового комитета, проводил пораженческую агитацию (6-й полк первым на Западном фронте начал братание с немцами и первым отказался от атак немецких позиций). После Октябрьского переворота участвовал в организации отряда для охраны Смольного, разгоне Учредительного Собрания. В 1918–1919 гг. — следователь, комиссар ВЧК, отвечал за проведение обысков и арестов. В декабре 1920 — январе 1921 г. — член, председатель Чрезвычайной тройки Крымской ударной группы Управления Особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов. В 1921–1922 гг. — сотрудник Особого отдела ВЧК, затем — уполномоченный Иностранного отдела ВЧК-ГПУ. С 1924 г. — помощник прокурора при Верховном суде РСФСР. В 1927–1934 гг. — член Верховного суда РСФСР, с 1934 г. — председатель Верховного суда Узбекской ССР. Репрессирован.

³⁴² Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 117.

³⁴³ Данишевский Иван Михайлович (1897–1979). Из семьи приказчика. Окончил гимназию, поступил в Харьковский университет (1916). Участвовал в революционном движении, вел антивоенную агитацию. Член партии левых эсеров. С июля 1917 г. участвовал в организации Красной гвардии в Харькове. После Октябрьского переворота в составе 1-го Харьковского пролетарского полка сражался против атамана Каледины. Член партии большевиков с 1919 г. С осени 1919 г. — заместитель начальника информации Особого отдела ВЧК. С декабря 1919 по сентябрь 1920 г. — член РВС Украинской трудовой армии, заместитель наркома труда УССР, глава Всеукраинского наркомтруда. В дальнейшем — в органах ВЧК. Начальник ОО 13-й армии Южного фронта. С ноября 1920 по январь 1921 г. — член Крымской ударной группы ОО ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов. С марта 1921 г. — начальник ОО Харьковского военного округа, с июня особоуполномоченный ВЧК в Закавказье. С осени 1921 г. — на советской работе. Учился в Военно-воздушной академии РККА (1930). В августе 1938 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания. Помилован. До сентября 1952 г. отбывал заключение на Колыме. В сентябре 1955 г. реабилитирован.

³⁴⁴ Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 97

стражи, 1 пристав, 1 вахмистр, 31 бежавших [с] севера». 30 ноября Данишевский сообщал о своем прибытии в Керчь и о расстреле 44 человек. Таким образом, на основании лишь известных документов доказываемся уничтожение по инициативе Данишевского не менее 2000 человек³⁴⁵.

Практически сразу террор перекинулся на мирное население. Уничтожались дворяне, врачи, медсестры, учителя, инженеры, юристы, предприниматели, журналисты, студенты.

Жертвами репрессий стали и такие известные люди, как управляющий Таврической казенной палатой, экономист и финансист Александр Барт; бывший министр продовольствия, торговли и промышленности второго краевого правительства Александр Стевен; заместитель министра юстиции России Илья Ильяшенко; уполномоченный Комитета призрения и Всероссийского Общества Красного Креста Иван Бич-Лубенский, потомки знатных дворянских родов — князей Трубецких и Барятинских. По мнению поэта Максимилиана Волошина, из каждых трех крымских интеллигентов погибло двое³⁴⁶.

Расстреливались также рабочие — те, во имя которых большевики делали революцию и проводили в жизнь свои декреты. Так, железнодорожников, ушедших из Курска вместе с отступающими частями Добровольческой армии и обосновавшихся в походном лагере неподалеку от Феодосии, в ночь с 19 на 20 ноября 1920 г. вывели вместе с семьями на мыс Св. Ильи и там расстреляли³⁴⁷. По данным, приведенным историком С. Мельгуновым, в Севастополе казнили около 500 портовых рабочих, обеспечивавших погрузку на корабли врангелевских войск³⁴⁸.

Не избежали страшной участи и многие православные пастыри. После эвакуации белых в Крыму осталась значительная часть духовенства, как местного, так и прибывшего на полуостров вместе с потоками беженцев в ходе Гражданской войны. С началом террора многие из этих церковнослужителей оказались среди арестованных и приговоренных к расстрелу. Так, 4 декабря 1920 г. в Феодосии постановлением «тройки» Особого отдела ВЧК 13-й армии по обвинению в «активной помощи контрреволюции в ее борьбе за свержение власти пролетариата» к расстрелу были приговорены священники Виктор Толковид и Алексей Родионов³⁴⁹; 16 декабря 1920 г. за «произнесение в храме проповедей, направленных на дискредитацию советской власти» феодосийской ЧК был расстрелян священник Екатерининской церкви села Сарыгол протоиерей Андрей Косовский³⁵⁰, в 2000 г. он был прославлен в чине священномученика. 25 декабря 1920 г. в Фео-

³⁴⁵ Тепляков А.Г. Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // <http://rusk.ru/st.php?idar=57915>

³⁴⁶ Ишин А.В. Крым в 1921 году: трагедия военного коммунизма // Крымские известия, №238 (3957), 26 декабря 2007 // <http://www-ki-old.rada.crimea.ua/nomera/2007/238/krym.html>; Соколов Д.В. Убийство крымской интеллигенции // Первая Крымская, №23 (299), 20–26 июня 2008.

³⁴⁷ Гончаренко О.Г. Тайны Белого движения. Победы и поражения. 1918–1920 гг. М.: Вече, 2004. С. 327.

³⁴⁸ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 116.

³⁴⁹ Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 336, 338.

³⁵⁰ Протоиерей Николай Доненко. Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович. Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. Феодосия; М.: Коктебель, 2005. С. 23.

досии военно-революционный трибунал 4-й армии при 3-й стрелковой дивизии за симпатии к белым приговорил к высшей мере наказания священника Георгия Русаневича³⁵¹.

Аналогичная участь постигла последнего директора алушкинской климатической колонии для учителей церковно-приходских школ протоиерея Константина Аггеева. 2 января 1921 г. священника приговорили к расстрелу. 5 января 1921 г. в Евпатории «за публичное осуждение репрессий» расстрелян 72-летний священник Владимир Славостников³⁵². Несколькими месяцами позже, 9 апреля 1921 г., ОО Побережья Черноозморей «за антисоветскую агитацию» в Евпатории к расстрелу был приговорен еще один пастырь — священник при лазарете Петр Кудринский³⁵³.

13 февраля 1921 г. в Бахчисарае по обвинению в угрозе физической расправой председателю местного революционного комитета был арестован священник Иоанн Спано. Арест священнослужителя вызвал многочисленные протесты со стороны населения. Ежедневно в Особый отдел приходили толпы людей и требовали освобождения арестованного. Несмотря на это, 12 марта 1921 г. «тройка» Особого отдела ВЧК 4-й армии вынесла постановление, согласно которому отец Иоанн и вступившиеся за него члены церковного совета Владимир и Спиридон Канаки подлежали расстрелу³⁵⁴. Известны примеры, когда священник не подвергался аресту, а репрессировались члены его семьи. Так, в числе расстрелянных в окрестностях Ялты был сын настоятеля храма Воскресения Христова в Форосе протоиерея Павла Ундольского Василий³⁵⁵.

Расправы едва избежал настоятель алуштинской церкви протоиерей Петр Сербинов. Арестованный в марте 1921 г., священник был отпущен на волю благодаря заступничеству многих алуштинцев (среди которых были не только православные, но также иудеи и мусульмане)³⁵⁶.

Осуществляя террор, чекисты не щадили даже инвалидов, детей и беременных женщин.

Трагична судьба 15-летней Марии Курбатской. Уроженка с. Высокощепинцы Черниговской губернии, с 1919 г. она работала санитаркой в госпитале Красного креста, ухаживая за ранеными и тяжело больными бойцами. После прихода красных продолжала исполнять свой долг сестры милосердия. Последним ее местом работы стал госпиталь 91-го полка 2-й Конной армии. Именно там 25 ноября 1920 г. Курбатская была арестована по подозрению в выдаче белым советских подпольщиков и, несмотря на отсутствие доказательств и решительное отрицание своей вины, 2 декабря 1920 г. приговорена к расстрелу. Приговор

³⁵¹ Протоиерей Николай Доненко. Наследники царства, кн. 2. С. 33–35.

³⁵² Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 442.

³⁵³ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Кн. 3. Симферополь: АнтикаВА, 2007. С. 267.

³⁵⁴ Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 449–450.

³⁵⁵ Фирсов П.П. Форос глазами Николая Ундольского. Севастополь: Арт-принт, 2008. С. 93–94.

³⁵⁶ Соколов Д.В. Оскудение верой. Таврическая епархия в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.); Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. С. 278–282.

был приведен в исполнение в тот же день. Сохранился рапорт исполнителя, красноармейца Рубежова, составленный им на имя начальника политштаба 2-й Конной армии:

*«Доношу согласно вашего личного указания о расстреле М. Курбатской что мною Курбатскую расстреляно в 23 ч. 50 мин. 2.XII-20. Красноармеец Рубежов»*³⁵⁷.

Еще один вопиющий пример беззакония — убийство 73-летней княгини Надежды Барятинской. Известная ялтинская благотворительница, Надежда Александровна построила на свои средства гимназию, финансировала Красный Крест, содержала первую в России лечебницу для больных туберкулезом. Но эти заслуги нисколько не интересовали «строителей нового общества». Верные сыновья взрастившей их партии, они выносили смертные приговоры только на основании принадлежности к «эксплуататорским классам». Парализованную, много лет не встающую с инвалидного кресла княгиню убили вместе с ее беременной дочерью.

Тюремный архипелаг

Наличие огромного числа арестованных поставило перед властями вопрос об организации в кратчайшие сроки системы мест заключения (концентрационных лагерей). Первые из них начали создаваться сразу же после ликвидации Южного фронта. В подавляющем большинстве они просуществовали недолго: от нескольких недель до нескольких месяцев. Объяснялось это тем, что созданные на полуострове места содержания арестованных не предназначались для перевоспитания или отбытия наказания, а выступали в роли своеобразных перевалочных пунктов, откуда людей частью везли этапом на север, частью — вели на расстрел.

Как и в других регионах страны, под места предварительного заключения в Крыму наскоро приспособляли монастыри, складские помещения, казармы, подвалы. В отдельных случаях для изоляции «вражеских элементов» использовались целые городские кварталы. Так, в Севастополе Особый отдел 51-й армии и вскоре пришедший ему на смену Особый отдел 46-й дивизии заняли *«три четверти городского квартала, ограниченного Екатерининской и Пушкинской улицами, между Вокзальным и Трамвайным спусками»*. Эта территория одновременно стала использоваться и в качестве концентрационного лагеря. Яркое описание и некоторые особенности функционирования этого лагеря, приводит в своих воспоминаниях очевидец — А. Сапожников:

«Подвальные окна и часть окон первых этажей были забиты, заборы внутри квартала разобраны — получился большой двор. Кроме того, по периметру заня-

³⁵⁷ ЦГАООУ. N8193фп. Орфография и пунктуация оригинала сохранены. Документ выявлен киевским исследователем Л. М. Абраменко и опубликован им в кн.: Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. (К., 2005.) С. 435.

тых зданий тротуары были отделены от мостовой двух-трех метровым проводочным заграждением и представляли собой такие загоны.

Вот сюда и привели этих несколько тысяч несчастных, на что-то еще надевавшихся. Конечно, они были «бывшими», но совершенно безобидными, наивными и беспомощными. Непримируемые, ведь очевидно, что ушли с Врангелем. А эти оставшиеся могли бы еще долго жить да жить на родной земле, могли честно ей служить и приносить пользу. Но, нет, — им была уготована другая доля.

Первую ночь и день они стояли в загонах и дворах, как сельди в бочке — я это видел собственными глазами, потом в течение двух дней их... не стало, и проводочную изгородь сняли»³⁵⁸.

В Севастополе этот концлагерь не был единственным местом временного содержания арестованных, организованным красными осенью 1920 г.

Вырвавшийся из Крыма в разгар красного террора и вынужденный до самой кончины скрывать свое прошлое офицер Русской армии Борис Трофимов незадолго перед смертью (умер он в 1973 г.) оставил свидетельство, рассказывающее о собственном аресте и пребывании в заключении:

«Меня привели в одноэтажную казарму на Малаховом кургане с небольшими, похожими на бойницы окнами. Снаружи нас встретил часовой, и я подумал, как быстро большевики организовали охрану арестованных. Помещение, в которое я попал, походило на манеж. Там уже сидело человек сто. Все они были одеты в военную форму. Некоторые офицеры не успели снять погоны. На пустых снарядных ящиках расположились раненые»³⁵⁹.

Обезоружив конвоира, Трофимов совершил побег и благополучно выбрался с полуострова. Не будет преувеличением написать, что подобный счастливый исход являл собой пускай и не редкое, но все же завидное исключение. Покорно дожидаясь собственной участи, многие арестованные вскоре устали своими телами овраги и расстрельные ямы.

Еще один концлагерь в Севастополе, просуществовавший до августа 1921 г., был создан на территории Херсонесского Свято-Владимирского монастыря. К апрелю 1921 г. здесь содержалось 150 человек³⁶⁰.

Большую территорию занимали места заключения и временного содержания арестованных в Феодосии. Здесь концентрационный лагерь устроили в бывших казармах Виленского полка. Сюда «сотнями и тысячами доставлялись люди, прошедшие через анкетные комиссии, революционные тройки, агентурные пункты, комендатуры чека и Особые отделы». В городе «на каждом шагу тротуары были перегорожены колючей проволокой: в защищаемых ею домах находились особые отделы и чека. Под застенки были заняты лучшие особняки, выходившие окнами на море, — большинство дач, начиная с виллы, примыкавшей к дому Лампси, где

³⁵⁸ Сапожников А. Крым осенью 1920 г. // Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма. С. 605.

³⁵⁹ Трофимов Б.А. Обратный путь через Сиваш // http://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/05/01/obratnyj_put_cherez_sevash/

³⁶⁰ Островская И. Под грифом секретно. К 90-летию окончания Гражданской войны на юге России // СЕВА-2010 (Севастопольский ежегодный визит-альманах). Севастополь: Вебер. С. 638–647.

Крым. 1920 г. Худ. Д. Шмарин

помещалась галерея имени Айвазовского. В верхних этажах размещались разные комендатуры, жилые помещения чекистов, службы, а в подвалах, построенных когда-то для домашних надобностей или для хранения вина, низких и темных, — сидели жертвы»³⁶¹.

«Целые армии в подвалах ждали, — записал в своей книге И. Шмелев. — Юных, зрелых и старых — с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских, в стенах российских. Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали»³⁶².

Условия содержания в некоторых местах заключения были просто чудовищными. В Ялте, где схваченных людей разместили в подвалах нескольких зданий в центре города, узники одной из таких импровизированных тюрем стояли по колено в ледяной воде. Прозванный «аквариумом», этот подвал считался одним из самых ужасных³⁶³.

Типичную картину жизни арестантов в советской неволе рисуют скупые строки воспоминаний литературоведа, экономиста и публициста, редактора газеты «Русские ведомости» Владимира Розенберга:

«Арестован и попал в подвал. Пробыл 6 дней. Нельзя было лечь. Не кормили совсем. Воду один раз в день. Мужчины и женщины вместе. Передач не допускали.

³⁶¹ Алексеев Н. Крым Бэла Куна // Красный террор на Юге России. С. 355.

³⁶² Шмелев И.С. Указ. соч. С. 55.

³⁶³ Галиченко А.А. В закатной славе века // Галиченко А.А., Абраменко Л.М. Под сенью Ай-Петри: Ялта в омуте истории, 1920–1921 годы: Очерки, воспоминания, документы. Феодосия, М.: Коктебель, 2006. С. 17.

Стреляли холостыми в толпу родственников. Однажды привели столько офицеров, что нельзя было даже стоять, открыли дверь в коридор. Потом пачками стали расстреливать»³⁶⁴.

Похоже, но более детально о собственном пребывании в заточении рассказывает дочь царского генерала Мария Квашнина-Самарина:

«...спать надо было на земляном полу, а сидеть на узких бревнах, которые употреблялись для подставок под бочки с вином. Для естественных надобностей имелось одно ведро, которое позволяли выносить в сопровождении часовых два раза: утром и вечером. Для многочисленного состава арестованных ведро было очень маленьким сосудом, и потому часто раздавались умоляющие голоса дежурных: «Товарищи, воздержитесь!» Среди арестованных мужчин нас было только четыре женщины, а для меня не казалась странной совместная жизнь, как будто бы совсем исчезла стыдливость и все рамки условности. Все мои понятия о приличиях как будто совсем исчезли перед чем-то важным, не похожим на нашу прежнюю жизнь с ее законами, устоями и понятиями. Кипяток для чая и еду нам приносили родные, которые передавали ее часовым, и мы в щель тяжелых ворот подвала видели их грустные встревоженные лица. <...> Условия подвальной жизни были тяжелыми. Нельзя было даже лицо освежить холодной водой, которой не было. Снять пальто из-за температуры подвала мы тоже не имели возможности»³⁶⁵.

Скверные условия содержания, антисанитария и высокая скученность не были единственными источниками страданий и бед заключенных.

Лишенные элементарных прав и возможностей, испытывающие чувство непрестанного страха, узники становились объектами систематических издевательств тюремной охраны. Упиваясь собственной безнаказанностью, чекисты и конвоиры подвергали свои жертвы различным унижительным процедурам.

«Раз заставили нескольких человек чистить во дворе отхожее место. Не дали ни ведра, ни лопаты. Под угрозой побоев пришлось выгребать руками»³⁶⁶. Среди арестантов отбирали красивых и молодых женщин и принуждали их выполнять самую грязную, а зачастую и унижительную работу. При этом несчастные нередко становились объектами сексуального домогательства. Жаждавшие удовлетворить свою похоть конвойные и следователи принуждали понравившихся им узниц к сожительству, используя для этого разные способы — от обещаний освобождения и словесных угроз до прямого насилия. Упомянутая выше М. Квашнина-Самарина описывает некоторые приемы чекистского «обольщения», которые она испытала на собственном опыте:

«Как-то раз ночью меня вызвали из подвала два часовых. Когда я их спросила, для чего они меня вызвали, они ответили: “Ты должна нас обоих удовлетворить”. Мне эти слова показались так дики, что я сначала не поняла их смысла и спросила: “Как я вас должна удовлетворить?” Они ответили: “Небось с добровольцами гуляла, а с нами не хочешь!” — “Мерзавцы, — сказала я, — лучше меня

³⁶⁴ Розенберг В.А. В Крыму, 1920 г. // Красный террор глазами очевидцев. С. 210.

³⁶⁵ Квашнина-Самарина М.Н. В красном Крыму // Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. С. 240.

³⁶⁶ Алексеев Н. Указ. соч. С. 379.

убейте!” Они меня поставили к стенке и навели ружья на меня. Я живо помню эти минуты. Вокруг тихая лунная ночь, а на горе в нашей даче мне представилась мама, которая спокойно спит в своей кровати и, к счастью, не знает, что меня убьют. И я сказала: “Ну, стреляйте скорее!” Они бросили свои ружья и втолкнули меня обратно в подвал. Там со мной началась нервная дрожь, и Ростислав Ростиславович Капнист и Федя Стэвен стали меня успокаивать и целовать. Ростислав Ростиславович мне сказал: “Дорогая, не бойтесь, если женщина не хочет, то мужчина не может с нею ничего плохого сделать!” Вскоре после этого случая меня опять вызвали из подвала и послали убирать дачу Кусковых, где тоже помещался отряд солдат. Там солдат, когда я вошла в комнату, запер за мной дверь, заставил ее оттоманкой и приказал мне: “Ложись на кровать!” Я спокойно ему ответила: “Не лягу!” Тогда он стал меня бить плеткой, приговаривая: “Заставлю тебя лечь!” Я не помню, долго ли он меня бил, но я от нервного состояния не чувствовала боли и была совершенно спокойна, помня слова Ростислава Ростиславовича. Через некоторое время раздался стук в дверь и послышался голос: “Здесь ли уборщица? Она мне нужна”. Солдату пришлось отодвинуть оттоманку и открыть дверь. “Хорошо, что я вас спас, — сказал мой спаситель, — я так и знал, что он задумал гадкое”³⁶⁷.

Наряду с лагерями и тюрьмами, расположенными в черте города, в 1920–1921 гг. на территории полуострова действовали и полевые лагеря, размещавшиеся под Керчью, Бахчисараем и Джанкоем и находившиеся в ведении особых отделов. Сюда направляли тех бывших врангелевцев, кому посчастливилось пройти через сито фильтрации и поступить на службу в Красную армию. Продержав какое-то время в лагере, заключенных... расстреливали по причине отсутствия продовольствия и нехватки солдат для охраны³⁶⁸.

Свой концентрационный лагерь, вмещавший до 700 человек, имелся в распоряжении Крымревкома³⁶⁹.

Помимо специально приспособленных под места изоляции строений и помещений, для содержания арестованных активно использовались и изначально предназначенные для этого тюрьмы. Так, согласно именному списку арестованных Севастопольского исправительного дома за 1921 г., хранящемуся в Государственном архиве г. Севастополя, в сентябре 1921 г. в заключении содержалось 108³⁷⁰ человек, трое из которых 22–23 сентября 1921 г. были отпущены на свободу, а напротив фамилии одного заключенного проставлено: «находит.<ся> на изл.<ечения> <в> госпита<ле>»³⁷¹.

Приведенные данные о численности узников не могут быть полными, поскольку отсутствуют списки за предыдущие месяцы, в особенности за период с

³⁶⁷ Квашина-Самарина М.Н. Указ. соч. С. 242–243

³⁶⁸ Бобков А. Красный террор в Крыму. 1920–1921 годы // <http://rusk.ru/st.php?idar=420877>

³⁶⁹ Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: АРИАЛ, 2012. С. 228

³⁷⁰ Правильно — 107, поскольку в документе пропущена строчка за номером 66.

³⁷¹ ГКУ АГС Ф. №Р-243, оп. 1, д. №9, л. 1.

ноября 1920 по март 1921 г. — время, когда аресты и казни имели наибольший размах³⁷².

Кровавые будни

Террор сопровождался мощной пропагандистской кампанией. В местной печати публиковались сообщения о расстрелах, имена некоторых жертв, материалы о деятельности ЧК и особых отделов. Не были чужды графомании и сами чекисты.

Так, уже 30 ноября 1920 г. в газете «Красный Крым» опубликовали статью начальника ОО ВЧК 6-й армии Н. Быстрых, которая называлась «По заслугам» и повествовала о том, кого расстреляли по его приказу. 5 декабря в той же газете была помещена программная статья «Белый и красный террор», написанная неким Марголиным. В ней содержались следующие строки:

«Беспощадным мечом красного террора мы пройдем по всему Крыму и очистим его от всех палачей, поработителей, мучителей рабочего класса. Но он должен быть разумным и не повторять ошибок прошлого. Мы были слишком великодушны после октябрьского переворота. Мы, научены горьким опытом, уже теперь великодушничать не станем. В освобожденном Крыму еще слишком осталось белогвардейщины. <...> Мы отнимем у них возможность мешать строить нашу жизнь. Красный террор достигает цели, потому что действует против класса, обреченного самой судьбой на смерть, он ускоряет его погибель, он приближает час его смерти! Мы переходим в наступление!»³⁷³

Источники позволяют утверждать, что, по меньшей мере, до марта 1921 г. ведущей линией властей и карательных органов в процессе осуществления массового террора было выявление как можно большего количества новых «врагов».

Для этого практиковались самые разнообразные методы — от организации облав до поощрения доносительства. Весьма показателен приказ Крымревкома №192 от 3 января 1921 г. «Об оказании помощи Крымской чрезвычайной комиссии в борьбе с остатками контрреволюции», призывавший крымчан «исполнить свой гражданский долг» и сообщать чекистам «всякие сведения о скрывающихся белогвардейцах, контрреволюционерах и примазавшихся к Советской власти, пролезших в советские учреждения»³⁷⁴.

И надо сказать, что некоторые жители полуострова с готовностью откликались на эти призывы. Так, княгиню Надежду Барятинскую арестовали по заявлению некоего Александра Григорьева³⁷⁵. Не будь этого доноса — кто знает, возможно, княгиня и ее близкие остались бы живы.

Немало людей попали в поле зрения ЧК в результате ареста их близких. Оформляя протоколы допросов, следователи обязательно ставили один из наибо-

³⁷² Соколов Д.В. Зародыш ГУЛАГа. Организация и функционирование мест временного содержания и заключения в процессе осуществления красного террора в Крыму 1920–1921 гг. // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо», 2 декабря 2012 // <http://kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=7355>

³⁷³ Цит. по: Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). С. 125.

³⁷⁴ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. С. 45.

³⁷⁵ Абраменко Л.М. Указ. соч. С. 390.

лее болезненных для арестованных вопросов: «где проживают ваши родные?»³⁷⁶ Тем самым «вершители революционного правосудия» хотели сделать свои жертвы полностью беззащитными, причинить им дополнительные страдания. Когда этих несчастных расстреливали, приходил черед их семей. Родственников репрессированных частью арестовывали и тоже расстреливали, частью — высылали из Крыма, либо присуждали к отбытию наказания в северных лагерях. Последнее особенно часто стало практиковаться начиная с весны 1921 г., когда основная масса «врагов» была уничтожена и чекисты стали проявлять некоторую «разборчивость» в рассмотрении дел и вынесении приговоров.

Однако и присужденные к отправке в концлагерь, как правило, также являлись потенциальными смертниками. В места заключения, располагавшиеся за пределами полуострова, узников гнали пешком, полураздетыми и голодными. Как следствие, в дороге многие приговоренные умирали от истощения, холода и усталости.

Еще одной причиной массовой гибели являлись действия конвоиров, которым было значительно проще расстрелять весь этап в степи, списав потерю на тиф, нежели доставлять арестантов за сотни километров в Харьков или Рязань (именно там находились ближайшие концентрационные лагеря). Самоchinные расстрелы производились и в случае, если кому-то из узников удавалось бежать.

Иллюстрацией вышесказанному служит свидетельство М. Квашниной-Самариной. Приговоренная к 5 годам заключения в Рязанском концлагере, в составе партии узников численностью около 100 человек она отправилась по этапу. Однако ни ей, ни остальным осужденным до места отбывания наказания добраться было не суждено.

«После десятидневного пути, — вспоминала впоследствии Мария Николаевна, — мы подошли к Джанкою. Многие из отряда объявили конвою, что не могут двигаться дальше и сели посреди грязной площади. Мы с Марусей Бразоль тоже опустились на землю, чувствуя, что не в силах двигаться дальше. Тогда конвойные вызвали врачебную комиссию. Подойдя ко мне, врач послушал мой пульс и объявил, что не могу идти, и велел отправить меня в больницу. Такое же решение было и для Маруси Бразоль. Оказалось, что только нас с Марусей оставили в Джанкое, а остальных повели дальше. По слухам, никто из этой партии не дошел до Рязани. Кто умер сам, а кого расстреляли, объясняя расстрел якобы побегами арестованных. Я ж думаю, что конвою просто надоело такое путешествие утомительное, и они решили его прекратить»³⁷⁷.

Те родственники репрессированных, кому посчастливилось избежать ареста и высылки, продолжали оставаться объектом пристального внимания со стороны карательных органов и в будущем также подвергались преследованиям.

Для массовых казней чекисты, как правило, избирали места на окраинах городов, относительно удаленные от посторонних глаз. В Севастополе расстрелы про-

³⁷⁶ Вронська Т. Указ. соч. С. 82.

³⁷⁷ Квашнина-Самарина М.Н. Указ. соч. С. 247.

Чин освящения закладки поклонного камня в районе Максимовой дачи — места, где в 1920–1921 гг. происходили массовые расстрелы пленных офицеров и солдат Белой армии, гражданских лиц. Впоследствии на этом месте будет установлен памятный крест. Севастополь, ноябрь 1995

исходили в районе Максимовой дачи (усадьбы севастопольского градоначальника Алексея Максимова).

По свидетельствам современников, сюда привозили на грузовиках все новые и новые партии смертников и под покровом ночи казнили. Чаще всего расстрелы происходили у каменной стены рядом с прямоугольным бассейном парка. После тела убитых складывали на подводы и хоронили в окрестных оврагах.

После казни палачи-красноармейцы часто заходили к главному виноделу Максимова, Аверьяну Костенко, и просили у него вина. Ночью, когда все затихало, из комнат, где спали красноармейцы, слышались крики, команды и вопли. Как-то один из палачей поведал Костенко, что однажды вместе с группой офицеров они казнили одного из сыновей Максимова. Перед смертью бывший хозяин хутора страшно ругался. Его возмущало, что убивают на собственной даче, и он даже бросил в расстрельную команду камнем³⁷⁸.

Массовые расстрелы в Севастополе также происходили на территории современного Херсонесского заповедника, городском, Английском и Французском кладбищах. В Феодосии расправы совершались на мысе Св. Ильи, Карантине, Чумной и Лысой горах; в Симферополе — в усадьбе Крымтаева (ныне затоплена водами Симферопольского водохранилища), районе

«Крест примирения» в окрестностях Максимовой дачи, поставленный в память о жертвах Гражданской войны и террора. Севастополь, март 2011

³⁷⁸ Чикин А.М. Указ. соч. С. 113

Часовня чудотворной иконы Знамение Пресвятой Богородицы Курской-Коренной, воздвигнутая в память о жертвах красного террора в Ялте 1920–1921 гг. Июль 2008

еврейского кладбища и за железнодорожным вокзалом; в Алупке — в районе т.н. «убитого места» — на опушке леса возле бассейна Шаан-Канского водопровода. Тела расстрелянных сбрасывали в этот бассейн, но не спешили предать останки земле: изголодавшиеся собаки терзали тела.³⁷⁹

Массовые убийства происходили и непосредственно на территории мест заключения. В Феодосии, в приспособленных под концлагерь казармах Виленского полка, помещение, где расстреливали арестованных, располагалось прямо под лазаретом³⁸⁰.

«Часто ночью раздавалась команда: «Рота, встать!» — и комбат вызывал по фамилиям приговоренных к расстрелу, которых тотчас же выводили»³⁸¹.

Войдя в доверие к коменданту, одна из сестер милосердия попыталась воткнуть в него шприц с ядом, но неудачно... несчастная была убита на месте, а тело ее выброшено в уборную.

Наиболее известным ныне местом расстрелов и одновременно одним из символов Крымской трагедии является бывшая усадьба ялтинского нотариуса Алексея Фролова-Багреева (расстрелянного здесь же вместе с супругой) — Багреевка. Расположенное у подножия горы Ай-Петри имение Фролова-Багреева стало единой братской могилой для сотен людей. Каждую ночь жители Ялты с ужасом наблюдали, как через весь город чекисты ведут на убой очередную партию жертв.

Подгоняемые прикладами конвоиров, раздетые и босые, приговоренные к смерти начинали восхождение на собственную Голгофу. Ступая по забирающей

³⁷⁹ Ковалевская Н.А. Молодежь в горниле «окаянных дней» // В поисках утраченного единства: Сборник статей. Симферополь: Крымский архив, 2005. С. 79. Ее же. Из воспоминаний старожилы Алупки // Красный террор на Юге России. С. 517.

³⁸⁰ Квашина-Самарина М.Н. Указ. соч. С. 245

³⁸¹ Указ. соч. С. 244.

высоко в гору грунтовой дороге, ведомые на расстрел срывали с себя медальоны и нателные крестики, после чего бросали их под ноги, в надежде, что по этим следам родные и близкие смогут найти их могилы...

Гремели ружейные залпы, и люди, словно подкошенные, падали наземь. Как и в окрестностях Алупки, трупы казненных сваливали в парковый бассейн. Сотни тел вытеснили из него воду, а яму регулярно присыпали землей. Однако дожди и грунтовые воды помешали чекистам надежно сокрыть следы преступления. Окрашенная кровью вода просочилась сквозь почву и хлынула вниз, к дороге Ялта — Учан-Су. Чтобы предотвратить опасность эпидемии, в Багреевку пришлось везти подводы с хлоркой, которой стали засыпать и обеззараживать стоки.

Именно там, у подножья Ай-Петри, вместе с другими несчастными встретили свой конец княгиня Н.Барятинская и ее дочь Ирина. Княгиню, не могущую передвигаться самостоятельно, к месту расстрела несли на руках.

Осенью 2005 г. по благословению митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря в Багреевке было начато сооружение памятника-часовни. Воздвигнутая на средства потомков и родственников безвинно погибших, часовня в Багреевке является символом покаяния и одновременно служит предостережением современникам и будущим поколениям.

Памятные кресты жертвам крымских расстрелов 1920–1921 гг. воздвигнуты в Севастополе (по дороге к Максимовой даче), Алупке, Керчи, Феодосии. В Центральном парке Симферополя в память о жертвах политического террора, войн и голода в XX столетии осенью 2007 г. установлен поклонный камень.

17 ноября 2013 г., в рамках проведения памятных мероприятий по случаю 93-летия Исхода Русской армии из Крыма, в Севастополе на Графской пристани благочинный Севастопольского округа протоиерей Сергей Халюта в сослужении духовенства отслужил панихиду по убиенным в Гражданской войне и окончившим жизнь на чужбине русским людям. В тот же день в районе Максимовой дачи совершили чин освящения на месте будущего строительства храма Новомучеников и Исповедников Российских, а также мемориального комплекса, посвященного событиям Гражданской войны и террора.

Но все же процесс осмысления трагедии прошлого, преодоления последствий десятилетий безбожия, увековечивания памяти погибших в годы российского лихолетья идет слишком медленно. Слишком много людей и доньше с ностальгией вспоминают о советском периоде, пытаются оправдывать или замалчивать страшные преступления, совершенные большевистским режимом по всей России и на Крымской земле. Однако больше всего удручает огромное число равнодушных. Многим из ныне живущих попросту неинтересны события предшествующих десятилетий. Но истинно: лишенные исторической памяти и воли к покаянию люди не могут быть гарантированы от повторения подобных несчастий в настоящем и будущем...

Несмотря на то, что в ходе красного террора в Крыму в начале 1920-х гг. расстрел оставался наиболее часто практикуемым способом лишения жизни, «вершители революционного правосудия» не ограничивались им. Так, согласно сообщению берлинской газеты «Руль», основанном на показаниях очевидцев, помимо того, что партии приговоренных «в 200–300–500 человек расстреливались пачками

Поклонный камень в Симферополе в память о жертвах политического террора и репрессий, голода и войн в XX веке. Октябрь 2009

из пулеметов», несчастные также «зверски умерщвлялись буденовцами, практиковавшимися в рубке... На месте страшных расправ чекисты при свете факелов торопливо делили содранное со своих жертв обмундирование»³⁸². Нередко убийствам предшествовали пытки³⁸³. Известны также свидетельства о повешениях, закапывании в землю живьем, утоплении. Последнее применялось не только как способ умерщвления, но и как способ избавления от тел. Так, в одном из своих выпусков за 1992 г. газета «Слава Севастополя» опубликовала выдержку из письма, поступившего в редакцию от жительницы города И. Квятковской: «Мне 90 лет, — писала Квятковская, — я потомственная уроженка Севастополя (от прадеда, участника обороны Севастополя 1854–1855 гг.): сама очевидец всех этих событий. <...> Помню: как долго мертвецы всплывали к берегам бухты, как еще долго севастопольцы не ловили и не ели рыбу»³⁸⁴. То же происходило в Керчи. Здесь партии смертников возили на баржах в море и топили. Это называлось «устроить десант на Кубань»³⁸⁵.

Как написал в своем докладе М. Султан-Галиев, «такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизгладимую тяжелую реакцию в сознании крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба». Отмечалось также,

³⁸² Купченко В.П. Красный террор в Феодосии // Известия Крымского республиканского краеведческого музея, №6, 1994. С. 59.

³⁸³ В Крыму после Врангеля (Рассказ очевидца). С. 60–61.

³⁸⁴ Слава Севастополя, №241 (18952), 24 декабря 1992.

³⁸⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 114.

что в Крыму «почти нет семейства, где бы кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т.д.»³⁸⁶

Ужасы идущей на полуострове чудовищной бойни, ошеломили и до глубины души потрясли М. Волошина. В течение весны-лета 1921 г. он создал цикл стихов, запечатлев в них картины насилия и убийств. Приведем одно из этих стихотворений:

Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

³⁸⁶ Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. С. 86.

Несмотря на террор, сторонники «диктатуры пролетариата» ощущали, тем не менее, непрочность своего положения. Власть большевиков в Крыму в этот период держалась исключительно на страхе и красноармейских штыках. Опора режима — военные и чекисты — жили *«отдельной семьей, не заражаясь психологией окружающей массы»*³⁸⁷.

Особенностью красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. было то, что его жертвами в большинстве своем были именно горожане. Сельские жители составляли лишь 10% от общего числа репрессированных. В основном это были те, кто служил в Белой армии³⁸⁸. В гораздо большей мере, чем от расстрелов, крестьяне страдали от продразверстки, проводившейся в фантастических цифрах. Весной 1921 г. в качестве «излишков» изымали даже посевной фонд³⁸⁹. К 1 июня 1921 г. продразверстка была выполнена на 78% по хлебу; 51,4% — по зерну; 122,6% — по крупному рогатому скоту; 102,7% — овцам; 80% — свиньям³⁹⁰.

Активно применялось взятие заложников. Последнее рассматривалось как средство борьбы против повстанцев, так называемых «бело-зеленых», — уцелевших и не сложивших оружие офицеров и солдат армии Врангеля, недовольных политикой власти крестьян и жителей городов.

К июлю 1921 г. по тюрьмам Крыма за связь с «зелеными» сидели свыше 500 заложников. Многие из них впоследствии были расстреляны. Среди казненных было немало женщин и детей. В своих показаниях на судебном процессе в Лозанне по делу об убийстве советского полпреда Вацлава Воровского очевидец А. Осокин сообщал о расстреле в апреле 1921 г. 12–13 женщин, *«главная вина которых состояла в том, что они имели родственников в горах или подали хлеба проходившим в лес, не подозревая, что они имеют дело с беглецами, принимая их за красноармейцев»*³⁹¹. Примерно в это же время в Феодосии по подозрению в связи с «зелеными» были расстреляны 3 гимназиста и 4 гимназистки в возрасте 15–16 лет³⁹².

В села, чьи жители оказывали поддержку повстанцам, направлялись «отряды по борьбе с бандитизмом», осуществлявшие обыски, аресты и показательные расправы над лицами, заподозренными в оказании помощи «бело-зеленым». Нередко под видом «борьбы с бандитизмом» работники советских карательных органов сами занимались разбоями и грабежами.

Террор в Крыму достиг своего апогея в период с конца ноября 1920 г. по март 1921 г., затем пошел на спад. Точное количество жертв этой трагедии едва ли когда-нибудь будет известно. Называются разные цифры: 12, 20, 50, 70, 80, 120, 150 тыс.

³⁸⁷ Ишин А.В. Об особенностях социокультурной деструкции в развитии Крыма начала 1920-х годов // Таврійські студії. Історія, №2. 2012 // http://archive.nbuv.gov.ua/e-journals/tavst/2012_2/pdf/10.pdf

³⁸⁸ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга первая. Симферополь: Магистр, 2004. С. 12.

³⁸⁹ Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П. и др. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). Симферополь, 2003. С. 22.

³⁹⁰ Пащенко В.Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). С. 88.

³⁹¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 117.

³⁹² Указ. соч. С. 118.

человек. Неоспоримо одно: по числу убийств и по степени жестокости и организованности крымский террор 1920–1921 гг. оставил далеко позади репрессии всех прежних режимов (включая «первый» и «второй» большевизм). Даже карательные акции коммунистов конца 1920–1930-х гг. (раскулачивание, «ежовщина») на крымской земле имели, вероятно, меньший размах.

Награды палачам

«Заслуги» карателей в процессе проведения крымской «зачистки» были высоко оценены руководством. Землячку наградили орденом Красного Знамени. Вознаградили и других палачей. Приказом №1665 от 10 сентября 1921 г. заместитель командующего войсками Украины и Крыма Константин Авксентьевский за «понесенные труды при ликвидации врангелевского фронта» наградил трофейными конями Е. Евдокимова и Семена Дукельского — начальника ОО Всеукраинской ЧК по борьбе с бандитизмом³⁹³. Еще один «чистильщик» Крыма Н. Быстрых вначале удостоился благодарности Крымревкома «за энергичную деятельность»³⁹⁴, а после получил от самого Дзержинского серебряную саблю с надписью «за храбрость».

Не забывали и непосредственных исполнителей приговоров — участников расстрельных команд. В качестве поощрения их наделяли дополнительными продовольственными пайками, выдавали водку, вино. Разрешали пожить в вещах казненных — нательными крестиками, одеждой и обручальными кольцами.

По свидетельствам современников, каждый из палачей имел по 4–5 любовниц из числа жен расстрелянных, заложниц и медсестер³⁹⁵. Под страхом смерти женщин принуждали к сожительству, однако и подневольное согласие не гарантировало несчастным спасения. Время от времени убийцы обновляли свои «гаремы», расстреливая прежних сожительниц вместе с очередной партией жертв.

Для многих деятелей советского репрессивного аппарата участие в крымских расстрелах послужило важным трамплином в дальнейшей партийной, советской и чекистской карьере. Некоторые из бывших карателей впоследствии сделали себе имя в науке и творчестве.

Так, Бела Кун и Землячка до самой смерти пребывали на руководящих советских постах. И если Бела Кун в конце 1930-х гг. сам пал жертвой террора, то Розалия Самойловна окончит свои дни в почете и славе. Урна с ее прахом будет захоронена в кремлевской стене, где она покоится и доньне.

Весьма преуспели и непосредственные организаторы массового террора — ведущие сотрудники ЧК и особых отделов. Так, Е. Евдокимов, прежде чем быть

³⁹³ Шаповал Ю., Пристайко В. Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 85–86.

³⁹⁴ Брошеван В.М. Указ. соч. С. 26–27.

³⁹⁵ Бикова Т.Б. Репресії більшовиків у Криму (1920–1921 рр.) // Геноцид українського народу: історична пам'ять та політико-правова оцінка: Міжнар. наук.-теорет. конф., Київ, 25 листопада 2000 р.: Матеріали. К., Нью-Йорк: Вид-во М.П.Коць, 2003. С. 91.

расстрелянным в 1940 г. как «враг народа», удостоился четырех орденов Красного Знамени, ордена Ленина, занимал высокие должности в системе карательных органов, коммунистической партии. Председатель ялтинской «тройки» Э. Удрис (именно его резолюция о расстреле стоит на анкетах княгини Н. Барятинской и ее дочери) сделал головокружительную карьеру в органах советской юстиции: работал в прокуратуре, был членом Верховного суда РСФСР, председателем Верховного суда Узбекской ССР, преподавал в Узбекском юридическом институте. Завершилась карьера бывшего особиста в 1938 г., когда убийца сотен людей угодил в жернова сталинских репрессий.

Более благополучно сложилась судьба И. Данишевского. Став видным номенклатурным работником, этот участник массовых казней в разное время возглавлял всевозможные советские торговые, финансовые и хозяйственные учреждения. Оставил Данишевский свой след и в авиастроении. До августа 1938 г. он был директором и начальником строительства новосибирского авиазавода №153, выпускавшего самолеты-истребители И-16 и УТИ-4. Счастливо избежав смерти в годы «большого террора» и отбыв лагерный срок, после реабилитации бывший чекист активно занимался литературной работой и оставался до самого последнего часа верен идеалам «Великого Октября».

Но, безусловно, самым известным «героем» крымской «зачистки» является Иван Папанин. Будущий видный советский полярник, обладатель богатой коллекции советских и зарубежных наград, в рассматриваемый период Папанин был комендантом Крымской ЧК. В обязанности комендантов (их также называли «комиссарами смерти») входило приведение в исполнение приговоров и руководство расстрелами. Сложно сказать, скольких людей отправил в небытие папанинский маузер, но, так как период «работы» будущего покорителя Арктики пришелся на самый пик крымской «зачистки», личный его вклад в красный террор был, вероятно, немалым. Тем не менее в историю Папанин вошел не как исполнитель расстрелов, а как «блестящий ученый, создатель самого мощного в мире научного флота». Имя Папанина трижды увековечено на географической карте; в родном Севастополе ему установлен памятник, в честь него названа одна из городских улиц...

Следователем Крымской ЧК некоторое время работал и будущий кинорежиссер Марк Донской.

Вместе с тем, участие в казнях не проходило бесследно для расстрельных команд. Слезы, мольбы и крики людей давили на психику палачей. Чтобы отгородиться от этого, убийцы накачивали себя кокаином и спиртом, тем самым приходя в состояние полного отупения. Но это помогало не всегда и не всем. Некоторые каратели, не выдержав, повреждались рассудком. Так, один из бывших красноармейцев писал в своей биографии: «При ликвидации в гор. Феодосии мне пришлось участвовать в форменной резне, после чего расстроилась нервная

**И.Д. Папанин – комендант
КрымЧК**

система <, > и я был отправлен в Москву в нервный госпиталь, где меня вылечили»³⁹⁶. Пребыванием в психиатрической клинике закончилась и чекистская карьера Папанина.

В тисках диктатуры

Одновременно с красным террором и разорением села продразверсткой советские чрезвычайные органы осуществляли советизацию края. Как и в предыдущие годы, практическая работа в данном вопросе выражалась в подавлении «сопротивления буржуазии», упрочении «диктатуры пролетариата» и была направлена на уничтожение экономической основы и политического влияния «эксплуататорских классов».

Первое, что сделали победители, придя в Крым, — это выселили из квартир их владельцев. Поначалу это происходило стихийно. Когда красные занимали крымские города, они располагались на постой в каждом доме, *«заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества все, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе»*³⁹⁷. Размещаясь в уже заселенных квартирах, красноармейцы старались избавиться от жильцов. *«Началось безжалостное изгнание стариков, женщин и детей из их квартир, часто даже ночью, когда уже грянули морозы. Изгоняемым позволялось брать с собой лишь по одной перемене белья и одежды. Ни мебели, ни посуды брать нельзя было»*³⁹⁸.

После организации власти выселению «буржуазии» был придан «законный» характер. Приказом №2 Крымревкома от 16 ноября 1920 г. «контрреволюционные элементы» немедленно выселялись из вилл, дач и имений, которые передавались для размещения *«освободителей крымских трудящихся масс, больных и раненых красноармейцев, петроградского и московского пролетариата, поднявшего первое знамя восстания против помещиков и капиталистов»*³⁹⁹.

В конце ноября 1920 г. была проведена национализация частных домовладений. В соответствии с постановлением Крымского обкома РКП (б) от 5 декабря 1920 г., повсеместно было проведено переселение рабочих в квартиры и дома «буржуазии». Практическое выполнение было поручено специально созданной Чрезвычайной комиссии.

Наглядную картину того, как это происходило в Симферополе, приводит в своих воспоминаниях генерал Иродион Данилов, служивший у красных в штабе 4-й армии. Являясь на частные квартиры, сотрудники жилотдела требовали их освободить в 12-часовой срок, *«причем, не исполнявшие этого выбрасывались, в полном смысле этого слова, на улицу, а мебель отбиралась и свозилась в жилищный отдел, откуда она грузилась в вагоны и вывозилась в Москву»*⁴⁰⁰. Для проведения этой опе-

³⁹⁶ Тепляков А.Г. Указ. соч.

³⁹⁷ В Крыму после Врангеля (Рассказ очевидца). С. 59.

³⁹⁸ Указ. соч. С. 60.

³⁹⁹ Семин А.С., Горчаков А.А. Указ. соч. С. 270–271.

⁴⁰⁰ Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Т. XVI. Берлин, 1925. С. 168.

рации город был разделен на пять районов, руководство выселением было поручено начальнику жилотдела Фельдману. Прибыв в одну из квартир, в которой вместе со своими сослуживцами жил автор воспоминаний, Фельдман и его подчиненные потребовали от собственника освободить квартиру и сдать мебель. *«На предъявленное требование <...> дочь владельца дома-особняка, вдова с грудным ребенком, спросила их, куда она денется, с грудным ребенком, у которого в настоящее время воспаление легких, на что есть удостоверение врача, Фельдман отвечал: «Пустьдохнут буржуйские дети». Только благодаря нашему энергичному вмешательству, за что мы получили от них обвинение в симпатии к буржуям, семья эта в составе старухи 99 лет, ее дочери и двух внуков — обе вдовы с тремя малолетними детьми, получили разрешение занять две комнаты и кухню с кладовой в отведенном флигеле во дворе дома, где жила раньше их прислуга, но при том только условии, если и мы, в числе 4-х человек, будем занимать вместе с ними это помещение, как по отводу для военнослужащих. Конечно, чтобы не допустить несчастных владельцев быть выброшенными на улицу, мы тотчас же на это согласились, за что хозяева были нам бесконечно благодарны. Бабушка и прабабушка поместились в кладовой, а остальные разместились в кухне и двух комнатах. У вдов была корова для питания детей молоком. Фельдман реквизирует ее, и на заявление, что она необходима для питания детей, ответил: «Пусть она питает детей рабочих, а не буржуев». Между тем эта корова была отправлена к нему на дом, и, как всем было известно, все время находилась у него»⁴⁰¹.*

В результате этих мероприятий многие жители полуострова остались без крыши над головой, а в их жилища вселились победители — красноармейцы, чекисты, партийцы.

Затем «революционные» власти национализировали предприятия, заводы, фабрики, банки, железные дороги, транспорт. Переименовываются улицы. Приказом Крымревкома №2 от 16 ноября 1920 г. в каждом городе главные улицы требовалось называть именами Красной армии, Ленина, Троцкого⁴⁰². Были разгромлены или вытеснены из активной политической жизни все конкурирующие партии. Единственной партией в Крыму, которой удалось на время легализоваться, была коммунистическая партия Поалей-Цион (еврейская коммунистическая партия), которая уже в декабре 1922 г. приняла решение о разрыве с Всемирным еврейским коммунистическим союзом и «безоговорочном вступлении в РКП (б)» со всем имуществом и архивными материалами⁴⁰³.

Ликвидировалось прежнее административно-территориальное деление. Как и в предыдущие годы, реквизиции, конфискации и принудительные изъятия стали обыденными явлениями. Представитель Наркомнаца М. Султан-Галиев назвал изъятие «излишков» у «буржуазии» «одним из неправильных действий Советской власти в Крыму, лишь дезорганизовавших правильную ее постановку».

«Возникнув и начавшись в центре (Симферополь), оно (изъятие — Д.С.) быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хрони-

⁴⁰¹ Указ. соч. С. 168–169.

⁴⁰² Пащенко В.Н. Этнокультурное развитие в Крыму с древнейших времен до конца XX века: монография. Симферополь: ДИАИПИ, 2012. С. 159.

⁴⁰³ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 676.

ческую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало собой скорее грабёж, чем “изъятие”. Отбирали буквально все — оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого “изъятия” в г. Алушке. Все партийные и советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. “Изъятие” производилось вооружёнными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны. Когда мы обратились к председателю Ревкома с вопросом, почему это так, то он объяснил, что вино “это очень плохое”, “никудашное” и что красноармейцы едва ли от него опьянеют. Проходя вечером мимо казармы, мы невольно стали наблюдателями следующей картины: командир отряда, весь красный от вина, отдавал какие-то бессвязные приказы красноармейцам. Те не слушались и перебранивались. “Ты сам во как выпил, а нам всего лишь по две кружки досталось”, — укоризненно и возбужденно говорили ему красноармейцы. Как мы потом выяснили, они требовали себе еще по стакану вина.

Распределение изъятых вещей произведено также неорганизованно. Например, в Симферополе татарская беднота, несмотря на свою страшную нужду (женщины ходят в мешках, босые и полуголые), абсолютно ничего не получила. А между тем среди татар очень много произведено изъятий излишков, вплоть до подушек и одеял, служащих им вместо мебели»⁴⁰⁴.

Генерал И. Данилов приводит в своих воспоминаниях слова одного из участников кампании по «изъятию», армейского комиссара Петрова:

«Приятно было, — говорил он (Петров — Д.С.), — войти в квартиру в сознании своей силы и раскрыть какой-нибудь ящик буржуйки с драгоценностями, аккуратно сложенными, потом все это свалить в одну кучу и рыться в них, видя бледное лицо хозяйки, которая трясущимися руками открывает следующие ящики, не смея сказать слова протеста. Я бы, собственно говоря, не оставил им и одной пары белья и пустил бы их ходить голыми, пусть бы прикрывались фиговым листком»⁴⁰⁵.

«Отбирают последнее достояние, — сообщал 12 марта 1921 г. в письме, адресованном советскому наркому просвещения Анатолию Луначарскому писатель И. Шмелев. — Требуют одеяло, утварь, припасы. Я отдаю последнее, у меня ничего своего, все от добр<ых> людей — и то берут. Я болен, я не могу работать. Я имел только 1/4 ф<унта> хлеба на себя и жену. Если бы не мал<ый> запас муки, я умер бы с голоду. Я не знаю, что будет дальше. Посл<еднюю> рубаху я выменяю на кус<ок> хлеба. Но скоро у меня отнимут и последнее. У меня остается только крик в груди, слезы немые и горькое сознание неправды»⁴⁰⁶.

Изъятые таким образом вещи большей частью оседали в руках красноармейцев и коммунистов.

Жертвами подобного рода действий нередко становились и советские служащие. Так, в телеграмме, поступившей в Крымревком, работники железнодорожного ведомства жаловались «на бесчинства солдат в смысле производства обысков, реквизиций вещей и выселения из квартир». В другой телеграмме гово-

⁴⁰⁴ Султан-Галиев М.Х. Указ. соч. С. 88.

⁴⁰⁵ Данилов И. Указ. соч. С. 168.

⁴⁰⁶ Письмо И.С. Шмелева наркому просвещения РСФСР А.В. Луначарскому от 12 марта 1921 г. // http://lib.ru/RUSSLIT/SMELEW/shmelev_letters.txt

рилось, что «возчик... Мудрый категорически отказался возить почту... вследствие того, что у него проходящими советскими войсками забраны лошади, телеги, сбруя и фураж»⁴⁰⁷.

В поддержку кампании по «изъятию излишков у буржуазии» советские чрезвычайные органы приняли ряд постановлений, регламентирующих порядок проведения реквизиций. Так, 8 декабря 1920 г. увидел свет приказ Крымревкома №96, предоставивший властям право забирать у населения все необходимые продукты. В начале января 1921 г. вопрос «изъятия излишков» рассматривался на заседании Крымского обкома РКП (б). Было принято решение обложить местных жителей специальным налогом. Но уже 11 января 1921 г. данное постановление было отменено и вместо него принято решение «провести изъятие излишков у буржуазии не обложением, а облавой в Крымском масштабе»⁴⁰⁸.

Была разработана «Инструкция по проведению операций с целью изъятия излишков у буржуазии». Излишками считалось все, что выходило за пределы дозволенной «нормы».

Подводя итоги облавы, 31 января Крымский обком постановил: «операцию провести в более широком виде, до полной пролетаризации буржуазии»⁴⁰⁹.

Определенное представление о том, какие масштабы приобрели реквизиции одних лишь продуктов питания, позволяют составить следующие данные. Проанализировав продовольственное положение края, работавшая в Крыму полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР установила, что только армейскими подразделениями и Военпродснабом Украины с полуострова был вывезен весь хлеб, съедены и вывезены все запасы консервов, повидла, жиров⁴¹⁰.

Еще одной приметой жизни «освобожденного» Крыма стали принудительные мобилизации. Уже в конце 1920 г. Крымревком выпустил ряд приказов, обязывающих население заниматься ударным трудом и объявлявших всякого, кто самовольно оставит работу, дезертиром, который должен «предаваться суду по законам военного времени»⁴¹¹. 3 января 1921 г. приказом №195 Крымревкома к отбыванию трудовой повинности были привлечены все «граждане иностранно подданные». Нарушившие данный приказ подлежали суду революционного трибунала как «трудовые дезертиры»⁴¹². 6 января 1921 г. приказом №202 Крымревком объявил обязательную регистрацию «всех работающих, безработных, ищущих труда и не занимающихся общественно полезным трудом». Учету подлежали «все граждане без различия пола, возраста и подданства, работающие по найму

⁴⁰⁷ ГАРК (бывш. ГААРК), Ф. Р-1188. Оп. 3, д. 230, л. 29 // Цит. по: Ишин А.В. Политико-экономическое положение Крымского полуострова в конце 1920-первой половине 1921 г. // Культура народов Причерноморья. 1999. №8. С. 46.

⁴⁰⁸ Бикова Т.Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). С. 135.

⁴⁰⁹ Указ. соч. С. 136.

⁴¹⁰ Пащенко В.Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). С. 88.

⁴¹¹ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. С. 60.

⁴¹² Сборник приказов революционного комитета Крыма (№187–325) (2/I — 31/III–1921 г.). Вып. 2. Симферополь, 1921. С. 10.

в каких бы то ни было учреждениях, предприятиях и хозяйствах, независимо от занимаемых должностей»⁴¹³.

Первым днем регистрации в Симферополе определили 12-е, последним — 19 января 1921 г. В других городах и местностях Крыма регистрация должна была закончиться «в недельный срок по получении на местах настоящего приказа». Все лица, не зарегистрированные в указанный срок, объявлялись трудовыми дезертирами и подлежали заключению в лагеря принудительных работ⁴¹⁴.

30 января 1921 г. «для борьбы с трудовым дезертирством и прогулами, принимающими в последнее время широкие размеры», приказом №262 Крымревкома в Симферополе была создана Крымская комиссия по борьбе с трудовым дезертирством (Крымтруддезертир). Аналогичные комиссии создавались при всех уездных комитетах труда (укомтрудах).

Для предупреждения попыток уклониться от трудовой повинности всем фабрикам и заводам, советским общественным и частным учреждениям и предприятиям предлагалось в недельный срок составить списки личного состава с указанием: а) родины; б) постоянного места жительства семьи; в) отношения к воинской повинности; г) времени поступления на службу; д) специальности. Списки эти должны были храниться в учреждениях и предприятиях и представляться по первому требованию в органы борьбы с дезертирством⁴¹⁵. Руководители всех предприятий были обязаны установить «строгий надзор» за табельной регистрацией выходов на работу всех рабочих и служащих. Прогул свыше трех дней в течение месяца расценивался как саботаж и влек за собой привлечение к дисциплинарному суду⁴¹⁶.

Мобилизационные мероприятия активно проводились во всех отраслях. Так, в начале 1921 г. один только Балаклавский ревком провел не менее полутора десятков мобилизаций. 3 января 1921 г. было объявлено о мобилизации всего гужевого транспорта, а в апреле того же года — о мобилизации лиц, «когда-либо занимавших должности бухгалтеров», помощников бухгалтеров и т.п.⁴¹⁷

Исполненную страха и безысходности, жестокою атмосферу тех лет красноречиво передал в своем рассказе «Линия убийцы» живший в то время в Крыму писатель Сергей Сергеев-Ценский:

«Настали апокалипсические времена. Есть такая фраза в апокалипсисе: „И нельзя будет ни купить, ни продать“⁴¹⁸... Признаюсь, я совершенно не понимал ее раньше. Главное, я не представлял ясно; почему именно нельзя будет ни купить,

⁴¹³ Указ. соч. С. 13.

⁴¹⁴ Указ. соч. С. 14.

⁴¹⁵ Указ. соч. С. 49.

⁴¹⁶ Указ. соч. С. 50.

⁴¹⁷ Никитина И.В. Балаклава. Год 1921 // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. II. Новая и новейшая история. Избранные материалы VII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. Кузищина. В.И. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. С. 54.

⁴¹⁸ Откр. 13, 17.

ни продать? И в пламенной книге патмосца это казалось мне каким-то бессмысленным местом.

И однако жизнь оправдала и это бессильное как будто место: ни купить, ни продать ничего нельзя было просто потому что то и другое воспрещалось. Открытым оставался вопрос: как же должно было существовать население? Подсказывался прямой и ясный ответ: оно должно было умереть, — но в такой ответ все-таки не хотелось верить. Можно было оставить голого человека на голой земле, но совершенно оголеть от человека землю — из цветущего края делать пустыню во имя скорейшего счастья того же человека — это уж казалось непостижимой абракадаброй. <...>

Становилось непонятным, как можно было в подобной обстановке вести хозяйство, и объяснялось, что хозяйство — преступление, и всякий хозяин — буржуй, явный враг советского строя. Хозяева начали самоуправляться: усиленно резать скот и домашнюю птицу. Дошло до того, что петухи уж перестали петть, а коровы мычать, по той простой причине, что их уже не было. Все лошади были перечислены в трамот⁴¹⁹, и их безжалостно гоняли, забывая, что их надо кормить. Скоро в трамоте остались одни только экипажи без лошадей. Голодные тощие собаки, покинувшие голодных хозяев, стаями бродили по городу, потом перекочевывали в окрестности, где могли питаться падалью. Отары татарских коз и овец чабаны угнали далеко в леса, но там охотились за ними зеленые, число которых сильно увеличилось, так как от голода многие позеленели.

Встречавшиеся мне иногда знакомые татары, озираясь кругом, выпучивали глаза и говорили шепотом: “Что теперь будим делать, скажи? Канцы ка-анцами завсим плохам жить асталси!.. Помирать будим...” Они все-таки надеялись, то за них заступится Турция, — Энвер-паша, — которого называли они своим государем, так как представить себе существование без государя никак не могли. Обладая большим запасом восточного терпения, они терпеливо ждали, что кто-то должен откуда-то прийти и сказать, что так их мучить нельзя, — и по утрам долго смотрели на море: может быть, “энглези” на своих дредноутах, может быть “француз”...

Русские становились только молчаливее, хуже и мрачнее. Рабочие были биты в советские мастерские, где работали за фунт хлеба, перекоряясь с теми, кто наблюдал за работой. Рыбаков винтовками загоняли на баркасах в море ловить камсу, — причем и баркасы и сети были отняты у владельцев, — и рыбаки, прежде привозившие полные уловы, пудов по шестидесяти на баркас, теперь привозили пуда по два, по три и еще до прихода морской милиции спешили раздать половину голодным, а милиция забирала остальное. И так во всем.

Людей, которые никогда не копали землю, посылали на ответственную работу — перекапывать виноградники, отнятые у владельцев и теперь ставшие совхозами. Людей, не имевших понятия об обрезке, посылали в целях искоренения буржуазного наследия обрезать грушевые и яблоневые сады. Отбирали остаток

⁴¹⁹ Транспортно-материальный отдел.

дойных коров, собирали на советскую ферму и там их портили и сводили на нет их молочность.

У татар, как земледельцев, не отнимали садов и табачных плантаций, но ни один татарин не вышел в свой сад зимою и не вышел весной на плантации. — “Зачем будим рапотать, скажи? — говорили они недоуменно. — Чтобы он пришел, себе забрал? Нехай сам работай!” ...И сады запустели, виноградники стали рубить на топливо»⁴²⁰.

Даже в решении таких сугубо мирных вопросов как организация системы здравоохранения и курортов, реформа образования, — советские чрезвычайные органы руководствовались, прежде всего, соображениями целесообразности и полезности правящему режиму.

Так был заложен фундамент, на котором воздвиглось здание нового общественного уклада.

⁴²⁰ Сергеев-Ценский С.Н. Линия убийцы // Крымский архив, № 2. С. 115-116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами рассмотрен один из самых трагич-
ных периодов в истории Крыма и всей страны в XX столетии — время революций
1917 г. и Гражданской войны.

Из мирного курортного региона полуостров превратился в арену кровопро-
лития, стал полем экспериментов по выведению «новой исторической общности». Не представляется возможным дать точные цифры потерь среди населения полу-
острова в результате террора и боевых действий. Однако бесспорно: оно исчис-
ляется многими тысячами. Спасая свои жизни, тысячи людей вынуждены были
навсегда покинуть страну, уйдя в эмиграцию.

Опираясь на примерные данные, современные историки составили картину
убыли населения полуострова за 1917–1921 гг. Например, по данным Т. Быковой,
за этот период численность одних только городских жителей Крыма уменьшилась
более чем на 100 тыс. человек⁴²¹.

И это было только начало. Осенью 1921 г. на многострадальную землю Таври-
ды обрушилось новое страшное бедствие — голод 1921–1923 гг. Вызванная в зна-
чительной мере природными факторами (невиданной за последние 50 лет засухой
лета 1921 г., нашествием саранчи и проливными дождями 1922 г.), гуманитарная
катастрофа усугублялась преступной политикой власти.

Голод не только уносил множество жизней, но и отменял все нравственные за-
коны. 1 июня 1922 г. севастопольская газета «Маяк коммуны» писала: «Это был
не просто голод, это голод, ведущий к вымиранию целых селений и безумству
людоедства»⁴²². К лету 1923 г. количество жителей полуострова, погибших голод-
ной смертью, превысило 100 тыс. человек. Особенно сильный удар голод нанес
по крымскотатарскому населению, потерявшему 25% всей своей численности⁴²³.

В Карасубазаре численность жителей упала на 48%, в Старом Крыму —
на 40,8%, Феодосии — на 35,7%, в Судакском районе — на 36%, многие деревни
горного Крыма вымерли полностью⁴²⁴.

С тех пор минули десятилетия, но вызванный смутой общественный и духов-
ный раскол не преодолен до сих пор. И сейчас находится немало людей, счита-
ющих левоэкстремистские методы приемлемым средством и способом решения
экономических и социальных проблем.

В духовном плане крымская драма служит наглядным примером того, сколь
низко могут пасть люди, отринувшие христианские заповеди, возлюбившие грех
и ввергшие свои души в тенета прелести и соблазна. Утрачивая человечность, вку-
сившие дурман лжеидеи становились адептами ненависти, рабами страстей и по-

⁴²¹ Быкова Т.Б. Указ. соч. С. 131.

⁴²² Слава Севастополя, №104 (22775), 10 июня 2008.

⁴²³ Пащенко В.Н. Этнонациональное развитие в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.): Моногра-
фия. Симферополь, 2008. С.155

⁴²⁴ Зарубин В.Г., Зарубин А.Г. Голод в Крыму (1921–1923) // Клио — Симферополь, 1995. №1–4. С.38

рочных инстинктов. Став попущением свыше вершителями судеб миллионов, навязывая им свою волю, поборники смерти и разрушения хотя и многократно преуспели во зле, но все же не добились полной победы. Хотя и спустя десятки лет, но жизнь все расставила по местам, явив со всей очевидностью безумие советских социальных экспериментов. Их катастрофические последствия сказываются сегодня и будут сказываться еще очень долго. Преодоление их значимо не только для предупреждения возможных рецидивов. Современное переживание трагедии прошлого — свидетельство о Боге, шаг на пути к покаянию и духовному очищению. Без этого невозможно подлинное национальное возрождение.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИСТОРИКА	3

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6

Глава первая. ТЕРРОР ДО ТЕРРОРА

Между революций	16
Севастополь — Южный Кронштадт.	25
Трагедия в Евпатории	38
Завоевание Ялты	46
Феодосийские большевики-работоторговцы.	53
В захваченном Симферополе	54
Керчь: ни капли крови	59
Убийства на экспорт	60
Египетские ночи.	63
Февральская бойня	65
Агония «первого большевизма».	
Республика Тавриды	73

Глава вторая. ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА

Насилие во имя идеи	82
Крым вновь большевистский. КССР.	93

Глава третья. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Падение Белого Крыма.	100
Война продолжается	104
Без чести и жалости.	109
Тюремный архипелаг.	121
Кровавые будни	126
Награды палачам	134
В тисках диктатуры.	136

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143

Соколов Дмитрий Витальевич

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

**Большевистский террор в Крыму
в 1917–1921 гг.**

Редактор *А.В. Колтыпин*
Корректор *С.П. Кириллова*
Дизайн, верстка *А.В. Сергин*

Подписано в печать 16.07.2015
Формат 70 x 100/16. Объем 9,5 п.л.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion»
Тираж 500 экз.

Издательство МНЭПУ
Москва, ул. Космонавта Волкова, 20